

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА**

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2

Том 1. Филология

Санкт-Петербург
2011

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 2 (Том 1)'2011
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор.

Редакционный совет:

Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
О. Н. Морозова, кандидат филологических наук, доцент;
И. Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент;
Н. Л. Шадрин, доктор филологических наук, профессор,
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2011

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

Т. С. Давыдова

Служба и служение в русских литературных представлениях
первой половины XVIII века 7

К. А. Нагина

«Дары сада» в произведениях раннего Л. Толстого.....13

Н. Э. Марцинкевич

Женский вещный мир в творчестве А. Блока.....23

М. П. Качалова

«Дневники» М. М. Пришвина: от географического прототипа
к художественному образу 30

И. Ф. Герасимова

Первая мировая война в зеркале русской лирики 1914–1915 годов:
события вокруг Польши 38

Т. Е. Сорокина

Поэтика ключевых сцен в романе А. Проханова «Господин Гексоген».....47

А. Н. Никифорова

Античный миф и реалистичная готика в романе
Ф. Хиггинс «Черная книга секретов» 56

Н. В. Морженкова

Проблема идентичности в романе Г. Стайн «Ида» 63

ЛИНГВИСТИКА

С. А. Смирнова

Семантическая структура лексемы *святой* в исторических
и современных толковых словарях русского языка 70

Г. Н. Алиева, Н. Ф. Зербалиева

Парадигматические отношения в аббревиатурной лексике 79

Т. Н. Федуленкова, И. В. Антонова

Тенденции квантитативного развития английских
коммуникативных фразеологических единиц 88

К. З. Нуралиева

Способность фразеологизмов к энантиосемии 95

Н. В. Пестерова

Некоторые типы и модели структурно-отмеченных дериватов
в англоязычном медицинском социолекте 99

С. В. Шустова

Функциональный потенциал каузативного глагола
и роль среды в его актуализации 106

И. А. Абдулаева

Детерминант и тематический гласный в структуре глагола ахвахского языка ...112

А. Н. Лаврова

Архитектура специализированного словаря английского языка
мировой экономики.....120

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

О. Ю. Авдеевна

Социальные аспекты действительности в семантике восприятия 128

Т. В. Леонтьева

Семантическая организация лексического поля «обучение»
в русских диалектах и общенародном языке 138

Т. Д. Демидова

Периферийная часть лексикона как показатель литературной манеры
писателя (на материале лирических миниатюр В. П. Деткова)..... 148

Л. В. Фролова

Структура синкретичных концептов в тексте романа
М. М. Пришвина «Кашеева цепь» 158

Е. В. Метельская

Оценка полоролевой референции посредством
лексических субстандартных единиц-зоонимов 162

Т. Н. Микрюкова

Способы введения в высказывание неутверждаемых компонентов
с целью скрытого воздействия (на материале рекламных текстов) 169

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

А. В. Голоднов

Коммуникативно-прагматическая характеристика
риторического метадискурса 178

С. Н. Генералова

Уровни актуализации личностной концептосферы
в президентском дискурсе 186

Е. И. Грибкова

Фактор реципиента в новостном радиотексте 192

Ю. В. Погребняк

Психологические функции интериоризованного дискурса..... 199

Д. И. Петренко

«Точность» и «неопределенность» как формы представления знания
о переводе в метапоэтике К. И. Чуковского..... 207

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Л. О. Шарычева

Лингвокультурологическое описание потенциальных компонентов
в значениях слов..... 216

Сведения об авторах 226

Contents

THE STUDY OF LITERATURE AND FOLKLORE

T. Davydova

Service and Serving in Russian Literary Representations
at the First Half of the XVIII century 7

K. Nagina

«The Garden Gift» in Works of Early L. Tolstoy 13

N. Martsynkevich

Feminine World of Objects in A. Blok's Writing 23

M. Kachalova

M. M. Prishvin's «Diaries»: from Geographical Prototype to Artistic Image 30

I. Gerasimova

The I World War in Russian Lyrics of 1914-1915:
Events Involving Poland 38

T. Sorokina

The Poetics of Key Scenes in the Novel by A. Prohanov «Mr. RDX» 47

A. N. Nikiforova

The Antique Myth and Realistic Gothic in the Novel
by F. Higgins «The Black Book of Secrets» 56

N. Morzhenkova

The Problem of Identity in G. Stein's Novel «Ida» 63

LINGUISTICS

S. Smirnova

Semantic Structure of the Lexeme *Saint* in Russian Historical
and Modern Explanatory Dictionaries 70

G. Alieva, N. Zerbaliyeva

Paradigmatic Relations in the Abbreviated Words 79

T. Fedulenkova, I. Antonova

Tendencies of the Quantitative Development
of English Communicative Phraseological Units 88

K. Nuralieva

Capacity of Phraseological Units for Enantiosemy 95

N. Pesterova

Some Types and Models of Structurally-noted Derivatives
in English Medical Sociolect 99

S. Schustova

Functional Potential of a Causative Verb and the Role
of the Environment in its Actualization 106

I. Abdulaeva

Determinative Suffix and Thematic Vowel in Verb
Structure in the Akhvakh Language 112

A. Lavrova

English World Economy Specialized Language Vocabulary Architecture 120

COGNITIVE ASPECTS OF LINGUISTIC CATEGORIZATION

O. Avdeynina

Social Aspects of Reality Regarded in the Light of the Semantics of Perception 128

T. Leontyeva

Lexical Field of *Teaching* in Russian Dialects
and National Language: Semantic Organization..... 138

T. Demidova

Peripheral Part of a Lexicon as an Indicator of Writer's Literary Manner
(on a Material of V.P.Detkov's Lyrical Miniatures)..... 148

L. Frolova

The Structure of Syncret Concepts in the Novel
«The Kaschei's Chain» by M. M. Prishvin..... 158

E. Metelskaya

Estimating of the Gender-role Reference through Zoonim
Lexical Substandard Units 162

T. Mikriukova

Ways of Introducing Non-assertive Components into a Statement
in Order to Produce a Hidden Effect (Based on the Material
of Advertisement Copies) 169

THE THEORY OF DISCOURSE AND LINGUISTIC STYLES

A. Golodnov

Communicative-pragmatical Description of Rhetorical Meta-discourse 178

S. Generalova

Levels of Actualization of Individual Conceptual Sphere
in the Presidential Discourse 186

E. Gribkova

Factor of the Recipient in the Text of the Radio Newscasts..... 192

Y.U. Pogrebnyak

Psychological Functions of Interior Discourse 199

D.I. Petrenko

«Accuracy» and «Uncertainty» as Forms of Representation
of Knowledge of the Translation in K.I. Chukovsky's Metapoetics»..... 207

LINGUISTIC CULTUROLOGY

L. Sharycheva

Lingvocultural Description of Potential Components
in Word Semantics 216

About authors 226

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

УДК 821.161.1

Т. С. Давыдова

Служба и служение в русских литературных представлениях первой половины XVIII века

В статье рассматривается вопрос о службе и служении, нашедший свое выражение в русских литературных представлениях XVIII века. В 1730-50-е годы в русской поэзии начинает появляться интерес к частной жизни вне службы, что формирует новые представления личности о себе и своем внутреннем мире. Понятия службы и служения, отраженные в литературе указанного периода и относящиеся к внешнему и внутреннему миру соответственно, являются важными для понимания психологии человека данной эпохи.

The article views the question about service and serving, which realized at the Russian literary representations of the XVIII century. At the 1730-50-y years in the Russian poetry begins to appear the interest to private life beyond the service, which forms the new person's representations about himself and his inward life. The concepts of service and serving relates to the outside world and the inward life, and these concepts are reflected at the literary representations of this period and they are important for understanding person's psychology in this epoch.

Ключевые слова: литературные представления, служба, служение.

Key words: literary representations, service, serving.

Первая половина XVIII века – это эпоха перемен в жизни русского государства и общественной мысли. Петровская эпоха поставила перед человеком новые задачи технического и культурного развития страны, приближения России к Европе. Данный период ознаменовал изменения в сознании человека и его системе ценностей. Это был «период создания, или воспитания, нового человека. Этот человек должен быть прежде всего практик <...>. Ничто так высоко не ставилось в петровский период, как ремесло» [3, с. 125]. Важнейшим открытием петровской эпохи стала идея государственности, которая поставила новые национальные задачи и изменила систему русских сословий. Основным сословием стало дворянство, за которым была закреплена обязанность служить отечеству. «Петр своим распоряжением в 1712 г. постановил, что каждый дворянин, какого бы рода он ни был, обязан служить: не служащий не есть дворянин (подтверждено Указами 1714 и 1719 гг.). Родовитость не принималась во внимание при назначении на должность и прохождении службы» [7, с. 148]. Сам

Петр также воспринимал себя, прежде всего, с точки зрения собственной службы государственной идее, которая приобретала для него «почти религиозное значение грандиозной, непрерывной литургии в храме Государства. Работа его была молитвой» [5, с. 20].

Новые задачи, поставленные эпохой, требовали нового самосознания. Культура петровского времени была сосредоточена на идее могущественности русского человека, его силе и способности к любым преобразованиям. Герой данной эпохи – это энтузиаст, нацеленный на успех и трудящийся на благо государства. Он может быть небогатым и незнатным, но благодаря своему уму, смекалке и храбрости, он выходит победителем из жизненных испытаний, подтверждая тем самым, что человек сам творит собственную судьбу. Таковы и Василий Кориотский, и «российский ковалер» Александр, представляющие собой обобщенный образ молодого русского дворянина данного времени.

Служение идее государственности и просвещенного абсолютизма носило для дворянина характер этического идеала, который должен был отражать представления о должном обществе и гармоничном социальном устройстве. Данный идеал являлся основным для человека, формируя его систему ценностей и наполняя жизнь смыслом. С понятием этического идеала служения тесно связано понятие долга как следования нравственному образцу поведения. Государство первой четверти XVIII века, сосредоточившее в своих руках политическую и идеологическую власть, требовало от дворянства служения своим потребностям. «Психология служилого сословия была фундаментом самосознания дворянина XVIII века. Именно через службу он сознавал себя частью сословия. Петр I всячески стимулировал это чувство – и личным примером, и рядом законодательных актов» [5, с. 22]. Реализация абстрактной и высокой идеи служения через штатскую или военную службу, связанную с выполнением конкретных обязанностей, далеко не всегда носила характер гармоничного взаимодействия этих двух пространств. «Человек XVIII века жил как бы в двух измерениях: полдня, полжизни он посвящал государственной службе, время которой было точно установлено регламентом, полдня он находился вне ее» [5, с. 22].

Человек вынужден был принимать новое для него мироощущение, формировать иное восприятие себя, исходя из занимаемого положения в служебной иерархии. Основная мысль петровской Табели о рангах заключалась в том, что общественное положение человека должно соответствовать его заслугам перед царем и отечеством. Таким образом, особое внимание уделялось деятельности человека и функционированию в социальной системе. Внутренний же мир личности, частная жизнь вне службы, с ее сложностями и противоречиями, не вызывала серьезного интереса и не находила отражения в литературных представлениях петровского времени. Так, например, исследуя школьные драмы петровской эпохи, А. С. Демин

отмечал, что в этот период человек воспринимался условно, обобщенно. В нем видели, прежде всего, представителя всего человечества, акцентируя внимание лишь на тех его чертах, которые являются типичными, общими для всех людей [1, с. 211]. После первой четверти XVIII века русские художественные представления о мире и человеке существенно изменились, став более психологичными.

Таким образом, послепетровская эпоха задала новое направление в развитии литературных представлений о человеке и его служебном долге. Время правления преемников Петра I характеризовалось ослаблением компонента служения отечеству в общественном сознании. Значение роли государственной службы постепенно ослабевало, сокращались ее сроки, она переставала носить обязательный характер. В это время начинает зарождаться интерес к жизни вне службы, к отдельному человеку и его частному миру. В 1730-е годы, в позднем творчестве А. Д. Кантемира и ранних стихах В. К. Третьяковского, уже звучат мотивы уединенной жизни вдали от города и двора. В этот период времени понятия службы и служения в русском литературном сознании находятся в неразрывной связи друг с другом, реализация идеи служения возможна исключительно через службу. Интерес к внутреннему миру человека еще не проявляется как альтернатива внешнему миру, для писателей первой половины XVIII века основным пространством реализации личности остается именно внешний мир. Так, Кантемир в своей шестой сатире «О истинном блаженстве» провозглашает идеал умеренности и уединенной жизни без суеты: Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен, / В тишине знает прожить, от суетных волен / Мыслей <...> / Малый свой дом, на своем построенный поле, / Кое дает нужное умеренной воле... [2, с. 147].

Мотивы «малого дома» и «жизни спокойной» становятся ключевыми для позднего творчества сатирика, но во всех его произведениях звучит четко выраженная установка на успех в публичном пространстве внешнего мира. Невозможность реализации высокой идеи служения через конкретную службу из-за бюрократического чиновничьего аппарата и несоблюдения политических заветов Петра его преемниками диктует Кантемиру вынужденную позицию мудреца, далекого от решения актуальных социальных вопросов и сосредоточенного на постижении наук вдали от суеты. Герой Кантемира, однако, понимает, что реализовать себя в служении государственным и просветительским идеалам возможно лишь в публичном пространстве, которое нуждается в преобразованиях. Сатирик ищет пути воздействия на общественное сознание с целью возвращения к идеям петровской эпохи. В сатире седьмой он пишет о важности воспитания, а в стихотворении «О жизни спокойной» звучит разочарование от призрачности внешнего успеха, связанного с карьерными стремлениями, а не с идеей служения отечеству: Знав все непостоянство и лесть всего мира, / Не тужу, что мя счастье оставило сира... [2, с. 271].

Конфликт внутреннего и внешнего пространств происходит в душе героя от ощущения нестабильности и изменчивости внешнего мира, от непостоянства его идеалов. Данная тема непостоянства мира и непрочности человеческих стремлений присутствует и в раннем творчестве В. К. Тредиаковского. Его «Ода о непостоянстве мира» демонстрирует связь изменчивости мира с психологическим состоянием человека. Здесь Тредиаковский предпринимает попытку зафиксировать и отобразить постоянно меняющееся внешнее пространство. Осознание себя частью мира вызывает у героя оды страх и смятение. Его «мучит» необходимость постоянных перемен как во внутреннем, так и во внешнем мире. Служение идеалам государственности предполагает служение модели внешнего мира, которая вызывает протест у героя раннего Тредиаковского. По мысли поэта, человек должен служить истине, а переменчивые идеалы постоянно меняющегося публичного пространства не представляют для него ценности. Идея служения для героя Тредиаковского переносится во внутреннее пространство, обозначаясь в качестве абстрактного служения истине. Герой позднего творчества Кантемира и герой ранней поэзии Тредиаковского во многом схожи, однако, принципиальная разница между ними состоит в том, что для героя Кантемира внешний мир не теряет своей ценности и значимости, в то время как герой Тредиаковского не нацелен на поиск компромисса, он стремится выйти за рамки этого пространства. Отторгая мир внешний, Тредиаковский обращается к теме смерти, видя в ней единственный вариант пребывания в постоянстве и вечности. Так, в «Стихах Сенековых о смирении» он пишет: Простачком и старичком весел приду к гробу, / Оставивши на свете всю светскую злобу [8, с. 77].

Тема смерти становится центральной и в творчестве А. П. Сумарокова, герой духовных од которого трагически переживает суетность бытия и быстротечность собственной жизни. Если герои Кантемира и Тредиаковского не осознают себя частными людьми, их стремление к уединенной жизни является вынужденной попыткой компромисса с публичным пространством, то позиция героя поэзии Сумарокова уже иная по сравнению с предшественниками.

Как отмечал А. С. Демин, для творчества Сумарокова характерно перенесение «авторского внимания с изображения внешних событий на внутренние, душевные переживания героев» [1, с. 199], он «впервые в русской литературе сознательно и с большим старанием приступил к описанию переходных, текучих, противоречивых состояний человеческой души» [1, с. 203]. Особое внимание Сумароков начинает уделять частным переживаниям личности, ее страданиям от несоответствия переменчивого мира своим идеалам и ожиданиям. Во всех духовных одах Сумарокова лейтмотивом звучит идея ухода от суетности и непостоянства жизни «к вечному покою»: Во всем на свете сем премена, // И всё непостоянно в нем, // И всё составлено из тлена: // Не зрим мы твердости ни в чем... [6, с. 89].

Несколько иначе решается вопрос о суетности земной жизни в художественном мире М. В. Ломоносова. Идея служения также является центральной для его творчества, но человек в художественном мире Ломоносова воспринимается как часть целого, часть внешнего мира, космического пространства. Здесь уже иначе решается вопрос взаимодействия целого и части: Ломоносов не стремится к отторжению внешнего мира, он не испытывает противоречия от необходимости компромисса между внешним и внутренним. В «Утреннем размышлении о Божием величестве» Ломоносов пишет: Мой дух, с веселием внемли; / Чудяся ясным толь лучам, / Представь, каков зиждитель сам! [4, с. 204].

Человек в художественном мире Ломоносова гармонично взаимодействует с внешним миром. Представления о непрочности и бренности земной жизни не провоцируют в нем внутренний конфликт. Человек ощущает себя частью творения, частью единого космического пространства, он не препятствует течению жизни, принимая ее изменчивость и противоречивость. Внешний мир предстает величественным и разумным, он таинственен и загадочен. Человек же является очень малой частью мироздания, он уязвим, смертен и ограничен в собственных возможностях познания этого мира: «Открылась бездна звезд полна; / Звездам числа нет, бездне дна» [4, с. 205].

Человек находится в постоянном служении миру, богу, науке, царю, отечеству, обществу. Его служение заключается в постижении загадок мира, его устройства и законов. Это служение человека-творца, человека-ученого, который стремится приблизиться к замыслу Творца, дойти до сути творения.

Более позднее творчество Ломоносова уже ставит своей задачей рассмотрение малого мира отдельного человека. В «Стихах, сочиненных по дороге в Петергоф...» 1761 года Ломоносов обращается к образу кузнечика, скачущего в траве и являющего собой воплощение свободы и беззаботности: Хотя у многих ты в глазах презренна тварь, / Но в самой истине ты перед нами царь; / Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен! [4, с. 276].

Частный, внутренний мир отдельного человека постоянно находится в тесном взаимодействии с миром внешним. Представления о личной свободе и счастье вступают в противоречие с условностями и обязанностями публичного пространства. Образ кузнечика как носителя истины напоминает о предназначении человека, его задачах сохранения своей личной свободы и постижения масштабного мирового пространства.

Понятия службы и служения в период 1730-50-х годов еще не являются различными по своему содержанию. Их размежевание начнет происходить позже, в 60-е годы, в связи с манифестом 1762 года об отмене обязательной службы для дворян. В первой же половине XVIII века еще только начинают формироваться представления о внутреннем мире человека, его взаимодействии с публичным пространством, его личных стрем-

лениях, которые могут совпадать или не совпадать с его реализацией себя во внешнем мире. Восприятие себя в качестве частного лица, отдельной личности не является типичным для человека данного периода, однако, подобные представления уже появляются и находят свое отражение в литературе. Таким образом, понятия службы и служения, относясь к внешнему и внутреннему миру соответственно, являются одними из ключевых для понимания психологии служащего человека, его самосознания и отношений с живой жизнью.

Список литературы

1. Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. – М., 1977.
2. Кантемир А. Д. Собр. стихотворений. – Л., 1956.
3. Либан Н. И. Лекции по истории русской литературы: От Древней Руси до первой трети XIX в. / вступ. статья и указатели А. В. Архангельской. – М., 2005.
4. Ломоносов М. В. Избранные произведения. – Л., 1986.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – 2-е изд., доп. – СПб., 2008.
6. Сумароков А. П. Избранные произведения. – Л., 1957.
7. Таланин В. И. Русские сословия: История и современность: Монография. – Запорожье, 2006.
8. Третьяковский В. К. Избранные произведения. – М.-Л., 1963.

«Дары сада» в произведениях раннего Л. Толстого¹

В статье рассматривается семантика сада в творчестве раннего Л. Толстого. Глубинная мифологичность сада, его принадлежность к миру природы и цивилизации превращают сад в идеальное место для взаимодействия природы и человека, в процессе которого человек постигает смысл бытия.

The article considered the semantic of the garden in the works of early L. Tolstoy. The deep mythology of the garden, its belonging to the world of nature and civilization turn the garden into the ideal place for the interaction of nature and man. In the process of this interaction man comprehends the sense of existence.

Ключевые слова: Л. Толстой, сад, чувство природы, платонический, «Юность», «Утро помещика».

Key words: L. Tolstoy, garden, sense of nature, Platonic, «Youth», «The Morning of Landowner».

Способность сада «подсказывать» человеку различные чувства и мысли – от высокого религиозного восторга и теологических размышлений до любовных переживаний – вполне проявилась в творчестве Л. Толстого уже в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». В повести «Детство» сад предстал местом веры и любви, «детским Эдемом», символом которого была «маменька» [2, с. 102]. Подобно тому, как солнце заливало липовые аллеи и лужайку сада, «истинное теплое чувство» «так ярко и постоянно» освещало начало... жизни» [6, I, с. 168] Николеньки Иртеньева. Отрочество лишило Николеньку света, поэтому во второй части трилогии сад сменился «пустыней»: «Мне невольно хочется пробежать скорее пустыню отрочества...» [6, I, с. 68], – замечает повествователь. Юность стала «той счастливой порой, когда снова истинно нежное, благородное чувство дружбы ярким светом озарило» жизнь Иртеньева, и вернуло его в сад, теперь залитый не только солнечным, но и лунным светом. Движение из сада «Детства», утраченного со смертью татан Аркадии, через «пустыню отрочества» к вновь обретенному саду «Юности» символизирует жизненный путь и нравственный рост персонажа; «возрождение» его «любви к Богу и ближнему».

Последняя часть трилогии открывается описанием весеннего пробуждения, того «особенного периода весны, который сильнее всего действует

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта 2.1.3/1207 «Универсалии русской литературы (XVIII – начало XX вв.)», поддержанного грантом Министерства образования и науки РФ.

на душу человека [6, I, с. 190]. От имени природы у Толстого представляет «палисадник» – маленький огороженный садик, какой только и возможен около московского дома Николеньки. В палисадник он смотрит из окна «классной комнаты», как некогда в детстве из окон классной смотрел на сад в Петровском, различая среди сидящих на террасе свою матушку. В «Юности» происходит парадигматическое возвращение в сад, в котором уже нет маменьки. Но сам сад все также «говорит» о любви, что отражается на переживаниях повзрослевшего персонажа. Открытое окно, как магнит, притягивает Николеньку: «Я подошел к окну, сел на него, перегнулся в палисадник и задумался <...> все мне говорило про красоту, счастье и добродетель, говорило, что как то, так и другое легко и возможно для меня, что одно не может быть без другого, и даже что красота, счастье и добродетель – одно и то же» [6, I, с. 192].

Природа выступает для Толстого источником абсолютных, в том числе нравственных, ценностей, а потому позволяет человеку обнаружить в себе отклонения от абсолюта правды и добра, одновременно побуждая его к активной деятельности на пути постижения истины. Д. Орвин убедительно доказывает, что взаимодействие природного и человеческого у Толстого осуществимо именно потому, что и то, и другое есть «эманации одной метафизической сущности» [3, с. 63]. В природе Толстой ищет и находит не только совесть и нравственность [3, с. 78], но «разум», «мысль» [3, с. 84], которая «выражает себя в природе “гармонически правильным” порядком вещей» [3, с. 85]. Во взаимодействии природного и человеческого ведущим является природное: не Николенька «субъективно использует природу, чтобы выразить чувство», а «природа использует его». Исследователь считает, что «изображенный Толстым в этом фрагменте опыт осознал им как в значительной степени объективный»: всякий «неиспорченный, неизвращенный человек, да пусть даже и извращенный, но чувствительный, был бы “проникнут”, как и Николенька» [3, с. 67]. Разделяя точку зрения Д. Орвина, приведем примеры из других произведений Л. Толстого. Молодой граф Турбин, персонаж «Двух гусаров», отнюдь не являет собой образец высоких добродетелей. Желая приятно провести время, он пробирается под окно Лизы с самыми фривольными намерениями. Напуганный неожиданной реакцией девушки, Турбин пытается спрятаться в саду от сторожа, привлеченного ее криком. Идя по «дорожке крытой липовой аллеей», он с досадой представляет себе желаемое развитие событий: «А чудесная барышня! свеженькая какая! просто прелесть! и так прозевал! [6, II, с. 294]. Незаметно для себя граф попадает под обаяние ночного сада, который детально описывается Толстым. И наступает минута, когда природа «говорит» через Турбина: «И тут и для него эта ночь принесла свои миротворные дары какой-то успокоительной грусти и потребности любви». Граф испытывает незнакомые ему чувства, не имеющие ничего общего с его практицизмом и цинизмом: «“Боже, какая ночь! Какая

чудная ночь!” – думал граф, вдыхая в себя пахучую свежесть сада. – Чего-то жалко. Как будто недоволен и собой, и другими, и всей жизнью недоволен...» [6, II, с. 294]. Однако эти чувства мимолетны и не оставляют следов. Персонаж быстро стряхивает «наваждение» и возвращается к привычному образу мыслей: «“Экой я дурак! Надо было просто ее схватить за талию и поцеловать”. И с этим раскаянием граф вернулся в комнату» [6, II, с. 294]. Показательно здесь слово «раскаяние». Николенька Иртеньев в «весеннем» эпизоде тоже испытывает раскаяние, но совершенно иного рода. Сад за окном, «пахучий сырой воздух» и «радостное солнце» говорят ему про «красоту, счастье и добродетель», заставляя осознать, как «дурен» он «был прежде». Подобного рода рефлексия чужда Турбину, не способному более чем на минуту «задавить ум» [5, LX, с. 189] – освободить его от усвоенных стандартов, поэтому смутное чувство недовольства собой, внушенное природой, персонаж переводит в понятную и давно привычную плоскость: он винит себя за нерасторопность, проявленную им у окна Лизы.

Однако коммуникация с природой и для «извращенных» людей может заканчиваться иначе. В романе «Воскресение» Нехлюдов как раз позволяет себе выразить то, что присутствует в природе, и кардинальным образом меняет свою жизнь. Ночь в Паново, во время которой он слушал пение соловьев и кваканье лягушек, стала переломной для персонажа, нашедшего в себе силы для искреннего раскаяния и движения по новому пути.

Сад располагает толстовских героев к мечтам о любви, и первым в их ряду оказывается Николенька Иртеньев. Особое место в его мечтах занимает *она*: сначала облик ее достаточно конкретен, затем начинает «расплываться», в результате чего остается только ощущение чего-то «прекрасного и благого» [6, I, с. 292], которое трансформируется в молитвенную медитацию. *Она* чаще всего связана с садом, что демонстрирует и центральная глава последней части трилогии – «Юность», корреспондирующая с главой «Мечты» посредством повторяющихся универсалий: сад, мечта, *она*, присутствие Божественного и томление по нему.

В главе «Юность» медиатором между воплощениями любви избирательной и всеобщей – возлюбленной и Богом – оказывается сад: «Но луна все выше, выше, все светлее и светлее стояла на небе, пышный блеск пруда, равномерно усиливающийся, как звук, становился яснее и яснее, тени становились чернее и чернее, свет прозрачнее и прозрачнее, и, вглядываясь и вслушиваясь во все это, что-то говорило мне, что и она, с обнаженными руками и пылкими объятиями, еще далеко не все счастье, что и *любовь* к ней далеко, далеко еще не все благо; и чем больше я смотрел на высокий, полный месяц, тем истинная красота и благо казались мне выше и выше, чище и чище, и ближе и ближе к Нему, к источнику всего прекрасного и благого, и слезы какой-то неудовлетворенной, но волнующей радости наворачивались мне на глаза» [6, I, с. 291].

Финальный аккорд – «как будто природа, и луна, и я, мы были одно и то же» – уже подготовлен этим пассажем, его грамматической особенностью: деепричастный оборот «*вглядываясь и вслушиваясь во все это*» – отнесен не к глаголу первого лица, как это следовало бы из стандартной логики раскрытия переживаний персонажа, а к глаголу третьего лица, связанному с неопределенным местоимением: «*что-то говорило мне*». Эта грамматическая конструкция напоминает подобную из главы «*Детство*», причем обе главы являются центральными для первой и последней частей трилогии. Во втором случае речь идет о детской молитве: «*Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к богу как-то странно сливались в одно чувство*» [6, I, с. 53 – 54]. Казалось бы, именно Николенька должен повторять *молитвы* за *любимой матерью*, но у Толстого это делает *любовь*. Что-то в самом существе персонажа соприродно тому миру, который в сцене детской молитвы репрезентирован *матерью* и *Богом*, а в сцене ночных грез – *садом*. В первом случае это начало названо *любовью*, во втором оно не определено, однако из контекста ясно, что, *вглядываясь и вслушиваясь* в ночной мир, оно идентифицирует себя ним, в результате чего Николенька отождествляет себя с природой. Он напоминает того художника, в «котором талант задавил ум» и который таким образом «получает доступ к гетевскому “разуму внутри всего живого”» [3, с. 86].

К этому вопросу можно подойти и с другой стороны – через позднего Толстого, как бы объясняющего себя «раннего». То, что в Николеньке соприродно миру, в дневниковых записях 1900-х годов названо писателем «*Божественным, вечным, всемирным началом, которому я могу быть причастным*» [5, LV, с. 170] (1905); «*духовной, Божественной сущностью*» [5, LVI, с. 47] (1907). Происходящее с Иртеньевым – это акт самосознания: «*Я сознаю тело, сознаю душу, но не сознаю того, что сознает и то, и другое*» [5, LVI, с. 77], – пишет Толстой в Дневнике в 1902 году. Это высказывание Р. Густафсон поясняет следующим образом: «*В акте самосознания, как в первичном осознании “я”, так и во вторичной саморефлексии, “я”, которое всегда сознает себя, – это “я”, которое причастно истинной жизни <...> Субъект акта саморефлексии есть Бог <...> Этот Бог – единственное, что истинно существует. <...> Бог – это Все, которому все существа причастны как субъекты, но я познаю Бога как субъект только в себе, в других существах Бог для меня – это субъект, отеленный от меня объективным существованием, пределами пространства и времени*» [1, с. 268].

В акте самосознания человек, по Толстому, понимает свою «отделенность от всего» и «причастность ко Всему»: «*Жизнь есть сознание. Сознаний два: одно – низшее сознание: сознание своей отделенности от Всего; и высшее сознание: сознание своей причастности ко Всему, сознание своей вневременности, внепространственности, своей духовности, сознания всемирности*» [5, LIV, с. 179–180] (1903); «*То, что мы сознаем себя отделен-*

ными, это только иллюзорное, или «временное сознание», а в действительности мы не перестаем быть одно со всем (на религиозном языке это значит, что в нас Бог) [5, LIV, с. 179 – 180] (1909).

Это «высшее сознание» «своей причастности ко Всему» Толстой называет «богом, любовью». В интересующем нас эпизоде из главы «Детство» не Николенька, а *любовь к матери и любовь к богу*, живущие в нем, повторяют слова молитвы. Это и есть проявление того самого «Божественного начала», или, как его называет Р. Густафсон, «божественного “я”» [1, с. 270], «сознания духовного»; оно же обнаруживает себя в момент мечтаний персонажа, находящегося в ночном саду, в главе «Юность».

И в раннем, и в позднем периодах творчества «любовь занимала центральное место в сознании Толстого... только любовью человек соединен с другими людьми и с природой» [3, с. 76]. Любовь понимается молодым писателем в широком смысле, о чем Д. Орвин пишет: «В то же время Толстой неоднократно давал понять, что, по его мнению, существует определенная связь между чувственной любовью и той любовью к ближним, которая должна служить основой подлинной общественной морали» [3, с. 53]. Восхождение Николеньки Иртеньева от эротических переживаний до томлений по Божественному иллюстрирует эту мысль. Анализируя «парадоксальное переплетение чувственных желаний и добрых намерений» [4, с. 49] в сочинениях раннего Толстого, Д. Орвин приходит к выводу, что здесь не обошлось без влияния Платона [4]. В переживаниях Николеньки Эрос проявляет себя как «страстное желание несовершенного и одинокого существа воссоединиться со всем сущим», помогающее персонажу «найти путь к той части его души, которая принадлежит вечности». В «Юности» любовный порыв, который переживает Николенька, достигает кульминации в ощущении воссоединения с вечностью. Настроение здесь лирично и трансцендентально. Как и у Платона, Эрос предстает как томление смертного и ограниченного существа о вечности» [4, с. 51].

Толстовский платонизм проявляется и в других произведениях 1850-х годов, причем оказывается, как и в «Юности», связанным с локусом сада. В «Двух гусарах» «восходящее» развитие Эроса прослеживается в переживаниях Лизы. Несколько слов здесь следует сказать о характере толстовской героини. Ее простая и поэтичная натура сложилась как бы *нечаянно*: на этом слове Толстой делает особый акцент. *Нечаянно* Анна Федоровна «родила <...> здоровенькое, хорошенькое дитя», а «через шестнадцать лет увидела в Лизе подругу и всегда веселую, добродушную и деятельную хозяйку в доме» [6, II, с. 273]. Самое лучшее в натуре Лизы писатель объясняет тем, что она «плод деревенского воспитания»: «В деревнях редко стараются давать воспитание и потому *нечаянно* большую часть дают прекрасное». А вообще, заключает Толстой, «лучшие вещи всегда выходят *нечаянно*» [6, II, с. 273] (курсив мой. – К.Н.). В «справке» о воспитании Лизы Г. Лесскис видит «не просто иронию по поводу принято-

го в среде просвещенного русского дворянства обычного женского воспитания <...>, но и характерное для европейского романтизма утверждение нравственной красоты “естественного человека” и вредного влияния цивилизации на этого “естественного человека”» [2, с. 224]. В «Двух гусарах» вновь звучит одна из главных мыслей Толстого 1850-х годов: все лучшее человек получает из природы, «“естественные” человеческие импульсы всегда хороши и благостны, им надо доверять, тогда как все идущее “от головы”, “от науки” – дурно» [2, с. 223].

Образ идеального возлюбленного и эротические переживания также внушены героине природой, репрезентированной садом за окном. Вначале, как и Николеньке Иртеньеву, сад внушает Лизе чувства, связанные со «здоровым себялюбием»: она осуждает себя за то, что «двадцать лет делала вздор, служила кому-то, зачем-то и не знала, что такое жизнь и счастье». Эгоистический порыв героини, связанный с ее чувственными желаниями, автор уравнивает описанием альтруистической природы Лизы. Он рассказывает о «таинственном сердечном сосуде», наполненном духовными «богатствами», которые его обладательница щедро раздаривает окружающим. «..Все ту же столько раз умиравшую и обновлявшуюся природу, среди которой с любовью к другим и от других» выросла Лиза, Толстой объявляет творцом «сосуда» души героини. Следуя логике восходящего развития Эроса, определенной уже в «Юности», автор «Двух гусаров» демонстрирует, как Эрос открывает Лизе «путь к нетленной части ее души». Колебания героини между эгоистическими и альтруистическими чувствами заканчивается победой последних: «Опять с новым наслаждением вся душа ее обновилась этим таинственным соединением с природой, которая так спокойно и светло раскинулась перед ней. <...> Какое-то томительное сладкое чувство грусти сдавило ей грудь, и слезы чистой широкой любви, жаждущей удовлетворения, хорошие, утешительные слезы налились в глаза ее. <...> Любимая ее молитва как-то сама пришла ей в душу, и она так и задремала, с мокрыми глазами» [6, II, с. 293].

В рассказе «Утро помещика» модель движения от эротических переживаний к «воссоединению с вечностью» получает наиболее развернутое воплощение. До ключевой сцены в саду, парадигматически повторяющей подобные сцены в «Юности» и «Двух гусарах», персонаж рассказа Дмитрий Нехлюдов совершает короткое путешествие по своей деревне и посещает крестьян, которым от всей души желает помочь. Совпадение имен персонажей «Юности» и «Утра помещика» служит особым знаком для выявления образно-смысловых связей между произведениями: герой «Утра помещика» носит то же имя, что и «главный деятель душевного переворота» [7, с. 404] Николеньки Иртеньева – друг Дмитрий Нехлюдов.

Образ сада в «Утре помещика» обретает ключевое значение, если, вслед за Г. Лесскисом, увидеть в рассказе, как и в трилогии, «поиски восстановления утраченной дворянской идиллии, воскресения, поиски едине-

ния с народом (под которым Толстой понимал тогда даже не весь «простой народ», а прежде всего – крестьянство)» [2, с. 231]. В этом свете путешествие по деревне предстает как движение к Саду, даже возвращение в Сад, поскольку год назад именно там Нехлюдов обрел свое предназначение: заботиться о «счастьи... семисот человек, за которых» он должен «отвечать Богу». Прозрение совершается по схеме, апробированной и утвержденной в «Юности»: эротические мечты персонажа перерастают в осознание причастности к миру и обретение смысла жизни. И здесь Эрос предстает как «томление смертного и ограниченного существа о вечности» [4, с. 52]. Сад Дмитрия Нехлюдова исполнен силы жизни: это «майская, сильная, сочная, но спокойная природа» [6, II, с. 365]. Воображение, как в случае с Николенькой и Лизой, услужливо подсказывает Нехлюдову образ возлюбленной – «сладострастный образ женщины», воплощающей «невыраженное желание». Однако «высшее чувство» ведет его дальше, от чувственной любви к любви духовной, от любви избирательной – ко всеобщей: «Вдруг, без всякой причины, на глаза его навернулись слезы, и, бог знает каким путем, ему пришла ясная мысль, наполнившая всю его душу, за которую он ухватился с наслаждением, – мысль, что любовь и добро есть истина и счастье, и одна истина и одно возможное счастье в мире» [6, II, с. 366].

Год, проведенный в деревне, разочаровал Нехлюдова. Драма героя – в отчуждении от общей жизни, от того мира, в котором он реально существует и который безуспешно пытается привести в соответствие со своими мечтами и идеалами. С усиливающимся чувством грусти Дмитрий Нехлюдов возвращается домой, садится за «желтенький» рояль и неожиданно для самого себя начинает импровизировать: «Аккорды, которые он брал, были иногда неподготовлены, даже не совсем правильны, часто были обыкновенны до пошлости и не показывали в нем никакого музыкального таланта, но ему доставляло это занятие какое-то неопределенное, грустное наслаждение. При всяком изменении гармонии он с замиранием сердца ожидал, что из него выйдет, и когда выходило что-то, он смутно дополнял воображением то, чего не доставало» [6, II, с. 370]. Эта сцена становится продолжением сцены в саду: ее итогом является отождествление персонажем себя с другими людьми и миром в целом, подобное переживанию Николеньки Иртеньева, ощущающему себя «одним целым» с «природой» и «луной». К эпифаническому моменту героя трилогии приводит сад – «величавая природа»; в «Утре помещика» его роль играет музыка. Музыкальная фраза рождается сама, как будто помимо воли человека, которому нужно лишь уловить «изменения гармонии». По сути, музыка «говорит» через Нехлюдова, как через Иртеньева «говорила» природа: «Ему казалось, что он слышит сотни мелодий: и хор и оркестр, сообразный с гармонией» [6, II, с. 370]. В «Люцерне» Толстой уже высказал мысль о том, что «среди всех искусств музыка лучше всего выражает чувства, а следовательно, и наше родство с природой» [3, с. 80]. Бродячий певец в «Люцерне» пробуждает в

Нехлюдове (вновь отметим совпадение имен персонажей!) «потребность любви, полноту надежды и беспричинную радость жизни» [6, III, с. 12]. Иными словами, «музыка выражает те чувства, которые внушила Нехлюдову природа» [3, с. 80]. Тирольский музыкант в «Люцерне», подобно Нехлюдову в «Утре помещика», следует за гармонией, что особенно подчеркивает Толстой: «...несколько голосов <...> не пели тему, а кое-где, выпевая самые выступающие места, давали ее чувствовать <...> Это была не песня, а легкий мастерский эскиз песни» [6, III, с. 12]. В дальнейшем персонаж узнает, что последняя из песен, которые пел «маленький человечек», сочинена им самим. Оба Нехлюдова – и персонаж «Люцерна», и персонаж «Утра помещика» – слышат несколько мелодий в одной. Первому кажется, что поет не один «голос», а несколько – и «тенор», и «бас», а второй «слышит сотни мелодий: и хор, и оркестр, сообразный с его гармонией».

Не менее, чем многоголосие, Толстому важна незавершенность мелодий. По этому поводу Д. Орвин пишет: «Ничего не завершено в самом себе, и именно поэтому возможны единство и гармония между отдельными частями. Как дополняют друг друга в пейзаже «Люцерна» неотчетливые цвета и ломаные линии, так же взаимодействуют и живые существа, образуя единое целое, мелодию. Эта мелодия – гармония, произведенная и понимаемая Божественным разумом» [3, с. 82]. В «Люцерне» персонаж приходит к мысли, что не стоит «ожидать разумности от частей разумного целого, но поскольку части обретают смысл от целого, они осмысленны. Известным людям в известное время дано ощутить свою связь с этим целым» [3, с. 82].

Такое «время» настало для Нехлюдова в финальной сцене «Утра помещика». Музыкальная гармония, «проходящая» через него, являет «образы и картины из прошедшего и будущего», «перемешанные» и «нелепые» на первый взгляд. Из них складывается мозаика «разумного целого», а сам Нехлюдов ощущает свое присутствие в каждой ее части, воплощенной в отдельном индивидууме. Давыдка Белый, недавно вызывавший у него чувство злости, ассоциируется с «терпением и преданностью судьбе» [6: 2, 370]; Чурис, нежно глядящий на «единственного пузатого сынишку», символизирует родительскую любовь; лицо матери Юхванки, показавшееся ему особенно уродливым, выражает терпение и всепрощение. Неожиданно мир стал разумным и гармоничным, а сам Нехлюдов из стороннего наблюдателя превратился в участника жизненного процесса. Его «я» выходит за свои границы, чтобы постичь другого: это момент самопознания и познания бытия. Краткое отождествление Нехлюдовым себя с Давыдкой, кормилицей, Чурисом, Юхванкой сменяется отождествлением с Илюшкой. Дмитрию Николаевичу представляется серое туманное утро, шоссе и движущиеся по ней обозы, которые тянут «толстоногие сытые кони». Он видит Илюшку «с светлыми кудрями», весело блестящими узкими голубыми глазами, свежим румянцем». Но Нехлюдов не только на-

блюдателю, он и сам Илюшка, тот красивый парень, который весело здоровается с белолицей хозяйкой постоялого двора, поглядывающей на него «блестящими сладкими глазами». Это он ночует под «открытым звездным небом», «на пахучем сене, около лошадей». Это он читает «Отче» и «Господи помилуй» и засыпает «беззаботным сном сильного, свежего человека».

Сон Илюшки-Нехлюдова строится на метафоре полета: он летит над разными городами, «поднявшись на каких-то невидимых крыльях» [6, II, с. 372]. Эта метафора уникальна, тогда как остальные образы из «Утра помещика» универсальны для творчества писателя: сад, звездное небо или небо с облаками, серая утренняя дорога, музыка, свет. Во сне, завершающем рассказ, чудесным образом сливаются день и ночь: внизу блестят «золотые города», облитые ярким «сияньем», на «синем небе» горят «частые звезды». С метафорой волшебного полета связана метафора света-сиянья. Пространство как бы пронизано золотыми лучами: «И вот он видит во сне <...> Царьград с золотыми домами <...> Он свободно летит все дальше и дальше – и видит внизу золотые города, облитые ярким сияньем, и синее небо с частыми звездами, и синее море с белыми парусами, – и ему сладко и весело лететь все дальше и дальше» [6, II, с. 372].

И все же этот необычный полет не чужд контексту творчества Толстого. Способность света пронизывать пространство рождает у писателя одну из самых ярких метафор взаимодействия Бога и человека: «Душа – стекло, Бог – это свет, проходящий через стекло» [5, XXXXV, с. 41]; «Жизнь мира мне представляется так: через бесчисленные и разнообразные трубочки стремится жидкость или газ, или свет. Свет этот есть вся сила жизни – Бог. Трубочки – это мы, все существа... Мы можем совсем пропускать свет и можем загораживать его на время» [5, LV, с. 26]. В тот момент, когда Нехлюдов ощутил себя Илюшкой, он стал проводником божественного света, познал, что есть «истинная жизнь». «Истинная же жизнь есть способность стать так, чтобы пропускать свет вполне, не задерживать его. Но когда человек стал так, движение его жизни кончается <...> и тогда человек чувствует, что только тогда сделал то, что должно, когда он устранился так, что его как бы нет. Когда человек познает эту отрицательность своего личного существования, тогда он переносит свою жизнь в то, что проходит через него, в Бога» [5, L, с. 190]. Нехлюдов шепчет себе: «Славно!» – «мысль: зачем он не Илюшка – тоже приходит ему» [6, II, с. 372]. В это мгновение герой отождествляет себя с другим и с другими; говоря словами Толстого, его «я доходит до не я» [5, LII, с. 36]. Это переживание божественного начала, в котором утрата своего «я» ведет к познанию Бога и приводит к «восстановлению нарушенного <...> единения между существами».

В «Утре помещика» эпифанические мгновения Л. Толстой соотнес не с садом, а с домом, но логика его осталась неизменной: ощущение связи с единым целым, которое в финале рассказа переживает персонаж, подготовлено сценой в саду. Сад для Толстого остается тем местом, где наибо-

лее полно проявляются силы «величавой природы», вечного источника добра и красоты, и обнажается разумность и гармоничность замысла Творца. Одновременная принадлежность сада к миру природы и цивилизации, его глубинная мифологичность, чутко ощущаемая писателем, превращает сад в идеальное место для взаимодействия природы и человека, в процессе которого человек постигает смысл бытия и осознает свое предназначение.

Список литературы

1. Густафсон Р. Обитатель и Чужак. Геология и художественное творчество Льва Толстого. – СПб.: Академический проект, 2003.
2. Лесскис Г. Лев Толстой (1852 – 1869). Вторая книга цикла «пушкинский путь» в русской литературе. – М.: ОГИ, 2000.
3. Орвин Д. Искусство и мысль Толстого. 1847 – 1880. – СПб.: Академ. проект, 2006.
4. Орвин Д. Толстой, Стерн и Платон // Лев Толстой и мировая литература: Материалы Международной конференции. – Тула: Ясная Поляна, 2005. – С. 45 – 57.
5. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 90 т. – М.-Л.: Худ. лит., 1928 – 1958.
6. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. – М., 1978 – 1985.
7. Чичерин А. В. Комментарии // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. – М.: Худ. лит., 1978. – Т. 1. – С. 393 – 418.

Женский вещный мир в творчестве А. Блока

В статье рассматриваются материальный предметный мир «Ты» / «ты» в творчестве А. Блока: предметы и вещи, связанные с местом обитания, родом занятий, внешним обликом героини. Устанавливается, что костюмным образам свойственны символичность, метафоричность и метонимичность. В раннем творчестве Блока в описании героини преобладает природность, которую затем сменяют театральность и городская повседневность. В «страшном мире» города женщина все более овеществляется, сама становится объектом и превращается в куклу, а ее лицо скрывается маской. У зрелого Блока женские образы разнообразны, но идеальный образ связан с русской народной традицией и русским костюмом.

The present article investigates the things that determine the material world of feminine “You / you” in the works by A. Blok: her costume, hat with feathers, and narrow shoes. These images emphasize the symbolical, metaphorical, and metonymical features. In his early works, Blok describes the poetic “You” as predominantly natural; however, later, in the “terrible world” of the city, it is replaced by theatricality and everyday life. Woman is increasingly mechanized, she becomes the object and eventually turns into a doll, her face is hidden by a mask. In the mature period of Blok’s writing, an ideal female image is associated with the Russian folk tradition.

Ключевые слова: материальный предметный мир, повседневность, вещь, костюм, одежда, украшения, духи, кукла, маска, театральность, «старинное – модное».

Key words: material subject world, everyday life, thing, suit, cloth, adornment, perfume, puppet, mask, theatricality, «old-fashioned – fashionable».

Основным источником творчества Блока является женственное начало, а центральной мифологемой – Душа мира, которая как божественное и вместе с тем природное начало органично объединяет идеальный и реальный планы бытия. Душа мира в творчестве Блока персонифицирована в таких образах, как Богородица, Дева, Жена, облеченная в солнце, Царица, царевна в тереме, Прекрасная Дама, Офелия, Коломбина, Кармен, Елена, Незнакомка, Фаина, Снежная дева, Катька, Изора, Валькирия, цыганка, жена, невеста, мать [5, с. 333]. Каждой из этих ипостасей соответствует определенный вещный мир, свои особенные репрезентанты: например, бич Фаины, маска Снежной девы, щит и меч девы Валькирии, венчальная свеча Елены, шляпа со страусовыми перьями Незнакомки, чулки Катьки и др. На взаимоотношения «я» и «Ты» / «ты» Блок спроецировал ряд известных культурных моделей, каждой из которых присущи свой антураж, атрибуты и костюмы: «слуга – королева», «царевич – царевна», «рыцарь – прекрасная дама», «Гамлет – Офелия», «Пьеро – Коломбина» и др. На формирование женского вещного мира в творчестве Блока оказали влияние и

внелитературные источники: повседневная реальность и реальные личности, прототипы центральных женских образов, их внешний облик, характер, род занятий и увлечения.

В «лирической трилогии» Блока предметное наполнение женского образа напрямую связано с переходом от «идеального» к «реальному» и стремлением к синтезу этих начал, к идеально преображенной материи. В творчестве зрелого Блока бытовая повседневность и мистическая сверхреальность соединяются в одном символическом образе. Изначально Блок исходил из запредельности и непостижимости идеала, поэтому описания «Ты» в стихотворениях «первой книги» почти лишены материальной предметности, в них преобладает природность, модель таких описаний – мифологический и фольклорный параллелизм, идеальные образцы – библейская Жена, облеченная в Солнце, и сказочная царевна с месяцем в косе: «В ткани земли облеченная, / Ты серебрилась вдали»; «Дева в снежном инее»; «В небывалой предстала красе, /.../ Солнце, месяц и звезды в косе»; «Лучи – зубцы ее короны» [2, I, с. 71, 144, 201, 335] и др. Часто упоминаемый атрибут и репрезентант «Ты» в «первой книге» – цветы: «Мне снова снилась ты, в цветах, на шумной сцене, /.../ Ты умерла, вся в розовом сиянии, / С цветами на груди, с цветами на кудрях...» [2, I, с. 14] и др. Постепенно в «лирической трилогии» влияние материального мира нарастает, усиливается внимание к бытовым вещам в окружении героини, к ее одежде и аксессуарам; покровы, свидетельствующие о царственности, святости и девственности «Ты», сменяются дамским модным платьем.

С женственным началом в лирике Блока связана архитектурно-строительная символика: храм, престол, трон, терем, ворота, крыльцо, порог, ступени, дверь, калитка, лестница, окно. Например: «Ты над могилой – лучезарный храм» [2, I, с. 117]. Ворота, двери и другие строительные мотивы помимо фольклорных, религиозных, эзотерических источников соотносятся с идеей Софии-художницы, устроительницы мира.

Род занятий и атрибуты «Ты» / «ты» – рукоделие: прялка, веретено, игла, пряжа, нить, кудель, канва, кружево, бисер; пение и танец: свирель, бубен, кимвалы, кастаньеты; театральная игра: маска (самый частотный атрибут во второй книге стихотворений). В творчестве Блока можно обнаружить как традиционные женские атрибуты, так и нетрадиционные: веер, зеркало, факел, бокал, кубок или чаша вина и факел-кубок, весло, книга, бич, щит, меч, кинжал, коса, серп, ключ, циркуль. Из религиозных предметов упоминаются икона, распятие и золотой образок на груди. В мировоззрении Блока Мировая душа проявляет себя как судьба. Традиционно богини-судьбы – пряжи или ткачихи, с ними связаны мотивы ткачества, прядения, шитья, вышивания, плетения, низания. В предисловии к сборнику «Земля в снегу» Блок иронически описывает судьбу как «пленительную мещанку в ажурных чулках с голубыми стрелками» [2, II, с. 373]. Кружева, ажурные чулки, а также вуаль могут быть соотнесены с образом судьбы,

потому что эти детали одежды изготовлены при помощи технологии плетения и имеют узорную или сетчатую фактуру. Бич – еще один атрибут судьбы: он используется для властного принуждения и наказания (возмездия), к тому же изготовлен из свитых нитей или ремней.

Костюмный лексикон творчества Блока разнообразен. Блок внимателен к женскому костюму, но обычно не описывает его подробно, а указывает на какие-либо детали, силуэт, фактуру или цвет наряда. Поэтическому языку Блока свойственны символичность, метафоричность и метонимичность, эти свойства в полной мере распространяются и на костюмные образы. Например, для Блока типичны сравнения пояса и ленты с Млечным путем, зарей; шлейфа платья – со звездным небом, с хвостом кометы или змеи. Шлейф оживает, наделяется самостоятельностью и метонимически представляет героиню – владелицу платья: «усталый шлейф» [2, II, с. 302]; «Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный, / Шлейф твой с кресел ползет на ковер...» [2, III, с. 32] и др.

Силуэт, вид, фасон одежды – просторные и длинные, некроенные или простого кроя, создающие складки одеяния: риза, покрывало и покровы, туника, багряница и порфира, пеплум, плащ, плат, платок, шаль, сарафан, платье со шлейфом. Из приведенного перечня видно, что Блок, особенно в «первой книге», упоминает старинные и / или народные одежды. Такие наряды не списаны с натуры, они исключены из конкретного исторического времени рубежа XIX–XX вв., их функция заключается в том, чтобы быть культурным знаком, указывать на древние или давние эпохи и свидетельствовать об абсолютности, изначальности и неизменности женственного «Ты» как Богини, Девы, Вечной Жены, Царицы: «И мнилась мне Российская Венера, / Тяжелою туникой повита...»; «В ризах целомудрия, / О, святая! где ты?»; «О, я привык к этим ризам / Величавой Вечной Жены!» [2, I, с. 91, 171, 232]. Не повседневная реальность, а мифологические, фольклорные, литературные и визуальные источники формировали костюмный код в ранней лирике Блока. В литературе – это античность, Средние века и Возрождение, романтизм; визуальный ряд – иконопись, живопись раннего Возрождения и прерафаэлитов. Риза, багряница и порфира в поэзии Блока сохраняют сакральное значение, тогда как модные костюмы профанируются и становятся синонимом пошлости. Так, в цикле «Вольные мысли» упоминается модный в начале XX в. тальер («забавные тальеры») – сложно скроенный костюм приталенного узкого силуэта, состоящий из жакета и юбки, но этот модный костюм скрывает «дряблость мускулов и грудей» [2, II, с. 302]. В первой книге среди вневременных символических одежд встречается довольно прозаическая «шубка с мехом» [2, I, с. 235]; «шубка меховая, / В которой ты была в ту ночь» [2, III, с. 89]. Эта шубка – реальная биографическая деталь (черная шубка Л. Д. Менделеевой, которую она носила зимой 1901 года) и одновременно аллюзия на стихотворение Вл. Соловьева «На Сайме зимой»: «Вся ты закуталась шубой пушистой...» [6,

с. 107], [7]. В наброске письма к Л. Д. Менделеевой Блок заостряет внимание на немодности ее шубки: «На Вас бывала должно быть полумодная шубка с черным мехом, не очень новая; маленькая шапочка, под ней громадный тяжелый золотой узел волос – ложился на воротник, тонул в меху» [4, с. 49]. «Полумодность» наряда юной девушки в данном случае не имеет негативной оценки, напротив, для Блока одежда вне моды свидетельствует о принадлежности ее владелицы к неизменному идеальному миру.

Материалы и фактура, свидетельствующие о торжественности, царственности и женственности наряда и должным образом характеризующие его владелицу: мех, бархат, шелк, парча, газ, кружево, золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, Как правило, Блок упоминает о старинных роскошных нарядах, но также у него встречаются и простые одежды: простонародные «кофточка из ситца» [2, I, с. 116], «ситцевый платочек» [2, II, с. 138], «фартучек с кружевцом» [2, III, с. 193], есть простота и совсем другого рода – интеллектуальная: черное платье с белым воротником у революционерки в поэме «Возмездие» [2, III, с. 311]; изысканная: черное платье Фаины в «Песне судьбы».

Цветовая гамма наряда: белый, черный, синий и его оттенки, золотой, красный и его оттенки, а также светлый, темный, прозрачный, серебристый, цветной, разноцветный, пестрый, узорный, яркий, бледный. Традиционно цвет наряда зависит от его значения. Светлые и испускающие свет одежды у Блока соотносятся с ангелическими одеяниями или покровами Девы Марии, к марииным одеждам также относятся багряница и голубой (синий) плащ (риза, платье). Например, в цикле «На поле Куликовом» «Ты» отождествляется с Богородицей в ризах из света: «Ты сошла в одежде, свет струящей, / Не спугнув коня» [2, III, с. 251]. В «Песне судьбы» Елена вся в белом, кажется, что у нее за плечами белые крылья, тогда как Фаина в черном платье со шлейфом напоминает змею.

Элементы костюма: пояс, лента, рукав, шлейф, шелковый корсаж, перчатка, узкий ботинок и острый каблук, головной и носовой платки, чулки и гетры, рубашка, а также кружевное белье.

Украшения: живые и искусственные цветы, перстень, кольца и браслеты, бусы, монисто, жемчуг и драгоценные камни: алмаз и аметист.

Головные уборы и украшения для волос: венок, венец, корона, тиара, золотая повязка, фероньера, ленты, фата и вуаль, шляпа с перьями, капор, берет, бант, шпильки.

Грим (пудра, румяна и др.) и духи также являются частью костюма. Самая знаменитая ароматическая деталь в лирике Блока содержится в описании костюма Незнакомки: «Дыша духами и туманами, / Она садится у окна. / И веют древними поверьями / Ее упругие шелка...» [2, II, с. 186]. В начале XX века сохраняется традиция пропитывать ароматом духов личные вещи – перчатки, батистовые носовые платочки, шелковые платья, почтовую бумагу. В дневнике 1918 года, вспоминая о своих встречах с

К. М. Садовской в Бад-Наугейме в 1897 г., Блок упоминает о ее духах и по прошествии более двадцати лет точно называет их: «ее платок с *Peau d'Espagne*» [2, VIII, с. 339]. Эта деталь присутствует и в цикле «Через двенадцать лет»: «В тених траурной ольхи / Сладко дышат мне духи, // В листьях матовых шурша, / Шелестит еще душа...»; «Сердце занято мечтами, / Сердце помнит долгий срок, / Поздний вечер над прудами, / Раздушенный ваш платок» [2, III, с. 183, 185]. Аромат «*Peau d'Espagne*» («Испанская кожа») воссоздает запах обработанной особым ароматическим составом кожи для перчаток. Это одна из старейших парфюмерных композиций, соединяющая цветочно-растительный и животный (мускус и цибетин) элементы. На рубеже XIX–XX веков этот старинный чувственный аромат был моден в среде артистической богемы. В августе 1902 г. Блок в письме к Л. Д. Менделеевой среди прочих памятных для него примет минувшей петербургской зимы называет парфюмерный магазин Р. Келера: «Но чтобы я когда-нибудь забыл что-нибудь из этого (и Р. Келер и т.д. – подробности Вам знакомые) – для этого нужно что-нибудь совсем необыкновенное, притом того же порядка» [2, VII, с. 57]. Вот как Л. Д. Менделеева описывает себя весной 1901 года, в то время, когда Блок посещал их дом в Петербурге: «Я очень любила духи – более, чем полагалось барышне. В то время у меня были крепкие “*Coeur de Jeannette*”» [3, с. 28]. «*Coeur de Jeannette*» («Сердце Жаннет») – пряный цветочно-амбровый аромат, который производился знаменитым французским парфюмерным домом Убиган. В нем так же, как и в «*Peau d'Espagne*», сочетаются цветочный и анимальный компоненты – святость и грех.

Женщина и материальный мир неразрывно связаны, так как женское начало – материнское, изначальное, первосущее. В дневниковой записи Блока от 31 января 1918 года есть упоминание о неоформленном первичном состоянии мира – «комочке», части материи, земли, плоти: «Перед моим выходом – Люком. Лю-ком – это маленький красный микрокосм. Розовая спинка, розовая грудка, красное все (юбочка, трико). Маленькая – вьется. От этого у смотрящих начинается правильное кровообращение, меньше пить и курить. Такое появляется во второй части “*Фауста*”»¹ [2, VII, с. 323]. Затем образ танцовщицы появляется в очерке «Русские денди» (1918): «в комнату влетел маленький розовый комочек, крошечный розово-красный мирок. <...> Танцовщица, не переставая двигаться всем точеным тельцем, завела порозовевшие ручки к черным кудрям и отколола от них красный мак, отпорхнувший от нее на кушетку; те же розовые ручки, не останавливаясь, опустили волнистым движением к красной туфельке и подтянули опустившуюся сандалию; в это мгновение красные волны

---

¹ Блок описывает встречу с балериной Мариинского театра Еленой Михайловной Люком на литературном вечере 30 января 1918 г. и обыгрывает фамилию танцовщицы, разбив ее на слоги: Лю-ком.

юбочки подбежали к розовым щечкам и, приласкав их, нежно отхлынули назад. В следующее мгновение какая-то женщина, ростом вдвое выше танцовщицы, обертывала всю ее в какой-то белый пух, из которого еще раз мелькнули белые зубки и засмеялись черные глазки. Этот маленький мир искусства был уже уложен в вату и вынесен из теплой комнаты куда-то в холодные, обступившие таксомотор сугробы...» [2, VI, с. 54-55]. Мир искусства представлен здесь как хрупкий игрушечный мир, а танцовщица – как кукла. Переход от природы к культуре, а затем от культуры к цивилизации связан с трансформацией женского образа от рождающего, материнского к материальному и утилитарному, от женщины-цветка или женщины-змеи к женщине-кукле. Так, Клеопатра в Паноптикуме становится восковой куклой, грудь которой жалит механическая змея («Клеопатра»). В творчестве Блока уподобление женщины кукле может быть рассмотрено как часть глобальной проблемы овеществления человека в цивилизованном мире. В свою очередь овеществление, кукольность человека напрямую соотносится с театральностью – марионетками, куклами-автоматами, стилем комедии дель арте.

Итак, костюм может не только подчеркнуть, но и скрыть, вытеснить, подменить и отменить индивидуальность человека. Этот прием замещения издавна используется в карнавальном действе, маскараде и театре. Образ скрывающей лицо маски становится лейтмотивом в творчестве Блока периода «второй книги». В бытовой повседневности с мотивом маски соотношен грим – пудра и румяна, а из одежды – вуаль. В те времена использовалась рисовая пудра, которая придавала лицу оттенок фарфоровой белизны. Напудренное лицо становилось отчужденным, как будто покрытым маской. В дневнике 1918 г. Блок вспоминает осень 1901 г.: «Прощание я помню: Любовь Дмитриевна вышла в гостиную (холодная яркая осень) с напудренным лицом» [2, VII, с. 345]. В записной книжке Блока за 1918 г. читаем: «Люба – рассеянная и пудренная – театральная» [1, с. 401]. В одной из сцен «Песни судьбы» пудра помещается в центр внимания: в роскошной уборной Фаины «один молчаливый поклонник, который все время вертел в руках коробку пудры с туалета Фаины, роняет ее. Пудра поднимается облаком. Все хохочут, стараясь скрыть испуг» [2, IV, с. 136]. Румяное лицо – признак молодости и красоты, непременная деталь фольклорных описаний прекрасной женщины. Так, в стихотворении «Царица смотрела заставки...» царевна румяней царицы. Но также подведенное, румяное лицо – это чужое, шутовское, лживое лицо паяца или блудницы: «Надутый, глупый и румяный / Паяц в одежде голубой» [2, I, с. 367]; «И каждый во мглу увлечен / Толпой проституток румяных...» [2, I, с. 170]; «Но только – лживой жизни этой / Румяна жирные сотри...» [2, III, с. 93].

Таким образом, женский вещный мир в творчестве Блока представлен достаточно полно – это предметы и вещи, связанные с местом обитания, родом занятий, внешним обликом героини – ее костюмом, который описан

от шляпы с перьями до узких ботинок. Костюмной дихотомии «старинное – модное» у Блока соответствуют образы «девы» и «блудницы», которые могут антиномически сочетаться в одной героине. В раннем творчестве в описании героини преобладает природность, которую затем сменяют театральность и городская повседневность. В «страшном мире» города женщина все более овеществляется, сама становится объектом и превращается в куклу, а ее лицо скрывается маской. У зрелого Блока женские образы разнообразны, и все же идеальный образ связан с русской народной традицией и русским костюмом: «А ты всё та же – лес, да поле, / Да плат узорный до бровей...» [2, III, с. 254]. В поэме «Двенадцать» конфликт между вечностью и повседневностью, девством и блудом трагически заостряется: Катька – «здоровая, толстомордая, страстная, курносая русская девка; свежая, простая и добрая» – одета по последней моде в серые гетры и нелепый «эспри»¹ [2, VIII, с. 514] и также нелепо погибает.

Список литературы

1. Блок А. А. Записные книжки. 1901 – 1920. – М.: Худож. лит., 1965.
2. Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. – М.; Л.: Худож. лит., 1960–1963.
3. Блок Л. Д. И быль и небылицы о Блоке и себе. – Bremen: Presse, 1979.
4. Литературное наследство. – М.: Наука, 1978. – Т. 89. Александр Блок. Письма к жене.
5. Приходько И. С. Символистский словарь А. Блока // Художественный текст как динамическая система. – М.: Азбуковник, 2006. – С. 301-334.
6. Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. – Л.: Сов. писатель, Ленинградское отд-е, 1974.
7. Фаликов И. Среда, эпоха, ветер. Миф и явь: ранний Блок в контексте завершеного пути // Вопросы литературы. – 2006. – № 3. – С. 148-179.

---

¹ Именно так описывает Блок Катьку в письме Ю. Анненкову. Обсуждая с Анненковым рисунки к поэме «Двенадцать», Блок просил сделать «эспри» (пышное украшение из перьев для шляпы или волос) Катьки «погрубее и понелепей» [2, VIII, с. 514]. В поэме это украшение не упоминается, и на окончательном варианте рисунка Катька также изображена без него.

**«Дневники» М. М. Пришвина:
от географического прототипа к художественному образу**

В статье описываются результаты исследования перехода географического прототипа в художественный образ природы в «Дневниках» М. М. Пришвина, опубликованных с 1991 по 2010 годы.

We are introducing the findings of a study of transformation geographical prototype into artistic image of nature of Prishvin's «Diaries», published in 1991-2010.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, географический прототип пейзажа, художественный образ.

Key words: M. M. Prishvin, geographical prototype, artistic image.

«Дневники» М. М. Пришвина – огромный поток публикуемых в полном объеме текстов. Изданы 11 книг, в которые вошел период с 1905 по 1939 годы. В «Дневниках» этого периода отражены факты биографии, духовные искания, творческие размышления сложного представителя русской интеллигенции на фоне истории России первой половины XX века: Первая мировая война, революция 1917 года, гражданская война, укрепление Советского государства, становление индустриальной страны. Дни за днями запечатлены такими, как они виделись неординарному человеку, сочетающему в себе дар ученого, художника и мыслителя.

Среди многочисленных тем одной из обусловивших самобытность «Дневников» Пришвина стала тема природы. В ежедневных записях она разрастается до весьма заметного объема. Картины мощных «спелых» лесов, неохватных глазом степей, многоводных рек и озер, а также истории их обитателей располагаются мотивированно и вольно. Писатель побывал во многих краях великой России: Север, Средняя Азия, Крым, центральная часть страны, Урал, Дальний Восток, Кабардино-Балкария. В результате в «Дневниках» появился достоверный живописный портрет многоликой природы.

Для литературоведов ежедневные записи Пришвина – бесценный материал, уточняющий факты жизни автора, его мировоззрение, основные принципы повествования. Благодаря дневниковым записям можно проследить преобразование реальности, – в теме природы назовем ее географическим прототипом, – в художественный образ в контексте эстетических комментариев писателя. Документальность – ключевая черта всего наследия автора. Известны слова Пришвина: «... все хорошо, что написано под

непосредственным воздействием жизни, чуть “надстройка” – все неудачно, непонятно, претенциозно» [3, с. 16]. В «Дневниках» среда, место действия и, в целом, многомерный портрет России созданы на достоверной основе. Все географические пространства и ближние планы воспроизведены правдиво, в мельчайших деталях. Далее постоянная опора на действительность в художественном повествовании не теряется.

Рассматривая переход географического прототипа в художественное явление, автор данной статьи опирается на теоретические суждения о сущности образа. Образом принято называть сконцентрированную жизнеподобную картину, показанную в конкретно чувственном облики и имеющую эстетическое значение. Из всех известных на данный момент в теории литературы признаков, обеспечивающих восприятие документа как основы художественного явления, выберем некоторые, на наш взгляд, наиболее показательные для стиля Пришвина варианты. Назовем их: 1) «сиюминутные» образы, родившиеся «готовыми», выражающие эстетическую ценность естественного вида природы конкретного дня и не требующие, по-видимому, дальнейшей художественной обработки; 2) спонтанные образы, также появляющиеся на основе свежих впечатлений дня, но эти образы, изначально многосложные, метафоричные, в краткий срок записей щедро насыщаются материалами давнего биографического опыта; 3) «долговременные» образы, созданные путем последовательной проработки деталей материальной достоверности внутри больших сроков повествования. Они обогащены чувствами автора, антропоморфностью, идеями философского общежизненного значения. В конечном итоге это – символы.

Обратимся к *первому варианту* – к образам, выражающим художественные черты природы, видимой каждый день. Такие образы создаются тщательной прорисовкой материи, дополнением ее световыми, цветовыми и звуковыми характеристиками, собиранием «портретов» отдельных существ в единство эмоциональным участием автора. Данный путь рождения художественного явления предлагает лирико-философская миниатюра 1 июля 1914 года [1, с. 83]. В ней читаем типичные признаки середины лета в Новгородской губернии: желтое поле ржи с налитыми колосьями, спелый лен, зрелая бузина. Приметы плодородной природы дополнены голосами ее обитателей: далеко-далече собирается гроза, а вблизи – каждый колос звенит колокольчиком, свистят птицы, стрекочут кузнечики. Картина сохраняет достоверность географического прототипа. В целом пейзаж объединяет восхищение автора прелестью всего земного. Восторг выражается тем, что время летит незаметно: «пришел на минутку – прошел целый час». Такие пейзажи из сиюминутного вида возвышаются до образа просторной, сильной, богатой природы России.

Среди образов, «сиюминутно» родившихся на основе впечатлений будущего дня, немало таких, истоком которых являются мысли автора, находящие отражение в материи природы. В миниатюре 7 июня 1925 года

говорится о разнице между сознанием и интуицией. Философскую проблему иллюстрирует вид извилистой тропинки: бугорки, густая трава, ручейки остаются непримятыми, неосознанно человек обходит такие препятствия [4, с. 304–305]. Идея миниатюры: нередко ответ легче найти в наблюдении материального мира, чем в сложных умозрительных выводах. Сопоставление жизни человека и природы помогает писателю проникнуть в загадки бытия. Пришвин говорил: «Выходи в природу с той мыслью, которая закружит тебе голову, и природа выпрямит мысль и покажет ее тебе самому в своих образах» [8, с. 304].

Пришвин свободно поднимает на уровень общечеловеческих чувств первоначальные «портреты» существ из мира природы. Таким способом художник выражает идеи единства мира, бытия всего сущего, родственного внимания к натуральной среде. Во всех видах становления образа активному сближению человека и природы способствует антропоморфная типизация, проявляющаяся в текстах от выбора лексики и выразительных средств языка (хмурый день, своевольная речка) до сюжета (прорисован портрет, черты характера природных персонажей, рассказано об их судьбе). При этом автор подчеркивает, что он «не очеловечивает природу, а находит в ней общие черты с человеком, понятные в силу родства» с природой [8, с. 304].

Обратимся ко *второму варианту* создания образа – к переходу от географического прототипа к художественному явлению путем насыщения реального факта дня давними мотивами и сюжетами из биографии автора. Эта типизация особенно характерна для образов, возникших во время поездки по Дальнему Востоку и вошедших в повесть «Жень-шень» (1933). По словам Пришвина, произведение написано на одном дыхании. Действительно, командировка в Уссурийский край длилась с июля по октябрь 1931 года. Первые зарисовки к повести появились в этот период. Основная работа над текстом идет осенью 1932 года, в начале следующего повесть «Жень-шень» завершена. О растительном и животном мире, ландшафтах Приморья точно, подробно, живописно писал В. К. Арсеньев в книге очерков «В делях Уссурийского края» (1926). Пришвин был знаком с этим произведением. В образе мудрого гольда Дерсу Узала, с любовью и заботой относящегося ко всем живым существам, Пришвин находил близкие себе идеи родственного внимания к природе. Встреча двух авторов состоялась 9 октября 1928 года. Они беседовали об экзотических животных и растениях, сохранившихся у восточных рубежей великой России. А также говорили о жанре дневника, который позволяет писателю почувствовать рождение поэзии «в ритмическом движении природы» [6, с. 278].

Дальневосточный дневник Пришвина – это накопление фактов, впечатлений о незнакомом, удивительном натуральном мире Дальнего Востока. В плане становления образов, ставших ключевыми в повести «Жень-шень», во время поездки автор пишет материальные приметы Уссурийско-

го края, портреты реликтового «корня жизни», изящного «оленья-цветка». Портрет природы края вобрал в себя множество примет конкретных дней. В «Дневниках» Пришвин часто перечисляет незнакомые ему виды представителей флоры и фауны Дальнего Востока – пятнистые олени, ночная сова тоито, маньчжурский орех, жень-шень, лотос и многие, многие другие. В таких записях Уссурийский край показан как естественная среда, наполненная великим разнообразием жизни многообразных существ. Пришвин удивлен видом природных обитателей: огромные листья дуба, громадные ирисы, просторные поляны Иван-чая, муравьи и те намного больше европейских. Автор внимателен к новым для себя явлениям погоды: на Дальнем Востоке из-за сильных ветров туманы не в силах напитать влагой землю, растительность на южных склонах сопок выжжена солнцем, постоянно моросит незнакомый европейцам «бус» – «нечто среднее между дождем и туманом» [7, с. 412]. Записи путешествия насыщены практическими мотивами: как ищут жень-шень; сколько он стоит; как разводят оленей в питомниках; какие панты считаются ценными. Фактический материал поездки нашел отражение в книге «Золотой рог» («Дорогие звери»).

По мере развития повествования в «Дневнике» создаются завершённые образы природы конкретного дня: Малиновый ручей, океанский прибой, Плачущая гора, пятнистые олени, чудодейственный жень-шень, серебристый тополь, мужественно противостоящий буре, растения, поселившиеся на скалах рядом с морем. Переход от прототипа к образу происходит быстро. Например, 5 августа Пришвин отмечает журчание Малинового ручья, который пробивает себе дорогу сквозь камни и корни растений [7, с. 416]. Автор добавляет, что вокруг местность густо населена: ручей щедро поит водой многих животных. 17 октября писатель конкретизирует портрет «героя» цветовой характеристикой: осень окрасила деревья по берегам в красные, розовые тона [7, с. 518]. Живописный Малиновый ручей утверждает естественную красоту и пользу.

«Характер» Уссурийского края Пришвин раскрывает и через «музыку» в природе. Упоминание о прибое, о равномерном спокойном шелесте волн читаем 27 августа [7, с. 431]. Слушая море, автор философски размышляет о краткости жизни человека на фоне «вечного» существования планеты. Волны перекачивают морскую гальку: дыхание водных просторов становится наглядным и одновременно вид расширяется до огромного раскачивающегося океана [7, с. 463]. Его близкое присутствие рождает впечатление, что и Уссурийский край такой же вечный и безграничный. Географические прототипы заставили художника давать картины в непрерывном движении. Под натиском сильного тайфуна серебристый тополь взмахивает кроной [7, с. 432], трепещет последний листок на лиане [7, с. 437]. С гор скатываются огромные камни. Активные изменения облика ландшафтов, непредсказуемая погода, мощные ветры укрепляют образ

энергичного, бунтующего края «вследствие особенной силы напряжения <...>» [7, с. 432].

В позднем «Дневнике» Пришвин вспоминает, что прототипом женщины с прекрасными глазами из повести «Жень-шень» стала незнакомка, встреченная во Владивостоке [10, VI, с. 463]. Ее глаза напомнили ему грациозных быстрых чутких оленей. Через образы таинственной незнакомки и изящных животных к нему вернулись воспоминания о несостоявшемся счастье. В результате, рождается сюжет лирико-философской повести «Жень-шень».

Обратимся к центральному образу повести – к растению жень-шень. Пришвин скрупулезно, по очерковой и научной литературе прорабатывает материальную основу образа: по книгам путешественника В. К. Арсеньева и профессора химии А. А. Байкова отмечена длина стебля, форма листьев, внешний вид плодов и корня [3, с. 485–487]. Пришвина поразило сходство растения с фигурой человека: у корня есть голова, руки, ноги, пальцы, волосы [7, с. 466]. Облик Жень-шеня дополнен описанием его среды жизни: особенно подчеркнута тишина, которую не в силах нарушить ни журчание реки, бегущей через камни, ни стрекот кузнечиков, ни кукование кукушки. Параллельно Пришвин знакомится с легендами местных жителей о растении. В народных сказаниях Жень-шень представлен существом живым, нежным. Показать он может только человеку с чистыми намерениями. Все это способствует укреплению образа в качестве носителя справедливости и добра, «эмблемы равновесия творческих сил природы и воплощения высшего существа вселенной» [7, с. 488].

В «Дневниках» тщательно разработан план, не вошедший в дальнейшем в повесть, представляющий корень социальным явлением. На наш взгляд, этот аспект выступает яркой характеристикой трудностей, которые приходится преодолевать искателям Жень-шеня: браконьерство, хищные звери, опасные болезни. Эти моменты можно рассматривать как подготовительный этап центрального образа в повести. В результате, Жень-шень объединил прагматическую картину выращивания ценного лекарственного растения на Дальнем Востоке, тему мощной жизнотворящей уссурийской природы, мотив внимания к незнакомке во Владивостоке, сюжет о несостоявшемся счастье с В. П. Измалковой.

Третий вариант перехода географического прототипа в художественной образ представляет собой долгий творческий путь накопления примет материальной действительности, обогащение прототипа отношением автора и его идеями. Именно такой путь рождения характерен для образов-символов: весна света, весна воды, ручей, бегущий в океан, природное и философское единство света и тени. Подобного типа образы создаются наращиванием эстетических качеств на протяжении дневниковых записей всех лет. Обратимся к одному из наиболее устойчивых и разнообразных по содержанию образу символу – к весне света.

Интерес Пришвина к первым признакам весны наблюдается в «Раннем дневнике» [9, с. 581]. В начале февраля 1911 года он рисует яркое голубое небо, блеск снега, отражение красного заката на верхушках деревьев. Это – материальный план будущего образа. Автор особо подчеркивает приметы возрождения природы: «небо оттаяло», деревья оживают, появилась первая капель. Через год Пришвин дополнит материальные признаки весны света городскими приметами: сверкают на солнце дворцы вдоль набережной Невы, и Петербург предстает «волшебным, прекрасным» [9, с. 36]. Далее, природные реалии заметно обогащаются эмоциональным отношением к ним автора. Так, в «Раннем дневнике» Пришвин разъясняет причины внимания к весеннему свету. Природное явление связано с воспоминанием о встрече с В. П. Измалковой в весеннем залитом солнечными лучами Париже [9, с. 156–157]. На долгие годы Пришвин сохранил ощущение нерасторжимой связи весны и любви человека: «у каждого была своя весна, но не каждый сохранил о ней живое воспоминание» [9, с. 424]. Непривычное отсутствие радости во время весны, равнодушие к «младенческому» свету писатель отмечает в «Дневнике» 23 февраля 1915 года [1, с. 138]. Пейзажная деталь появляется в повествовании о гибели людей на фронтах Первой мировой войны. Помимо выражения эмоционального состояния автора, деталь отражает общечеловеческие взгляды художника: лаконичный пейзажных штрих на фоне общественных драм отражает контраст естественного и социального, жизни и смерти, мира и войны. Весна света утверждается в значении символа жизни.

Как известно, в художественном повествовании своеобразие одних портретов, характеров, ситуаций постигается через другие. В драматичном 1919 году, потеряв родную усадьбу, не понимая, как зарабатывать на жизнь в новом советском государстве, Пришвин сближает свою судьбу с судьбой растения, погребенного под великими массами снега, но готового откликнуться на весенние лучи и снова воскреснуть к жизни [2, с. 230]. Присутствие солнца спасает рисуемую ситуацию от безысходности, передается мысль о жизнеспособности природы и человека.

По мере развития повествования заметно совершенствование материальных признаков весны света. Пришвин внимательно прорабатывает цветовую характеристику явления: голубое небо, голубые тени на снегу, золотые дни, сверкающий лед, серебряный наст. Параллельно идет накопление примет-откликов на яркий, теплый свет солнца других естественных персонажей: сосны молодеют, появились первые капли. Образ весны света дополняется звуковыми приметами: весело зачирикали воробьи, раздались крики перелетных птиц в небе. Образ весны света, поднятый до символа, становится героем одноименного рассказа, опубликованного в 1938 году. Весна света укрепляется в значении торжества жизни.

Преобразование географического прототипа в художественное явление в «Дневниках» Пришвина показывает, что писатель особым образом

отбирает явления реальности. Из огромной массы наблюдений, впечатлений, запомнившихся картин природы он отмечает преимущественно те, которые соответствуют его эстетическим представлениям, рассказывают о гармонии и красоте естественной жизни. На протяжении всего творческого пути Пришвин утверждал объективность красоты натурального мира, полагаясь и на народное сознание, и на естественнонаучные знания, и на собственный опыт путешественника. Писатель не ограничивает красоту внешними (портретными) чертами. Вся жизнь в природе прекрасна. Прорастание, развитие, цветение, плоды, круговорот жизни – все это возможность и реальность проявления красоты.

В художественном мире Пришвина эстетика связана с этикой: категория прекрасного сливается с пониманием добра. По мысли автора, не стоит усиливать возможностями искусства злые, отрицательные стороны жизни. Они недостойны талантливого живописания. Задача художника – изображать добрые явления, результаты родственного внимания человека к миру.

Отметим непривычные для читателя в наследии Пришвина образы естественного мира, содержащие отрицательные стороны. Мотивы зла, нежизнеспособности в природных явлениях автор пишет, как правило, для иллюстрации общественно-исторических проблем. Непривычный вариант становления непривлекательного образа на основе естественного прототипа демонстрируют «Дневники» драматического периода (1914–1919). Например, среди записей 1916 года есть упоминание об оврагах, пересекающих плодородные пашни: они – глубокие, глиняные, словно «злая гримаса» на поле. В картине заметна перекличка с текстами И.С. Тургенева, также не обошедшего вниманием в описании мест Орловской губернии драматического состояния земли, страшных и безжизненных оврагов, зияющих, как бездна. У Пришвина «трещины»-овраги наделены метафорическим смыслом: подразумевается не только запущенное земледелие, но и расслоение всего российского общества – от города до деревни.

В случаях обращения к общественным проблемам природа может терять прекрасные черты. В частности, реальное болотце Чистик в Смоленской губернии в «Дневнике» 1921 года – живописное, круглое, озаренное лунным светом; вокруг растут мощные дубы; выводят птенцов птицы [7, с. 168]. Переходя прототипом в повесть «Мирская чаша» (1922), в которой Пришвин не приемлет драматизма гражданской войны, Чистик изображен безрадостным и бесцветным, он – символ страдания. Прекрасный натуральный Чистик принципиально отличается от образа Чистика в «Мирской чаше».

Итак, в теме природы, которая разворачивается «Дневниках» М.М. Пришвина богато и живописно, можно проследить многообразные варианты рождения художественного образа на основе географического прототипа. Эстетическим явлением может стать деталь природного суще-

ства, ситуация дня, естественный сюжет, состояние атмосферы, восход или заход солнца, луны, стихии. Первоначальные факты, свежие впечатления, точные описания наполняются опытом предшествующих наблюдений, мотивами биографии, натурфилософией, настроением писателя, и далее эти уже готовые образы могут пройти путем долгой доработки. Наблюдения над рождением образа из географического прототипа в теме природы М.М. Пришвина подтверждают возможности жанра дневника включать совершенство художественного повествования.

Список литературы

1. Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. – М.: Московский рабочий, 1991.
2. Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. – М.: Московский рабочий, 1994.
3. Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. – М.: Московский рабочий, 1995.
4. Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. – М.: Русская книга, 1999.
5. Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. – М.: Русская книга, 2003.
6. Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. – М.: Русская книга, 2004.
7. Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. – СПб.: Росток, 2006.
8. Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. – СПб.: Росток, 2010.
9. Пришвин М. М. Ранний дневник. – СПб.: Росток, 2007.
10. Пришвин М. М. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Гослитиздат, 1957.

**Первая мировая война в зеркале русской лирики 1914–1915 годов:
события вокруг Польши**

В статье анализируется лирика русских поэтов, отражающая польские события начального периода Первой мировой войны, делаются выводы об особенностях историко-философской концепции, отражающей мироощущение их авторов, а также выделяется ряд художественных особенностей, касающихся пафоса и жанровой спецификации произведений.

The given article analyzes the Russian poets' lyrics reflecting the Polish events of the I World War initial period. It also draws conclusions about the historiosophic conception of the authors' world perception, emphasizing artistic pathos and genre specification of the writings.

Ключевые слова: Первая мировая война, мировой литературный процесс, жанровое многообразие.

Key words: I World War, world literature process, genre variety.

С началом Первой мировой войны события, потрясшие мир, стали предметом художественного осмысления поэтами многих стран, вступивших в войну. Лирика тех далеких лет оперативно откликалась на все происходящее в мире. Так, с началом оккупации Бельгии Германией и предшествующим ей мужественным поступком бельгийского короля Альберта I и правительства, не пожелавших принести в жертву «честь своей страны и обязательства перед Европой» [26, с. 165-166] и выполнить требование «свободного пропуска германских войск, как это нужно было по германскому плану войны» [18, с. 43], на страницах периодической печати и в сборниках появились поэтические произведения авторов разных стран, потрясенных мужеством бельгийцев и варварством германцев. Среди них – классик бельгийской литературы Э. Верхарн, известные русские поэты В. Брюсов, З. Гиппиус, А. Блок, Н. Гумилев, А. Ахматова и С. Есенин; многие забытые ныне широкой читательской аудиторией авторы: Д. Крючков, А. Томашевский и др.

На последовавшие затем события вокруг Польши европейская поэзия также откликнулась большим количеством произведений, среди которых хорошо различим и голос молодого С. Есенина, еще только начинавшего свой путь к литературной славе. Именно эта группа стихотворений и является предметом исследования в данной статье.

Появление поэтических произведений, обращенных к Польше, связано, по-видимому, с появлением в печати «Воззвания Верховного Главнокомандующего к полякам» [8]. В нем выражалась уверенность в том, что

«наступить часъ воскресенія польскаго народа, братскаго примиренія ея [Польши. – И.Г.] съ великой Россіей» и воссоединения страны «подъ скипетромъ Русскаго Царя». «1 (14) августа 1914 года» датировано и стихотворение В. Брюсова «Польше» [6, с. 243], входящее в цикл «Современность». По аналогии с политическим документом В. Брюсов пишет свое произведение в форме поэтического воззвания, в нем расставлены те же акценты, что и в «Воззвании Верховнаго Главнокомандующаго к полякам». Заметим, что отдельные положения политическаго документа находим во многих произведениях польской тематики начальнаго периода Первой мировой войны. Так, в стихотворении и К. Бальмонта «Герб затаеннаго мѣсяца» с предпосланным ему эпитафамъ из Сенкевича – «Herbu Miesiąca zatajony...» – читаем: «Рыцарь Польскій, в жизнь влюбленный ... / Встань, нас час зовет, звеня. / О, простим при грозной сшибке / Наши общіе ошибки, / Будем сильны, будем гибки / Через причастіе Огня!» [25, II, с. 27].

В стихотворном послании Н. Агнивцева «Польше», начинающемся с риторическаго вопроса: «Кто сказал, что песня славы / Отзвучала для поляков?» – поэтически интерпретирован тезис о воссоединении польских земель, содержащийся в политическом документе: «И в объятія Варшавы / Вновь падет плененный Краков, / Как упал в объятія Львов!» [1, с. 104]. Уверенность автора в таком исходе подкрепляется метонимическою ссылкой на военное умение польских мужчин и общепризнанную красоту польских женщин: «– Что острее польской сабли? / – Что прекрасней польской панны? / – Ничего!» [1, с. 104].

Заметим, что поэтическія посланія, адресованные Польше, ея народу, были характерны для русской поэзіи начальнаго периода Первой мировой войны. В этом жанре написаны такие произведения, как «Польше» С. Копыткина, «К Варшаве» В. Брюсова и др. Во многих стихотворениях Польша предстает как «младшая сестра» Россіи. Например, Т. Щепкина-Куперник именно так и назвала свое стихотворение – «Наша младшая сестра». «Сестрой» называет братскую страну и С. Копыткин, а Ф. Сологуб поляков – братьями («Братьям»). Уже в названиях явлен образ общаго дома, семьи братских народов, столь характерный для славянской ментальности. Полагаем, что и в этой связи, а не только в силу политических устремлений Россіи того периода, во всех без исключения произведениях на «польскую» тему подчеркивается мысль о необходимости совместнаго отпора жестокому и безжалостному врагу.

Неизвестный автор в своем произведении («В Польше») [23] описывает и «разоренный дом на Висле», и «тревогу в городах, жуть врага», и то, как «в поле боя шлет сынов народ». Это замечание полностью соответствует действительности той поры, запечатленной также и в прозе: в рассказе Б. Мирскаго «Казак из Техаса», в статье «горячаго защитника польской автономіи и идеи польско-русскаго сближенія» [16] А. Ледницкаго. По-

следний утверждал, что в ряды русского войска, осознавая угрозу оккупации страны германцами, пошли «дети крестьян, аристократических родов, поднялся весь народ» [17, с. 125]. Заметим, что понятие «народ» в лирике 1914 – 1915 гг. символизирует единство поляков и русских, что свидетельствует о понимании обществом необходимости союза славян перед лицом реальной опасности.

Известно, что «артисты Московских императорских театров устроили на свои средства столовую для бездомной польской интеллигенции» [17, с. 130]. Первая книга сборника «Современная война в русской поэзии» [25] была специально издана «на помощь Польше» [25, I, с. XIII]. В третьем стихотворении «Моя конфедератка», входящем в триптих «Прекрасная Польша» [22, с. 77-78], М. Моравская пишет о том, как «под небом Питера печального» она шьет «радостными руками / Польскую конфедератку¹». По сообщениям периодической печати известно, что в российских городах была развернута кампания по уходу за ранеными поляками, причем врачевались не только их тела, но и «духовные недуги». Ф. Сологуб в стихотворении «Братьям», написанном от имени поляков-эмигрантов, воссоздает настроения беженцев, вынужденных покинуть «милый край, где жизнь цвела»: «Но говорим мы нашим детям: / – Не бойтесь, в русских городах / Мы все друзей и братьев встретим» [25, I, с. 32].. Лирическая героиня стихотворения «Наша младшая сестра» Т. Щепкиной-Куперник, известной писательницы, драматурга, поэтессы и переводчицы, от имени русского народа декларирует: Мы детей твоих накормим, / Обогреем бедняков, / Приютим несчастных братьев / И вернем им отчий кров... [25, I, с. 27]. Те же мысли высказывает и лирический герой стихотворения В. Брюсова «К Варшаве», написанного в этом прифронтовом городе «в дни настойчивого наступления немецкой армии на столицу нашей Польши» [4, с. 168] и включенного автором в цикл «Пять стихотворений»: «Нет, нет, мы не допустим плена / Ее зеленых берегов!.. / Враг не войдет надменным строем / В твои сады и цитадель!.. / И мы, мечом святым от гнева, / Тебя оборонить – должны!» [4, с. 167].

Поэт Н. Чудов, публиковавшийся под псевдонимом Танкред [20, с. 162], переводит с польского стихотворение «У пленных русских». В своем произведении – «В карауле» – автор рассказывает историю поляка, охранявшего тюрьму, в которой содержались русские военнопленные: осознав, что в узилище, «в каждом каменном мешке / Заключена душа родная» [курсив наш. – И.Г.], он принял единственно правильное для себя решение: «И часовой – стал человек. / Мне стало стыдно и неловко; / И ночь текла, и падал снег – / И бросил я свою винтовку» [25, I, с. 203].

---

¹ 1. Польский национальный головной убор в виде четырехгранной шапки без козырька, с кисточкой наверху... 2. Польская военная фуражка с четырехгранным верхом [24, с. 95].

Лирический герой стихотворения Ю. Ревякина «Защита Варшавы» подводит своеобразный итог совместным усилиям двух славянских народов, забывших, вопреки надежде «коварно-злобного врага» на «рознь славян», «всю вражду»: «...и русские полки / Варшава свежими осыпала цветами, / С молитвой жаркою, с горячими слезами / Там провожали в бой победные штыки... / Варшава спасена!..» [25, I, с. 33]. Ту же «зарисовку с натуры» находим и в стихотворении В. Брюсова «В Варшаве»: «А на улице, как стих поэмы, / Клики вокруг меня сливались в лад; / Польки раздавали кризантемы / Взводам русских радостных солдат» [4, с. 166].

Благодаря авторскому примечанию, известно, что стихотворение написано в Варшаве «после обмена речами в “Польском Товариществе Писателей”, пожелавшем устроить особое заседание для приема автора этих стихов» [4, с. 168]. Именно этот факт вселяет в лирического героя уверенность в том, что драматические моменты в прошлом двух народов если и не забыты, то могут быть преодолены, поскольку автора чествовали там, где никогда ранее «не присутствовал писатель русский и *ни разу* не были произнесены речи на русском языке» [7, с. 197]. Посвящая свое стихотворение А. Ледницкому, В. Брюсов устами лирического героя высказывает общую надежду на то, что «быть может, нынче – день начала, / Нынче солнце в небе – как печать» [4, с. 166].

Поэтическое воплощение той же мысли находим и в стихотворении Н. Агнивцева «Братьям-полякам», написанном в жанре послания. Примечательно, что для этого автора акт примирения – уже свершившийся факт: «Окончен наш спор вековой» [1, с. 101], – провозглашает поэт. Заметим, что А. Ледницкий – адресат стихотворения В. Брюсова «В Варшаве» – в статье «Война и Польша», высказав распространенную в среде польского народа мысль о жертве, приносимой им на алтарь общей победы, назвал Польшу «русской Бельгией» [17, с. 130]. В этой связи является не случайным, что в лирике поэтов, посвященной польским событиям, значителен корпус произведений, в которых рисуется картина вражеских зверств. Всем были памяты и варварская бомбардировка Калиша (не пощадившая ни частных домов, ни больницу, ни «церковь и костелы»), и расстрелы мирных жителей [13, с. 13], в том числе и в Ченстохове – городе, где хранилась одна из христианских святынь – икона Пресвятой девы Марии (или Черной Мадонны), которую приписывают кисти евангелиста Луки. Об этом читаем в стихотворении В. Рябова-Бельского «В Ченстохове» [25, I, с. 34], написанном в форме диалога между матерью и ребенком. Красноречивы строки, рисующие картину германского насилия над беззащитными: «Никого никто не ждет, / Только кровь у окон дома / Молча к небу вопиет» [25, ч. I, с. 34].

Характерно, что в произведениях русских поэтов отмечена и моральная деградация врага. Так, в стихотворении В. Брюсова «Аэропланы над Варшавой» (1914) читаем: «С какой змеящейся улыбкой / Качнут два нем-

ца в небе бомбы» [5, с. 118]. Всеобщее возмущение варварством агрессора было присуще и публицистике тех лет. Красноречивы заголовки статей: «Разбойники!» А. Масаинова [19], «Бронированный шваб и культура» Н. Абрамовича [9, с. 135], «Пьяные илоты» Э. Гримма [12, с. 92].

Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что русские поэты и публицисты не идентифицируют образ немецкого народа, давшего миру великих философов и поэтов, с образом жестокого агрессора [2, с. 322; 28, с. 132], и ставят вопрос о переосмыслении в свете современных им событий понятий «цивилизация и культура».

Примечателен тот факт, что русская поэзия в те дни указывала на необходимость духовной консолидации, которая способна сокрушить врага. Созерцание разрушенных храмов и жертв насилия должно укрепить дух народа: «...тяжкий швабский млат ковал для нас сближенье, – / На Ченстохова звон звучал ответ Кремля», – утверждает в сонете «Польше» [25, I, с. 35] Н. Вентцель, печатавшийся под псевдонимом Бенедикт [20, I, с. 155]. Соседство Ченстохова (Cęstochowa) и Кремля здесь неслучайно, поскольку и в XXI веке Ченстохов считается духовной столицей Польши. Во многих стихотворениях прямо подчеркивалось, что война воспринимается как Божий суд, который не могут проиграть народы, ставящие христианскую любовь превыше всех политических распрей. Именно таковы стихотворения «Польша» С. Кошкарлова и «Три креста» [25, I, с. 164] З. Гиппиус, известное в двух редакциях [первая посвящена событиям в Бельгии. – *И.Г.*] [10, с. 193-194].

Присутствие библейского хронотопа в ряде стихотворений, обращенных к Польше, свидетельствует о том, что русские поэты, понимая разность менталитетов двух народов, искали и находили общее между ними и прежде всего – (кроме славянских корней) принадлежность к общехристианской традиции, недаром во многих из них Первая мировая война осознается как земное воплощение битвы между Богом и Сатаной. Так, в упомянутом выше стихотворении С. Кошкарлова читаем: «Былых веков ее [Варшавы. – *И.Г.*] развенчанная слава / Воскресла в красоте тернового венца. / Творится Божий Суд...» [15]. Молитва к Богу звучит во многих произведениях. «Молю небесного Отца – / Перемени великой Польше / На лавры тернии венца», – пишет в «Стансах Польше» Ф. Сологуб [25, I, с. 29].

Русские поэты ни на минуту не сомневались в жизнеспособности Польши как славянского государства. «Да, Польша есть!» – восклицает В. Брюсов в первой части сонетного диптиха «Польша есть!» (22-23 мая 1915) с подзаголовком «В ответ Эдуарду Слонскому». Первый переводчик произведений В. Брюсова на польский язык Э. Слоньский адресовал русскому собрату по перу сонетный диптих «Panu Waleremu Brusowowi» («Господину Валерию Брюсову»). Русский поэт, призывая поляков «не скорбеть», «что яростью войны / Поля изрыты, веси сожжены», как и в

стихотворном послании «Польше», пророчествует: «Но та победа, что теперь близка, / Венца разбитого обломки сложит!» [3, с. 393-394]. И залогом этого, по мнению поэта, является не только ратная слава народа, но и его «поэты», «дух творческих начал», сохранение страной своего «вечного идеала». Подробный анализ замечательного «сонетного диалога» двух славянских поэтов сделан М. Топичем и П. Буняком. По их мнению, «залог существования Польши лирический субъект усматривает в неиссякаемой силе ее творческого духа, в ее огромном культурном наследии» [27]. С этим выводом невозможно не согласиться.

Произведение С. Есенина «Польша» впервые было опубликовано в журнале «Огниво» (1915. № 6/8. С. 2) «вместе со стихотворением “Греция” под общим заголовком “Два сонета”» [14, IV, с. 371]. Обращает на себя внимание выбор молодым поэтом сложной стихотворной формы. С. Есенин, называя свое произведение «Польша», не просто определяет тему – он выводит своеобразную формулу духовного величия народа-«победителя», которому «за стяг его труда / Сам враг кладет цветы на чашки коромысла». Уже в первом катрене сонета назван один из центральных образов произведения – звезда, что ассоциируется с евангельской символикой и опосредованно связано с образом Христа: Над Польшей облако кровавое повисло, / И капли красные сжигают города. / Но светит в зареве былых веков звезда / Под розовой волной, вздымаясь, плачет Висла... [курсив наш. – И.Г.] [14, IV, с. 97].

Во втором катрене примечателен образ коромысла: «И победителю за стяг его труда / Сам враг кладет цветы на чашки коромысла». Этот привычный предмет крестьянской утвари ассоциируется у поэта с образом весов, которые, как известно, символизируют правосудие. По-видимому, С. Есенин был хорошо осведомлен о том, что уже «в Древней Индии весы наделялись сакральным значением: считалось, что по своей способности различать дурные и благие поступки они выше богов. Связь весов и идеи божественной справедливости отражена в библейском повествовании: “Верные весы и весовые чаши – от Господа; от Него же все гири в суме” (Пр. 16). Весы в виде двух одинаковых чаш, расположенных на горизонтальной переключине, связываются с идеей равновесия и симметрии. Применительно к общей символике правосудия такие весы выражают представление о том, что всякая вина неизбежно вызывает к жизни силы, влекущие саморазрушение и наказание виновного...» [29]. Именно эти силы и названы поэтом в первом терцете. Это и вольнолюбивые устремления Польши, воплощенные в упоминании борца за свободу страны Т. Костюшко, и культурная опора, явленная в образе национального поэта А. Мицкевича. Причем, вопреки известному изречению «когда говорят пушки – музы молчат», есенинский Мицкевич «заряжает пушки», тем самым подчеркивается сила поэтического слова, способного пробудить дремлющие жизненные силы нации. И здесь С. Есенин находится в русле

русской же поэтической традиции. Например, в произведении Ф. Сологуба «Стансы Польше» также находим указание на внутренние силы Польши, противопоставившей «грозной силе / Надежды, песни и дела». Поэт-символист утверждает: «Твоих поэтов, мать родная, / Всегда умела ты беречь, / Восторгом сердца отвечая / На их пророческую речь...» [25, I, с. 28].

Есенинский образ коромысла, несомненно, вызывает ассоциации с неизменным «центром», уравнивающим чаши весов. Такую цементирующую силу являет собой народ, осуществляющий Божий промысел и вершащий свой строгий и справедливый суд над агрессором. Именно эта мысль и заключена во втором – финальном – терцете есенинского сонета: «Пускай горят родных краев опушки, / Но слышен звон побед к молебствию костела» [14, IV, с. 97]. Так, сплетая древние символы с собственной их интерпретацией, молодой поэт в своем сонете обосновал неизбежность не только военного, но и духовного поражения кайзеровской Германии; продемонстрировал понимание глубинных основ христианского миропонимания.

В сонете «Польша»¹ молодой С. Есенин явил виртуозное владение словом: в четырнадцати строчках сонета только одна неточная рифма (повисло – Висла), да и она различима лишь при визуальном восприятии произведения: редуцированные в заударных слогах гласные *о* – *а* произносятся как [ь]. Причем в сонете всего три рифмы [-да, -ла (-ло) и -ки], а в катренах всего две: -ки и -ла. Иначе говоря, перед нами пример практически безупречного звучания стиха. Таким образом, следует говорить о том, что сонет С. Есенина «Польша» в ряду многих произведений «польской» тематики времен Первой мировой войны является своеобразной квинтэссенцией образов, а с точки зрения художественной формы он превосходит многие из стихов, написанных по следам трагических событий мировой истории начала XX века.

Как видим, сонет С. Есенина во многом соотносим с сонетным диптихом В. Брюсова «Польша есть!», и можно было бы говорить о творческой интерпретации поэтического опыта старшего товарища по перу, если бы не тот факт, что произведение В. Брюсова впервые было опубликовано в 1945-м году [27], а сочинение С. Есенина – в 1915-м.

Подводя итоги анализа стихотворений 1914-1915 гг., посвященных «польской» теме, следует подчеркнуть следующее.

1. Стихотворения эти проникнуты лирико-публицистическим пафосом, так как написаны по живым следам и непосредственным впечатлениям от происходивших военных событий. Отсюда общие черты: документализм, дневниковость, агитационная направленность как жанровая доминанта (преобладает такая жанровая разновидность, как стихотворение-воззвание, стихотворение-послание).

---

¹ Об этом произведении см. также: [11, с. 85–87].

2. Все без исключения русские поэты полны сочувствия к братскому народу Польши, уверены, что только с помощью сестры – России – эта страна может победить врага. Будущее в свете драматических, а порой и трагических событий настоящего не представляется пессимистичным благодаря поступательной модели художественного времени, которая в большинстве произведений осознается лирическим героем как нерушимый мост между славным прошлым и восстановленным мироустройством грядущего.

3. Война затронула духовную сферу самосознания народов, выявив ментальную основу их национально-культурной самобытности.

4. В лирике исследуемого периода заявлена новая философско-историческая антиномия: цивилизация и культура¹.

Список литературы

1. Агнивцев Н. Под звон мечей. – Пг.: Типография Т-ва «Екатерининское Печатное Дело», 1915.
2. Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. – 1914. – Кн. 10. – С. 317-328.
3. Брюсов В. Я. Избранные стихотворения. – М.: Гослитиздат, 1945.
4. Брюсов В. Я. Пять стихотворений // Русская мысль. – 1914. – Кн. X. – С. 164-168.
5. Брюсов В. Я. Семь цветов радуги. Стихи 1912 – 1915 года. – М.: Изд-во К. Ф. Некрасова, МСМХVI.
6. Брюсов В. Я. Современность // Русская мысль. – 1914. Кн. VIII-IX. – С. 241-244.
7. Бэлза С. И. Брюсов и Польша // История и культура славянских народов. Польское освободительное движение XIX-XX вв. и проблемы истории культуры. – М.: Наука, 1966.
8. Воззвание Верховного Главнокомандующего к полякам. – [Электронный ресурс]: http://www.hrono.ru/dokum/k_polyakam.html.
9. Война. Литературно-художественный альманах. – М.: Меч, 1914.
10. Герасимова И. Ф. В начале Первой мировой войны (стихотворение С. Есенина «Бельгия» в контексте русской лирики 1914 года) // Проблемы научной биографии С.А. Есенина: Сб. трудов по материалам Междунар. научн. конф., посвященной 114-летию со дня рождения С. А. Есенина. – Рязань: Пресса, 2010. – С.190-204.
11. Герасимова И. Ф. Триптих С. Есенина «Бельгия», «Греция», «Польша» в контексте русской поэзии периода Первой мировой войны // Современное есениноведение. – 2009. – № 10. – С. 79-87.
12. Гримм Э.Д. Пьяные илоты // Русская мысль. – 1914. – Кн. VIII-IX. – С. 76-93.
13. Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. – М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1942.

---

¹ Общие выводы об особенностях художественного отражения польских событий в отечественной лирике начального периода Первой мировой войны во многих отношениях близки тем, что сделаны автором данной статьи в ходе анализа произведений, обращенных к Бельгии (см. подробнее: [10, с. 201]). Это свидетельствует о наличии общих тенденций в освоении русскими поэтами антимилитаристской тематики.

14. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. /гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ред. коллегия: Л.Д. Громова, Н.В. Есенина, С.П. Есенина, С.П. Кошечкин, Ф.Ф. Кузнецов, Г. И. Ломидзе, Л.А. Озеров, Н.Н. Скатов, В.В. Сорокин; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука; Голос, 1995 – 2002.
15. Кошкарлов С. Польша // Рязанский вестник. – 1914. – 18 декабря.
16. Ледницкий Александр Робертович. Биографический указатель. – [Электронный ресурс]: http://www.hrono.ru/biograf/bio_l/lednicky.html.
17. Ледницкий А.Р. Война и Польша // Русская мысль. – 1915. – Кн. VI. – С. 113-134.
18. Лиддел Гарт Б. Г. Правда о Первой мировой войне / пер. с англ. О. Триэля. – М.: Яуза: Эксмо, 2009.
19. Масаинов А. Разбойники! // День. – 1914. – 10 сентября.
20. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русский писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956–1960.
21. Мирский Б. Казак из Техаса // Нива. – 1915. – № 5. – С. 85-88.
22. Моравская М. Прекрасная Польша // Русская мысль. – 1915. – Кн. III. – С. 78-88.
23. Неизвестный автор. В Польше // Рязанский вестник. – 1915. – 18 января.
24. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. 2. К – О. 1986.
25. Современная война в русской поэзии: в 2 ч. / сост. Б. Глинский. – Пг.: Тип. Т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1915.
26. Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914 / сост. С. Переслегин. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999.
27. Топич М., Буняк П. METRICA ET POLITICA: «Сонетный диалог» между Э. Слоньским и В. Брюсовым // Sine arte, nihil: Сборник научных трудов в дар профессору Миливое Йовановичу / редактор-составитель Корнелия Ичин. – Белград-Москва: Пятая страна, 2002. – [Электронный ресурс]: <http://www.russian.slavica.org/article179.html>.
28. Франк С. О поисках смысла войны // Русская мысль. – 1914. – Кн. XII. – С. 125-132.
29. Энциклопедия знаков и символов. – [Электронный ресурс]: <http://sigils.ru/symbols/vesy.html>.

Поэтика ключевых сцен в романе А. Проханова «Господин Гексоген»

В статье исследуется художественная историософия в прозе А. Проханова. Особое внимание уделяется поэтике ключевых сцен. Ключевая историософская идея Александра Проханова – восприятие последних десятилетий нашей истории как катастрофического конфликта, который отличается лишь новыми формами, но по сути своей присутствовал на всем протяжении русского национального пути.

The article is devoted to the artistic historiosophical discourse in Prohanov's prose. Focus on key scenes. The main idea of Alexander Prohanov – perception of decades of our history as a disastrous conflict that differs only new forms, but in essence was present throughout the Russian national path.

Ключевые слова: поэтика, ключевые сцены, историософская идея, амбивалентность, архетип.

Key words: poetics, key scenes, historiosophical idea, ambivalence, archetype.

Проханов – самый идеологический писатель в современной русской литературе. Он никогда не согласится с тем, что литература должна удаляться от жизни, выстраивая свой собственный, возвышено изолированный мир. Политика – не отдельная событийная область, удаленная от интересов писателя, а главный поставщик сюжетов, концепций и образов. Можно сказать, что Проханов, категорически не принимающий все, что случилось с Россией за последние двадцать лет, просто уничтожает политику как форму сознания и самой жизни. Но все-таки есть смысл придти к другому мнению: Проханов, превращая политические события в миф, в метафизический сюжет, оправдывает ее как явление эпической борьбы, не сводимой к суетливой смене лиц в верхних эшелонах власти.

Ключевой историософской идеей Александра Проханова является восприятие последних десятилетий нашей истории как катастрофического конфликта, который, впрочем, отличается лишь новыми формами, но по сути своей присутствует на всем протяжении русского национального пути. Этому посвящена 5 глава романа. В пятой главе главный герой Белосельцев впервые встречается с Избранником – с героем, который ни разу не называется по имени и фамилии, но без труда сопоставляется и совмещается с реальным политическим лицом, с человеком, который взошел на самую вершину российской политики. «Маленький человек, похожий на шахматного офицера, вырезанного из слоновой кости», мог бы быть назван будущим президентом Путиным, несмотря на отсутствие четкого имени в «Господине Гексогене». Но с подобными отождествлениями надо быть ос-

торожнее – не из соображений политкорректности, а по другим – художественным – причинам. Мы имеем дело не с историческим романом, а с гротескной фантазией на темы современной российской политики. Мифологизация в романах Проханова значительно развернутых психологических характеристик, соответствующих образам, хорошо известным читателям по телевизионным выпускам новостей и газетным статьям.

Первый, достаточно объемный абзац посвящен представлению Избранника, в котором Белосельцев видит силу, способную избавить Россию от уже состоявшегося порабощения. Сакральная многозначительность отличает повествователя, сообщающего об Избраннике. Проявляется стиль, своей многозначительностью и ритмикой приближающийся к стилю библейскому: «Он сидел за столом на пиру нечестивых, и мерзость застолья, скверна произносимых речей не касались его» [2, с. 87]. Далее появляется образ, классический для мифологического и религиозного дискурсов: «Он был тих и невнятен, как дремлющее зерно. Таил в себе будущий урожай, несуществующее грозное время, к которому готовили его хлеборобы» [2, с. 87]. Зерно – потенциальная жизнь, временно скрытая и развивающаяся по своим внутренним законам. Главный закон этого развития – неизбежное возрождение, воскресение, когда «умерев», сгнив в земле, зерно дает новые плоды, «воскресает». Следует напомнить, что классическим олицетворением зерна является евангельский Христос, которому необходимо пройти через смертные страдания, чтобы возродиться, воскреснуть самому и спасти человечество.

В Евангелиях «зерно» (Христос) оказывается во враждебном окружении, представленном, прежде всего, фарисеями/книжниками, стремящимися уничтожить Мессию, чуждого их представлениям о жизни и спасении. В пятой главе «Господина Гексогена» главным фарисеем/книжником оказывается олигарх Зарецкий. Поэтика его образа отмечена совершенно очевидным мотивом расчеловечивания, деперсонификации. Александр Проханов (и это отличает все его романы, написанные в новом веке) помещает «образы врагов» в контексты, в которых обязательно появляются символы, призванные подчеркнуть исчезновение в герое человеческого статуса. Повествователь сообщает о «множестве клыков и когтей, раздвоенных жал и пупырчатых щупальцев», которые обязательно растерзали бы Избранника в том случае, если бы он был признан. Зарецкий сопоставляется с «хамелеоном», меняющим окраску в соответствии с переживаниями и эмоциями. У Белосельцева появляется мысль, что перед ним располагается не человек, а «таинственный гриб, или водоросль, или лишайник, меняющий свой цвет под воздействием растворов и соков» [2, с. 89]. Зарецкий растекается, «как огромная плавающая медуза», он – «огромный тетерев», на которого Белосельцев наводит воображаемую двустволку. Конфликт становится очевидным: есть молчаливый, ни слова не произносящий Избранник – «зерно», из которого должна произрасти русская победа. Есть

нечеловеческие силы, представленные Зарецким, которые готовы искоренить любое «зерно», но пока не могут его обнаружить. Закономерно, что главный герой (Белосельцев), всей душой ненавидя Зарецкого, сдерживает свои эмоции и реагирует на происходящее согласно законам сакрального сюжета: «Опустив глаза, он молился о сохранении и сбережении Избранника» [2, с. 88].

Анализируемая сцена разрастается за счет речи Зарецкого, которая оказывается своеобразной кульминацией откровенности. В романах Проханова «враги» всегда все договаривают до конца, напрямую обращаясь к слушателям (следовательно, и к читателям), подробно сообщая о злодейских планах, суть которых в порабощении и уничтожении России. Пятая глава «Господина Гексогена» – не исключение. Обращаясь к Дочери Истукана, олигарх, напоминая повествователю «таинственный гриб» и «медузу», а также «хамелеона», начинает публично, без всякой цензуры глумиться над порабощенной страной. Это гротескная речь, призванная показать важный для Проханова образ абсолютного зла, с которым невозможны никакие компромиссы, так как нельзя договориться с вирусом, с «водорослями» или «лишайниками», действующими согласно своим генетическим кодам, не имеющим связей с милосердием или справедливостью.

«Русский народ мертв, он больше не народ, а быстро убывающая сумма особей, за популяцией которых мы пристально наблюдаем, регулируя ее численность исходя из потребностей рабочей силы и затрат на ее содержание», – глумится Зарецкий, отличающийся, по воле автора, предельной откровенностью и желанием высказаться до конца [2, с. 89]. Страшные речи сопровождаются телесными изменениями: лицо однозначно негативного героя начинает «мертветь», «голубеть», «по невидимым сосудам побежали фиолетовые соки, проступили на щеках склеротической сеткой, полированные, ухоженные ногти на руке, прижимавшие к столу ладонь именинницы, посинели, как у утопленника» [2, с. 89].

Речи всех героев Проханова – и негативных, и позитивных – всегда максимально экспрессивны. В данной сцене идея тщательного спланированного порабощения России создается с помощью синонимичных глаголов, которыми Зарецкий виртуозно играет: есть «мы» (собирательный образ поработителей), есть «русский народ» – основной объект коварного и почти смертельного удара. Есть глаголы, обозначающие смысл происходящего: «отняли», «отобрали», «покончили», «уничтожили», «остановили», «сбросили в овраг», «завалили отбросами», «залили бетоном». Речь идет о «русском народе», «русских инженерах», о «русской военной мощи», «русских ученых», «русской культуре».

Белосельцеву кажется, что «дурной Мейерхольд продолжает абсурдистский спектакль» [2, с. 91]. Зарецкий несколько раз называется «актером», но это некий «актер-колдун», существующий не столько в политическом, сколько в метафизическом пространстве, где любое теат-

ральное действие превращается в ритуал. В сознании Белосельцева, страдающего от присутствия очень опасного «колдуна», появляется настоящее видение: «... на арене нарядного цирка, куда выходили обезглавленные политики, держа в своих руках окровавленные, с выпученными глазами головы, выкатывались толпы погорельцев и беженцев, неся в руках синопных детей, выбредали разгромленные корпуса и дивизии, выволакивая из-под огня подорванные бэтээры» [2, с. 93].

Психопатология власти, которая интересует Проханова, превращающего политику в мифологический процесс, актуализирует образы упырей, вампиров, всевозможной нечисти, по мнению повествователя, захватившей страну. Один из ключевых моментов в речи Зарецкого – сообщение об операции на сердце Президента: сердце «вологодского солдата» было пересажено Истукану, который уже готовился уйти, оказавшись в клинической смерти. Также надо отметить, что речь коварного Зарецкого, пока еще не угадывающего опасности, исходящей от молчаливого Избранника, обращена (типичный для Проханова мотив обольщения и искушения) к Дочери Президента, которой обещан монархический статус. «Царицу Татьяну», по словам Зарецкого, ожидает коронация «при великом стечении народа». Завершая анализ сцены, скажем о сложном, амбивалентном характере образов, которые представляются автору позитивными, имеющими отношение к избавлению России от рабства. Так, Избранник – не только «зерно», которому надлежит воскреснуть, но и «смерть», которая «тихо подседа» за стол, не признанная Зарецким и его соратниками.

А. Вяльцев, рассматривая прохановский подход к изображению власти, отмечает (как положительный момент) «неполиткорректность» писателя: «Своеобразным достоинством текста является его абсолютная *неполиткорректность*. Проханов не боится, что подставляет себя под упреки в разжигании национальной розни. Он откровенно высказывает мнение улицы, какое бы грубое оно ни было. Роман дышит прямо толстовской гипнотически-навязчивой правдолюбивой ненавистью. Пусть сами объекты ненависти часто или ошибочны, или того не стоят. Ненависть делает Проханова поэтом: своим врагам по демократическому лагерю он навывдумывал изощреннейшие казни, уничтожил их под видом монстров в компьютерной игре, которой и является «Господин Гексоген» [1].

В седьмой главе «Господина Гексогена» происходит встреча Белосельцева с Гречишниковым – одним из стратегов новой русской революции, тем, кто создает цепь событий, способствующих приходу Избранника к власти. Встреча – возле Дома правительства (Белого дома), который в романах Проханова появляется очень часто. Появляется как сакральное пространство, освященное кровью новомучеников, погибших за Россию в октябре 1993 года. Беседа Белосельцева и Гречишникова полностью соответствует характеру сакрального пространства. Если в предшествующей сцене, подвергнутой нами анализу, ключевая риторическая позиция была у

«врага», саморазоблачающегося в процессе говорения, то здесь «враги» отсутствуют. Звучит «русское слово», призванное создать своеобразный «полюс оптимизма» в «Господине Гексогене», убедить в том, что борьба, которую ведут герои, абсолютно оправдана, полностью закономерна.

Прежде чем предоставить слово Белосельцеву (протагонисту данной сцены), Проханов вводит героев в обязательный метафизический контекст. «Мы выбраны Творцом для строительства», – произносит Гречишников [2, с. 129]. Повествователь, сообщая об ощущениях Белосельцева, говорит о загадочности и таинственности бытия в восприятии главного героя, о том, что его «верующая душа» соединилась с «бесконечно удаленным центром Вселенной», о том, что «тайна мира» «требовала величайших напряжений ума и души». Таким образом, все слова, которые произносит Белосельцев, не столько рассуждение и анализ, сколько прозрение и пророчество, приобщение к мистической правде, удаляющейся от рационального знания. Статус речи главного героя подтверждается реакцией на нее. Гречишников, слушая соратника, смотрел на него «с обожанием». Он же цитирует умершего генерала Авдеева (Суахили), сказавшего перед смертью: «Найди Белосельцева... Он имеет мистический опыт... Он напишет философию нашего общего дела ... Создаст религию нашей борьбы... Теперь я вижу, такая религия есть...» [2, с. 134]. Многоточия, создающие эффект запи-нающейся предсмертной речи, только усиливают ее значительность. Лексика, избранная автором, недвусмысленно свидетельствует о том, что историософия Проханова – в безусловном религиозном контексте. Эта историософия может быть названа и социально-политическим богословием. По словам Гречишникова, Авдеев-Суахили «пережил откровение» и «собрал нас, как апостолов» [2, с. 131]. «Проханов мифологизирует окружающую жизнь, выстраивая интригу на идее глобального заговора. Но корни этого мифа уходят в коллективное бессознательное российского социума, сформированное его советской историей. В каком-то смысле роман можно рассматривать как документ общенационального невроза – следовательно, изучать и, если верить адептам психоанализа, через это освободиться», – считает М. Ремизова [3].

О чем говорит, точнее, пророчествует Белосельцев? Русские сотворены, чтобы быть «другими», они слеплены из «другой глины». Причем, слова героя о том, что русские сотворены «Богом, Космосом или творящей мирозданье силой» показывают, что говорить об однозначном православном векторе текста вряд ли возможно. Если весь мир строит Вавилонскую башню «с устрашающим начертанием ада», то «мы» строим «храм с начертанием светлого рая». «Господь так провел наши реки, прочертил дороги, устроил наши холмы и равнины, так направил воздушные ветры и морские течения, такие песни вложил в уста нашим бабкам, такие сказки нашептал нашим внукам, что мы, избранные Богом для другого мира, уже не сможем никогда измениться. Среди зла и кромешной тьмы мечтаем о

рае, о вселенском благе, о любви, которая должна сочетать и людей, и лесных зверей, и цветы, и камни, и души, и звезды небесные» [2, с. 131-132].

Критики часто иронизируют над главным героем «Господина Гексогена». Приведем мнение В. Чепелева: «Если же говорить об образе главного героя, ... то следует констатировать: героя нет. Все определения, даваемые ему автором как опосредованно через других действующих лиц, так и напрямую, противоречат действиям Белосельцева. Он туго соображает, он пугается крови и боли, хотя вроде бы повидал всякого, он совершенно не может представить последствия собственных действий ... Он производит впечатление контуженного, как обухом по голове огретого человека, движущегося по инерции, пляшущего под чужую дудку. Самое смешное, что, вручая Белосельцеву свое собственное хобби – коллекционирование экзотических бабочек, – Проханов как бы лишний раз говорит о степени сродства автора и героя в своем тексте» [4]. На наш взгляд, в отмеченных В. Чепелевым моментах нет противоречия. Герои Проханова, по замыслу автора, часто ошибаются, иногда впадают в уныние, но все-таки сохраняют волю к изменению мира и веру в то, что роль России в этом процессе неизменна. Слабость и ошибки, а также особый «лиризм», отличающий прохановских героев, должны лишить героя однозначной монументальности, сделать его персонажем романа, а не агитационной статьи.

В историософской концепции действует хорошо известный закон: там, где свет и святость, так постоянно активизируются силы зла, стремящиеся погасить свет, победить и искоренить рай. Эта концепция находит отражение в речи Белосельцева. Мир со всем своим «непомерным весом» летит в погибель. Пропать «грохочущей колеснице мира» представляется желанной. Россия – и в этом ее основная миссия – не дает миру сделать последний шаг и угаснуть окончательно: «За это мир ненавидит нас. Он хочет в погибель, жаждет ада, торопится сгореть и пропасть. И нас, спасающих его, ненавидит. Мы – помеха аду, и ад желает ее поглотить» [2, с. 132]. Вновь есть смысл говорить о евангельских ассоциациях, о художественной (впрочем, и об идеологической) картине мира, которая восходит к новозаветным представлениям о бытии. В Евангелиях «миру сему» (князь его – дьявол) противостоит Христос. Мир ненавидит Христа; Христос пришел для того, чтобы преобразить падший мир. В «Господине Гексогене» на месте Христа, страдающего от ненависти «мира», оказывается Россия. Слова, произносимые Белосельцевым, оказываются инверсией евангельских слов: «Мы – свет миру, укоризна миру, спасение миру» [2, с. 132]. Но ряд имен, выстраиваемый героем, вновь показывает, что Евангелие здесь играет роль определенной мессианской модели, но присутствует в романе отнюдь не в полном объеме своего религиозного содержания. Белосельцев, продолжая свою речь о противостоянии России и мира, возводит свои рассуждения к позиции «Серафима Саровского и Владимира Вернадского, Николая Федорова и Льва Толстого, Владимира Ленина и

прорицателя из Печатников Николая Николаевича» [2, с. 133]. Синкретический характер соединения разнородных имен и идей здесь очевиден, а для Александра Проханова – концептуален. Часто, по словам героя, Россия бывает в поражении, разгроме и унижении. Но каждый раз народ и страна поднимаются, используя поражения для будущих побед. Конница – в Париже. Танки – в Берлине. Спутники – в космосе. Каждый век отмечен поражением, которое превращается в победу. Здесь, на наш взгляд, тоже по своему задействована религиозно-мифологическая концепция «смерти и воскресения», когда для того, чтобы «воскреснуть», необходимо «умереть». Образ зерна, символически проясняющий природу Избранника, вновь оказывается востребованным.

Простые предложения («Наш рай осквернен и погублен. В Кремле блудница. На ракетном заводе враг. В школе развратник. В банке вор. Народ расчленен и рассеян») способствуют созданию динамичного образа беды, очередной русской трагедии. Но в данной сцене есть трагизм, но нет пессимизма, который можно увидеть в предшествующей сцене с участием Зарецкого. Союз Белосельцева и Гречишниковца оценивается повествователем как «братство монахов и воинов». Народ «ждет спасителя» и «предчувствует его появление».

Одна из ключевых сцен романа: Белосельцев, предчувствуя новый этап Плана Суахили («истребление олигархов») и мучаясь неразрешимыми вопросами («Где скрижали, в которых можно прочесть учение о бессмертной России?» и т.д.), отправляется в Мавзолей, «желая увидеть Ленина» (глава 23). Как прояснится ниже, Ленин здесь и в других текстах Проханова – не политическая фигура, ответственная за русскую трагедию XX века, а нечто принципиально иное, другой знак, изъятый из политической истории. Проханов далек от пафосного прославления «отца русской революции», но специальный критицизм по отношению к образу Ленина тоже отсутствует. По крайней мере, современные политики часто подлежат в романах Проханова демонизации, обостренной мифологизации в темных, несомненно, мрачных контекстах. К Ленину это мифологизирующее действие, превращающее известное имя в негативно-гротескный знак, отношения не имеет.

И в этой сцене, избранной нами для детального рассмотрения, в центре оказывается не действие, а речь. В секретной лаборатории, обслуживающей Мавзолей, Белосельцева встречает его знакомый – биохимик, занимающийся бальзамированием. Его прозвище, вполне соответствующее деятельности, – «Доктор мертвых». Именно он оказывается протагонистом «идеи Мавзолея», основное слово в главе 23 принадлежит ему. Белосельцев – в роли активного слушателя, которому надлежит сделать соответствующие выводы, разрешить свои накопившиеся за месяцы борьбы сомнения. Контекст разговора актуализирует гамлетовскую тему: повсюду заспиртованные человеческие органы, черепа, безмолвно говорящие о

бренности земного существования. Но дело в том, что, по мнению Доктора мертвых, само присутствие забальзамированного Ленина представляет собой необходимый и достойный ответ черепа, цинично указывающим на непобедимость и необратимость смерти. В речи биохимика – важная для Проханова идея воскрешения и определенный исход из исторического мира, который связан с идеей воскрешения и бессмертия. Доктор мертвых предельно эмоционально рассуждает о «гене коммунизма», который оценивается не в социально-политическом контексте, а в контексте борьбы за вечную жизнь. Заметим, что здесь вечная жизнь – не дар Бога, а исключительное завоевание человека, который в своей земной истории должен творчески обрести бессмертие. Бессмертие никогда не придет, если человек будет лишь пассивно ждать его, уповая на дар свыше. «Красный смысл», о котором говорит товарищ Белосельцева, лишен оппозиционного, привычного для читателя контекста («красные» – «белые»). «Красный смысл» ... состоит в одном-единственном – в преодолении смерти», – утверждает Доктор мертвых. Он вспоминает о египтянах, об их Осирисе, о пантеистах Индии, об Иисусе Христе, о Николае Федорове, о Циолковском. Все они были «красными». Как и Ленин, как Зоя Космодемьянская, как двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев, ожидающих воскресения. Смысл русской революции герой Проханова находит в постановке всечеловеческой сверхзадачи, в «великом русском проекте преодоления смерти». Ленин предстает уже не конкретным человеком, а явлением, имеющим отношение к самым сокровенным процессам – не столько земной, сколько метафизической истории: «Ленин не умирал ... В роковые минуты он являлся в мир и спасал человечество от гибели... Он подарил людям первую азбуку и численный ряд. Индусы утверждают, что в одном из своих воплощений Ленин был Христом и продлил существование гбнущего человечества еще на две тысячи лет. Сейчас Ленин ожидает момента, чтобы вернуться в свое прежнее тело и явиться миру во Втором Пришествии» [2, с. 453].

Далее Доктор мертвых сообщает, что ему дано общаться с Лениным, слышать от него об «Атлантиде и Александрийской библиотеке». На первый взгляд, герой – в очевидном и бесспорном безумии. Признаки безумия есть, но это скорее «сумасшествие», вызванное характером трагического времени, а не клиническая ситуация, полностью обесценивающая слова биохимика. Вряд ли Проханов полностью согласен с оценкой Ленина-Христа, но ему безусловно импонирует защита «красного смысла». Повествователь подчеркивает, что Доктор мертвых, как и сам Белосельцев, «одинокий жрец, охраняющий обезлюдевшую Вселенную, отбивающий нападение жестоких захватчиков» [2, с. 450]. Присутствие Ленина в Мавзолее притягивает «врагов», и вновь в романе возможный исторический конфликт оказывается формой борьбы, выходящей далеко за пределы политических контекстов. Доктор мертвых, собирающийся овладеть тайной

воскрешения, – защитник «красного смысла» от Центра стратегического управления историей, стремящегося уничтожить и забальзамированного Ленина, и саму Россию. «Те, кто охотятся за мной, хотят похитить тело Ленина, уничтожить «красный ген», не допустить возрождения СССР, – они посланцы «черной дыры», выходцы из антимира... Большевики несли в себе мистику «красного смысла», которая потом иссякла и выветрилась из народа, но сохранилась в каменном чертоге мавзолея, в хрустальном гробу, где спит великий пророк, ожидая звука трубы архангела, возвещающего конец старого мира и воскрешение из мертвых. Агенты антимира, посланцы «черной дыры», хотят помешать русскому воскрешению», – вещает Доктор мертвых [2, с. 451-452].

Финал сцены отличается амбивалентностью. С одной стороны, звучит пророчество Доктора, отличающееся религиозным оптимизмом: «Воскрешение Ленина случится весной, в России, на православную пасху, или на Первое мая, или в День Победы... Выйдут из кремлевских стен воскрешенные летчики, космонавты, герои. По всей земле из гробов подымутся миллиарды оживших людей. Совершится вселенское чудо воскрешения. В нашу жизнь вернется «красный смысл», и будет восстановлен Советский Союз!» [2, с. 454]. С другой стороны, Белосельцев, увидев Ленина, начинает думать о смерти, а не о воскресении. Его паломничество к «красным мощам» успокоения не приносит, оно «оканчивается унылой грустью и большим разочарованием» [2, с. 463].

Итак, предпринятый нами детальный анализ ключевых сцен дает представление об авторской историософии и поэтике ее выражения. Общехристианский архетип «жертвы-смерти-воскресения» призван подчеркнуть мистический смысл воссозданных событий: за фабулой, вызывающей у читателя вполне конкретные ассоциации, располагается образ эпической битвы между добром и злом, светом и тьмой. Поэтика гротеска, гиперболизации, деперсонификации призвана подчеркнуть, что русская история – поле несомненной борьбы с демоническими силами, с которыми диалог вряд ли возможен.

Список литературы

1. Вяльцев А. Безусный бронепоезд борьбы // Дружба народов. – 2002. – № 7. – [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2002/7/valcev-pr.html>.
2. Проханов А.А. Господин Гексоген. – М., 2007.
3. Ремизова М. Гексоген + пиар = осетрина // Новый мир. – 2002. – № 10. – [Электронный ресурс]: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/10/rimiz-pr.html.
4. Чепелев В. Каждый охотник желает знать, где сидит фазан // Урал. – 2002. – № 12. – [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/ural/2002/12/che-pr.html>.

**Античный миф и реалистичная готика в романе
Ф. Хиггинс «Черная книга секретов»**

В статье рассматривается жанровая природа романа Ф. Хиггинс «Черная книга секретов». Отмечено влияние английского готического романа и сентиментального романа Диккенса на архитектуру произведения. В повествование введена античная мифология, позволяющая рассматривать готическую фабулу сквозь призму трансформированных античных представлений о жизни и смерти.

The article discusses the nature of the genre of the novel by F. Higgins "Black Book of Secrets." It shows the influence of the English gothic novel and the sentimental novel by Dickens on the novel structure. The antique mythologem is introduced into the narration allowing to consider the gothic fable transformed through the prism of ancient ideas about Life and Death.

Ключевые слова: готический роман, метафора, античный миф, сюжетная линия, реминисценция, аллегорический смысл, традиционная романная форма, типология.

Key words: gothic novel, metaphor, antique myth, story line, reminiscence, allegoric meaning, traditional novel form, typology.

Смена эпох всегда влечет за собой ломку стереотипов, способствует тяготению к таинственному, непознанному, мистическому. Во многих художественных произведениях конца XX и начала XXI века, так или иначе, отчетливы тенденции «черного» готического искусства. Среди литературных произведений, ставших его классикой, выделяются «Замок Отранто» (1764) Г. Уолпола, «Ватек» У. Бекфорда (1782), «Удольфские тайны» А. Рэдклиф (1794), «Монах» М. Г. Льюиса (1794), «Франкенштейн, или Новый Прометей» М. Шелли (1818), «Мельмот-скиталец» Ч. Р. Мэтьюрина (1820) в Англии, «Влюбленный дьявол» Ж. Казота (1772) во Франции.

Художники и писатели нового времени вновь переосмысливают классические мрачные сюжеты, а также предлагают собственные. Одним из таких романов, написанных в начале нового века, является «Черная книга секретов» Ф. Хиггинс (2007). Это история о загадочном ростовщике Джо Заббиду, принимающем в качестве залога секреты людей. Помогает ему некогда уличный воришка Ладлоу Хоркинс, которому удается избежать участи жертвы зубодера, желающего заполучить для продажи зубы мальчишки. Хоркинс становится писцом и личным помощником ростовщика, ведущим книгу секретов. Заббиду принимает в заклад секреты жителей деревушки Пагус-Парвус и, освобождая их от ноши тайны, возвращает каждому спокойный сон.

В романе Хиггинс есть практически все «готические» детали, присущие «черным» романам. Как правило, сюжет готического романа строится вокруг тайны, а на героях лежит печать рока или демонизма. Основной темой становится изображение зла, сверхъестественного и мрачного, однако автор «Черной книги» несколько отходит от традиционной романной формы и обращается к синтезу раннего и позднего готического романа. Для первого было характерно наличие среди центральных персонажей девушки, воплощенной добродетели, которая, пройдя через многочисленные испытания, получает заслуженное счастье. Для второго – наличие злодея как двигателя сюжета. В поздних готических романах отрицательный герой проявляет всю полноту своей власти, и внимание читателя сосредоточивается на нем.

В «Черной книге» вместо добродетельной девушки показан маленький мальчик, который с раннего детства сталкивается с лишениями, жестоко разочаровывается в родительской любви, но, пройдя сквозь муки, находит мудрого покровителя и получает обеспеченную жизнь. Многочисленные второстепенные герои, жители деревушки, после гибели злодея также возвращаются к размеренной жизни. Роман полон тайн. Секреты и недомолвки связывают практически всех героев «Черной книги». Загадочен ростовщик Амбарт Джеллико с Закладной улицы, мистичен новый покровитель Ладлоу Джо Заббиду – странствующий ростовщик, принимающий в заклад чужие секреты и щедро расплачивающийся за них, таинственны жители деревни Пагус-Парвус, приходящие в полночь к Заббиду, а также его черная книга и лягушка, сидящая в банке.

В романе несколько сюжетных линий. Рассказ ведется от имени оборвыша Ладлоу Хоркинса, которого родители принуждали к воровству, и прерывается историями клиентов Заббиду из «Черной книги». Главным злодеем романа является Иеремия Гадсон, который благодаря шантажу удерживает власть над всеми жителями деревни. Каждый из них связан тайной с Гадсоном, и в обмен на молчание Гадсон постоянно вымогает деньги, являясь фактически правителем деревни. Ненависть жителей сильна, но страх, отчаяние и отсутствие денег не позволяют им выбраться из кабалы.

Готический роман невозможен без замка с подземельем, заросшим паутиной, с лабиринтами лестниц, потайными дверями и выходами – все они играют основную сюжетобразующую роль. Большое значение отводится обстановке, где разворачиваются события. Мощным суггестирующим средством повествования является описание замка, за которым закреплен устойчивый метафорический смысл. Замок является символом зла, преступлений и всевозможных грехов его владельцев. В «Черной книге» автор переосмысляет эту главную составляющую готического романа. У Ф. Хиггинс «готической параферналей» [1, с. 394] становятся сразу несколько мест: дом Иеремии Гадсона, лавка ростовщика, а также Зал тайн.

Особняк Гадсона ненавистен практически каждому жителю деревни. Дом и его владелец показаны контрастно: Иеремия – коротышка, который носит цилиндр, дабы казаться значительнее, а его особняк – самое большое здание в городе. Дом дельца набит вещами, которые Иеремия, как правило, либо отбирал у зависимых от него людей в качестве расплаты, либо покупал потому, что вещь считалась модной и шикарной. Узнав о смерти Гадсона, обитель ужаса безжалостно грабят жители. Одержимые желанием забрать свои вещи или просто нажиться, они врываются в дом, как это делал некогда его прежний хозяин. В особняке Гадсона нет подземелий и призраков, но именно в нем он замышляет свои самые зловещие планы и набивает комнаты добром, ему не принадлежащим.

Иное значение заключают в себе лавка ростовщика и Зал тайн. Один из выдающихся российских исследователей готического романа В.Э. Вациуро говорит о пространственной локализации и функциональной неравнозначности «верха» и «низа» замка: ««Верх» замка является пространственным аналогом «низа». И тот, и другой – площадка для перемещения героя, своего рода лабиринт, оканчивающийся «таинственной комнатой». Но если «внизу» происходит разгадка тайны, наверху она завязывается» [2, с. 187]. Лавка ростовщика и Зал тайн, несмотря на их удаленность друг от друга, представляют собой одно целое, «верх» и «низ». «Наверху», в лавке, происходит завязка тайны. Витрина обители Джо Заббиду завалена всевозможным хламом, комната скудно обставлена только самой необходимой мебелью. Жители деревни не могут понять, зачем ростовщику яркая лягушка, откуда у ее владельца большие деньги и почему он щедро платит за секреты, рассказанные по ночам и записанные в большую черную книгу, тщательно скрываемую от посторонних глаз. «Внизу», в Зале тайн, читатель частично находит ответы на свои вопросы. Огромный подземный зал с колоннами и искусно выложенным мозаичным полом представляет собой книгохранилище, в котором рядами стоят черные фолианты с историями со всего света. Он становится местом для посвящения Ладлоу в ранг собирателя тайн. Именно сюда отлучался ростовщик из лавки, чтобы проверить свои владения и принести очередную книгу. Здесь Хоркинс встречает своего первого благодетеля, который служит в Зале тайн хранителем.

Особое значение в романе приобретает метафора секрета. Секретами связаны герои, тайны определяют их поступки, но после прочтения романа читатель не узнает главную тайну: кто такой ростовщик Заббиду, откуда у него деньги и вообще зачем ростовщикам собирать секреты. В романе нет призраков и подземелий, эти готические элементы переосмысляются автором и компенсируются атмосферой страха. Герои Ф. Хиггинс переживают страх внезапного разоблачения, однако все свои тайны они открывают Заббиду сами: герои стали жертвами собственных слабостей, которыми и воспользовался Гадсон. На страницах романа часто встречаются такие

слова, как «страх», «холод», «рок», «предчувствие», «ощепенение», что способствует восприятию текста романа как готического. «Черная книга» примечательна не только тем, что входит в типологический ряд готических романов, но и тем, что автор вводит в повествование мифологему подземного царства, что, безусловно, сказывается на архитектонике произведения. Центральными персонажами романного «подземного царства» являются ростовщики Амбарт Джеллико – Хранитель (Custos), Джо Заббиду – Аид и маленький оборвыш Хоркинс, которому еще предстоит выбор своего пути. Образ Аида в романе претерпел значительные изменения. Ф. Хиггинс обращает внимание читателя на качества подземного властителя, которые крайне редко упоминаются в литературе, – гостеприимство и щедрость. Аид был столь гостеприимен, что не выпускал ни одну душу из своих владений. Подобно мрачному царю, Джо Заббиду с учтивым спокойствием выслушивает по ночам секреты жителей и скоро не оказывается ни одного человека, у кого бы ни оказалось страшной тайны, не дающей ему покоя. За каждый секрет клиент получает от ростовщика изрядную сумму, позволяющую ему расплатиться с долгами и вернуться к спокойной жизни. Следует отметить, что греки, боявшиеся и уважающие Аида, не считали его злым и не видели в нем сатанинских черт. Так и ростовщик, появившийся в деревне, сразу вызывает в людях благоговейный трепет и даже восхищение.

Сама картина «царства» также подвергается трансформации. Автор выводит его внешние границы к деревушке Пагус-Парвус, вечно затянутой тяжелыми тучами и не знающей лучей яркого солнца, а сердцем «царства» делает хранилище. Жители деревни подобны грешникам подземного царства, которые мучаются в чистилище за свои грехи, и не знают покоя по ночам. Процесс рассказа секрета ростовщику – это своеобразное отпущение грехов. Люди идут к нему с наступлением полночи и, отведав странного напитка, расстаются с мучающими их тайнами. Этот напиток, как вода из подземной реки Леты, дает жителям забвение и умиротворение. Теперь они могут направиться в «элизиум» – к жизни без тяжкой ноши тайны. Отныне к ним возвращается здоровый сон, а все истории навсегда остаются в черной книге.

Романный Аид обитает в своей лавке. Пародийно представлен «Цербер» Аида. Охраняет лавку ростовщика и его книгу секретов безмолвная Салюки – ядовитая тропическая лягушка, сидящая в стеклянной банке. Горе тому, кто решит потрогать ярко окрашенную кожу Салюки. Иеремия Гадсон, посягнувший на книгу и движимый приступом жадности, решает украсть и лягушку, за что расплачивается мучительной смертью от ее яда. Если земное пребывание Аида ограничивается скудно обставленной лавкой, то настоящим его пристанищем, где он властвует безраздельно, является специальное хранилище, стены которого сплошь уставлены тысячами черных книг, содержащих заложенные секреты людей со всего света. Заб-

биду проводит Ладлоу к хранилищу через темный тоннель, наполненный стонами и тяжкими вздохами, подобно стенаниям умерших, оглашавших берега Коцита и Ахеронта. Тоннель соединяет земной мир и ведет в сердце «царства» Заббиду-Аида в Atrium Arcanorum – Зал тайн. Хранитель Зала Амбарт Джеллико, который раньше помогал Ладлоу, чем мог, содержит книги в идеальном порядке. В нем угадываются черты паромщика Харона, который принимает судьбы людей, изложенные в черных книгах, с тем, чтобы они навсегда заняли свои места на полках.

Вход в хранилище выложен мозаикой с аллегорическим изображением судьбы человека – трех парок Ноны, Децимы и Морты или мойр: Клото, Лахесис и Атропос, управляющих жизнями людей. Им неподвластен и романский Аид – Заббиду, который не преминул сообщить об этом своему преемнику. Тем не менее, взгляды Заббиду на судьбу человека противоречивы. В них Ф. Хиггинс соединяет традиционное представление о роке, довлеющем над людьми, с одной стороны, и современные, с другой: говоря о своей подвластности паркам, Джо поучает Ладлоу и высказывает мнение о том, что человек сам хозяин своей судьбы, и вправе выбирать жизненный путь. Сам Хоркинс, очутившись в хранилище среди книг, приходит к выводу о том, что его благодетель – «орудие судьбы, Рока». Хиггинс использует метонимию. Заббиду является собирательным образом трех парок, ибо именно он способен изменить жизнь людей, с которыми имеет дело, помочь, или воздать по заслугам. Черная книга – это своеобразная аллегория человеческой жизни, которая находится в руках Джо, и в его власти решить, что будет с тем или иным человеком, однако пользуется он своими возможностями крайне разумно, не нарушая равновесия между добром и злом.

Хиггинс в романе трансформирует античный миф о подземном царстве и рассматривает его с точки зрения христианской морали человека, которому приходится уповать на Всевышнего и терпеливо ждать, когда сложная ситуация сама изменится в лучшую сторону. Миф в романе представляет собой отдельную самостоятельную структуру и позволяет рассматривать готическую фабулу сквозь призму трансформированных античных представлений о жизни и смерти.

В эстетике готического романа центральное место занимает объяснение сверхъестественного. Однако Ф. Хиггинс не всегда следует этому принципу: остается тайной личность ростовщика, неясна природа стонов в подземном тоннеле, непонятно, почему Заббиду хранит у себя деревянную ногу. Тем не менее, конструкция готического романа не нарушается. Ссылаясь на Г. Цахариаса-Лангханса [4, с. 48], В. Вацуро отмечает, что, «в отличие от «загадки», «тайна» в принципе не поддается полной дешифровке, не может быть разгадана до конца, ибо содержит в себе нечто от сверхъестественного, мистического, непознаваемого – или, во всяком случае, пола-

гает себя таковой» [2, с. 181]. Писательница предлагает читателю самому попытаться найти ответы на интересующие его вопросы.

Жанровая природа романа «Черная книга секретов» непроста: готический роман с его основными составляющими смыкается с повествованием, где множество загадочных фактов, а также с вполне реальным рассказом о трудной жизни маленького ребенка. Таким образом, «готика» в произведении приобретает реалистичный характер, что роднит «Черную книгу» с романами Диккенса. С диккенсовской журналистской точностью даются описания трущоб Города, его жителей, погрязших в нищете, пьянстве и воровстве; детально описывается глухая деревушка, куда приезжает Ладлоу, задавленные деспотизмом местного дельца и доведенные до отчаяния бедняки.

В романе есть и типичные герои, и типичные обстоятельства. Подиккенсовски типичен главный герой романа городской заморыш Ладлоу Хоркинс. С раннего детства родители его постоянно били и заставляли воровать, позже решили продать зубодеру его зубы и устроили охоту на собственного сына. Единственный человек, относящийся к нему с теплотой, – ростовщик Джеллико с Закладной улицы, выучивший его писать. Убегая от гонящихся за ним родителей, Хоркинс оказывается в деревне, где встречает своего второго благодетеля, который изменяет его жизнь. У многих героев Хиггинс диккенсовские говорящие фамилии, подчеркивающие их типичность и связь, существующую между человеком и его занятием: зубодер Флюс, мясник Ливер, булочник Корк, торговка книгами миссис Лист, доктор Моргс. Типичны обстоятельства, в которых они оказываются. Изо дня в день они выполняют тяжелую физическую работу и платят дань человеку, от которого зависят.

Готическая проблема добра и зла в романе «Черная книга секретов» также претерпевает метаморфозы и представляет собой синтез готики и реализма. Зло по-готически наказано, а Добро представлено сквозь призму диккенсовского восприятия. Образ главного злодея романа также показан сквозь призму реализма. Это не призрак, а реальный тиран с возведенной в абсолют жадной денег. Зло реально, и от него страдают реальные люди. Провидение всесильно – Гадсон мучительно умирает и попадает на стол анатомического театра, куда совсем недавно сам поставлял свежие трупы, заставляя сельского могильщика по ночам заниматься гробокопательством. По иронии у низкорослого Гадсона крошечным оказывается и сердце, которое не знало милосердия. Похороны местного дельца превратились в настоящий праздник и ликование, а могильщик от радости выкопал могилу глубже на три фута.

Подобно тому, как в романах Диккенса «носителями добра могут быть самые разные люди, вне зависимости от их социального положения» [2, с. 9], в романе Хиггинс таким человеком оказывается представитель профессии, презираемой множеством людей. Джо не наживается на люд-

ском несчастье, а, наоборот, щедро им платит. Кроме того, ему не чужды порядочность и моральные ценности. Получение заслуженного счастья готично-реалистично. С одной стороны, новая жизнь дается герою Ладлоу Хоркинсу за пережитые тяготы и лишения, с другой стороны, он не получает просто так новую жизнь. Ладлоу вполне реально «зарабатывает» свое счастье, оно не дается ему за добродетельное сердце. Герой прислушивается к голосу совести и осознанно побеждает в себе тягу к воровству, понимая заботу и доверие своего благодетеля.

Один из основоположников жанра готического романа Г. Уолпол сформулировал его основные принципы: «соединение «средневекового» и «современного» повествования, фантастических вымыслов первого и правдоподобия второго; правдоподобия характеров и поведения в «необычайных обстоятельствах»» [3, с. 125]. Все это удалось реализовать Ф. Хиггинс в «Черной книге секретов», которая достигла своеобразного литературного «компромисса». В эстетике Просвещения готическое (средневековое) искусство рассматривалось как «варварское», созданное готами, поправшими прекрасную античную культуру и классическое искусство, считавшиеся эталонными. Несомненно, Ф. Хиггинс стала продолжательницей традиций английского «черного» романа и вместе с тем расширила рамки романной формы, гармонично вплетя в сюжетную канву мифологические реминисценции и добавив реалистичные краски.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234-407.
2. Вацуро В. Э. Готический роман в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2002.
3. Гениева Е. Ю. Диккенс // История всемирной литературы. – М., 1989. – Т. 1. – С. 120 - 130.
4. Zacharias-Langhans G. Der unheimliche Roman um 1800. – Bonn, 1968.

Проблема идентичности в романе Г. Стайн «Ида»

В статье исследуется проблема идентичности в романе американской модернистки Гертруды Стайн «Ида». В работе анализируются способы деконструкции романа воспитания с концептуальным для него образом становящегося героя. Автор показывает, как на поэтологическом уровне неизменность «целостности» существования, понимаемая Г. Стайн как истинная основа жизни, конструируется через антиномичную поэтику анти-Bildungsroman, ориентированную на «перевёртывание» основных топосов романа воспитания.

The article examines Gertrude Stein's concept of identity in her novel «*Ida*». It explores how the writer deconstructs Bildungsroman with its central motif of a character's growth, education, and development. Interpreting G. Stein's «*Ida*» as anti-Bildungsroman the paper prompts reflections on the writer's concept of an autonomous unchanged core at the center of human existence, realized with the help of the novel's antinomic poetics.

Ключевые слова: Г. Стайн, идентичность, деконструкция романа воспитания, статичный герой.

Key words: G.Stein, identity, deconstruction of Bildungsroman, static character.

Мнимость и иллюзорность единства личности как новая точка зрения на человека в XX веке, противостоящая позитивистским представлениям о стабильности идентичности, обуславливает новые способы художественной рефлексии проблемы идентичности. Проблематизация феномена сознания неизбежно ведёт к проблематизации самого понятия «я», которое начиная с «*cogito ergo sum*» Декарта неизменно определяется через сознание. Чрезвычайно актуальный в литературе XX века мотив утраты идентичности и поисков человеком самого себя связан с глубокой литературной традицией, на формирование которой оказали значительное влияние психологические, философские и социологические концепции идентичности У. Джеймса, З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма, Дж. Г. Мида. Начиная с романтиков, традиционные представления о человеческой идентичности продолжают дестабилизироваться в эпоху модернизма. Показательны в этом контексте романы «Улисс» Дж. Джойса, «Человек без свойств» Р. Музиля, «Степной волк» Г. Гессе, «Орландо» В. Вулф, «Тошнота» Ж.-П. Сартра, новелла «Превращение» Ф. Кафки. Этот достаточно произвольный ряд можно продолжить множеством примеров.

Ключевая тема романа «Ида: роман» (*Ida: A Novel*), над которым Гертруда Стайн работала в период 1937-1940 годов, – тема человеческой идентичности, фонетически ощутимая даже в названии произведения (ср. *Ida – identity*) [9]. В 1930-40 годах проблема идентичности в творчестве

Г. Стайн приобретает особую актуальность в связи с обращением писательницы к автобиографическому нарративу («Автобиографии Алисы Б. Токлас» (1933), «Всеобщая автобиография» (1937), мемуары «Париж. Франция» (1940).

Авторское понимание идентичности, реализованное в романе, анализировалось исследователями в свете разных перспектив. Стайноведами феминистского направления «Ида» рассматривается как роман с лесбийским подтекстом, через призму которого конструируется концепция женской идентичности и, в частности, идентичность самой Г. Стайн [7, с. 97]. Х. Скотт Чессман определяет роман как самое очевидное по своей феминистской сути произведение автора [6, с. 166]. Сравнивая его с романом «Портрет художника в юности», она отмечает, что у Дж. Джойса мужской голос окружает маленького героя, в то время как мать фиксируется в его детском сознании как бессловесная; у Г. Стайн словесная ткань подчёркнуто женская, на языковом уровне воплощающая телесную связь матери и ребёнка [6, с. 169]. По мнению Х. Скотт Чессман, в определённом смысле роман так и не «взрослеет», не «перерастает» этот детский протоязык. Она обращает внимание на то, что во многом этот женский язык напоминает знаменитый внутренний монолог Молли Блум, завершающий джойсовского «Улисса». Так, утверждающим междометием «yes», которое Дж. Джойс называл «женское слово», завершается и роман Г. Стайн, и финальный монолог Молли. Сравнивая эти два женских «yes» Молли и Иды, Х. Скотт Чессман приходит к выводу, что жизнелюбивое утверждение Молли выражает женскую податливость мужскому миру, стайновское же «yes», напротив, снимает эту уступчивость (why should she say yes) [6, с. 194].

Э. Берри видит в «Иде» роман воспитания (Bildungsroman), «пропущенный через мелодраматический фильтр». Исследовательница выделяет следующие признаки мелодрамы, показывая, как они проявляются в «Иде»: неестественность, наигранность, чрезмерность, эпизодичность, наивность восприятия (Ида постоянно сталкивается с «lots of funny things», которые пугают её или заставляют «feel funny»), сенсационность, мелодраматическая «смесь» тривиального и фантастического [2, с. 160-163]. Ф. Гигакс рассматривает «Иду» как анти-Bildungsroman на основании того, что здесь Г. Стайн изображает жизнь молодой девушки совсем иначе, чем это предписывает жанровая модель романа воспитания [3, с. 27]. Отметим, что термин «anti-Bildungsroman» весьма часто употребляется для идентификации целого ряда модернистских романов. Разочарование в идее прогресса воплотилось, в частности, в нестареющих героях и мотиве вечной молодости, типичном для эпохи модернизма. Существенно, что сама концепция романа воспитания опровергается в стайновском восклицании: «Нет никакого смысла быть маленьким мальчиком, если всё равно вырастешь во взрослого мужчину» (there is no use in being a little boy if you are going to grow up to be a man) [10, с. 371]. В «Иде» героиня не живёт в ли-

нейном времени; один день для неё не следует за другим (one day did not come after another day to Ida), поэтому она не меняется (she had always been the same; nothing could change Ida that was true) [9, с. 691,695]. При этом идентичность Иды постоянно размывается, ускользает, множится. Образ Иды и события её жизни создают неизменный вневременной орнамент, в то время как становящаяся идентичность героя романа воспитания ориентирована на линейное время и предполагает разницу между «раньше» и «теперь», «там» и «здесь». Идентичность Иды постоянно ускользает от читателя в силу принципиальной внеконтекстуальности героини, которая лишена чёткой локализации во времени и пространстве. И на сюжетном уровне вокруг неё как бы много пустоты; утрата родителей в детстве, пассивное времяпровождение без каких-либо занятий и целей (there was nothing to do), отсутствие постоянного дома и детей (it was natural to live anywhere), безразличие к родственникам (paid no attention to her grandfather), незаинтересованность в религиозных вопросах (she heard about religion but she never really did happen to have any) [9, с. 611, 614, 617]. Г. Стайн лишает свою героиню родственных связей, упраздняя любую линейность и последовательность. При этом Ида не оторвана от жизни, а, напротив, как бы максимально «слипается» с непосредственностью дорефлексивного бытия, перекликающегося с идеями У. Джеймса о «чистом» опыте сиюминутного настоящего [4, с. 43].

Действия и события в романе даны недифференцированно, без различения времени и пространственной определённости. У читателя действительно возникает ощущение, что на протяжении романа не «взрослеют» ни текст, ни Ида. Жизнь Иды и принцип порождения текста представляют собой какое-то «чистое» безотносительное движение без перемещения в пространстве. В этом контексте неожиданно появляющаяся фраза «Ida was getting older» кажется лишь каким-то пустым штампом, случайно появляющимся в тексте, ибо никакого старения и взросления читатель уловить не может. Прошлое дано ни как дистанцированное или реконструируемое памятью, а как симультанно пребывающее в одной плоскости с настоящим. Характерно, что в романе активно используются не устанавливающие временной последовательности формы прошедшего времени несовершенного вида, причастия настоящего времени и глагольные формы прошедшего времени, передающие значения процессуальности действия. Таким образом, создаётся особенный образ прошлого не как замкнутого и дистанцированного от настоящего, а как бы «склеенного» с настоящим на симультанной поверхности «длящегося настоящего» (термин Г. Стайн «*continuos present*»).

Для Г. Стайн идентичность – это подразумевающая темпоральность реконструкция своего «я», не совместимая с непосредственностью проживания, а потому идентичность, как и история, зависит от «публики» и, следовательно, не может быть истиной (identity is history and history is not true

because history is dependent upon an audience) [10, с. 426]. Согласно представлениям писательницы, парадоксальность идентичности заключается в том, что осознание себя неизбежно предполагает память, которая дистанцирует субъекта от непосредственного внерассудочного переживания своей самости. В «Автобиографии всякого» она пишет: «And identity is funny being yourself is funny as you are never yourself or yourself except as you remember yourself and then of course you do not believe yourself» [8, с. 70]. Таким образом, парадоксальность ощущения своей самости обусловлена тем, что как только человек вспоминает о своей идентичности и начинает осознавать её, он «дистанцируется» от себя, превращаясь в объект. Для писательницы истинное «чистое» проживание не совместимо с памятью, которая произвольно привносит в непосредственное переживание себя внеположные ему моменты. В этом контексте значимо утверждение, что Ида живёт там, где её нет (She lives where she is not), неожиданно перекликающееся с лакановским антикартезианским тезисом «Я мыслю там, где не существую; я, следовательно, существую там, где не мыслю», согласно которому самосознание является лишь иллюзией [1, с. 57].

Для понимания взгляда автора на проблему идентичности в романе весьма существенна оппозиция «entity» (целостности) и «identity» (идентичности), неоднократно акцентированная Г. Стайн в её произведениях. Целостность понимается писательницей как «вещь в себе». В своей автономности, непосредственности и внеконтекстуальности целостность в авторской парадигме подобна гению, шедевру, «длящемуся настоящему» (continuous present), человеческому сознанию. В то время как идентичность, предполагающая относительность, корреспондируется с памятью и человеческой природой (the master-piece has nothing to do with the human nature or with identity, it has to do with the human mind and the entity that is with a thing in itself and not in relation) [11, с. 358]. Идентичность – это признание, узнавание, припоминание, несовместимое с «чистым» проживанием, которое не знает глубины и опосредованности. Осознающая саму себя идентичность мыслится писательницей как «отчуждение» от непосредственности жизни, поиски которой во многом определили специфику модернистского художественного мышления. Стайновская «целостность» (entity) как немедиатизированная непосредственность бытия перекликается с идеями У. Джеймса о «чистом опыте» как «непосредственном потоке жизни», обеспечивающем «материал» для последующей мыслительной деятельности, в ходе которой осуществляется концептуализация и категоризация [4, с. 43]. Используя стайновскую систему понятий, Ф. Джигакс определяет образ Иды как «целостность в себе» (entity herself), которая, подобно шедевру, принадлежит всегда «здесь и сейчас» настоящему и не имеет начала и конца [3, с. 35]. Здесь следует подчеркнуть, что в XX веке непосредственность начинает осознаваться как важная категория, тесно связанная с проблемой сознания и самосознания. Модернистское миро-

ощущение, начиная с импрессионизма, во многом строится вокруг этой попытки ухватить непосредственность. Для Г. Стайн непосредственность предполагает автоматизм восприятия, то есть бессознательность, отсутствие рационально осмысляемого компонента. Это то, что мы делаем, не задумываясь, и тем самым не «отстраняясь» от бытия. Актуальное состояние неререфлексивно, ибо мы пребываем в нём, не осознавая своего проживания. Обретение рефлексивности оборачивается утратой непосредственного контакта с жизнью. Не случайно Ида в романе напоминает марионетку. Она двигается, словно её ведёт не зависящая от неё предопределённость. Характерно пристрастие Иды к заводным птицам, и не любовь к живым (*she liked mechanical birds but not natural birds*) [9, с. 673]. На протяжении всего романа упоминается, без какой-либо конкретики и детализации, что она ест, разговаривает, лежит, путешествует, садится, встаёт, уходит и возвращается, неожиданно выходит замуж и так же неожиданно разводится. Она совершает одни и те же действия, говорит одни и те же слова, а фрагментаризованный текст романа по аналогии с Идиным проживанием строится как своеобразная синхронистическая «мозаика», возникающая в результате «кружения» одинаковых слов, мотивов, образов.

В черновом варианте роман назывался «*Ida: a twin*», что подчёркивает тесную связь темы идентичности с мифологемой двойничества и близнецным мотивом. Открывается роман упоминанием о рождении Иды и сестры-близнеца, которая, однако, с самого начала онтологически не равна сестре. Фраза «итак, появилась она Ида-Ида» амбивалентна; удвоенное имя отсылает к образу близнецов, в то время как местоимение третьего лица единственного числа «*she*», напротив, конституирует сингулярность. Сестра-близнец Иды как бы «мерцает», то исчезая, то появляясь. Удваивается не только главная героиня Ида, но и другие персонажи, придавая роману ирреальную «зыбкость». Так, например, вопрошая о чуде, Ида видит двух маленьких собачек, чёрную и белую [9, с. 615]. Кузен её дяди полагает, что у него два сына, хотя сын у него только один [9, с. 632]. Даже в композиционном членении романа на первую и вторую часть (*First Half*, *Second Half*) угадывается эта двойственность. Этой двоящейся размытой идентичности соответствует сам стиль стайновского письма, с его ориентацией на повтор. Создаётся впечатление, что тема двойничества проводится и на уровне стиля. У самого текста словно есть двойник. Однако существенно, что свою особую поэтику повторов Г. Стайн определяла не через понятие «*repetition*», указывая на его несоответствие её художественному видению, а через концептуальное для неё слово «*insistence*», этимологически связанное с семантикой бездвижности (ср. протоиндоевропейский корень «*sta-*», стоять). Действительно, сама идея повторяемости предполагает определённую дистанцию между прецедентом и его воспроизведением, подразумевает их последовательность, а не симультанность, что противоречит стайновскому пониманию целостности.

Очевидно, что для писательницы «склеенность» шаблона, прецедента и его актуализаций, их недифференцированность в непосредственном срезе бытия проявляется и в феномене бессознательного выбора речевых жанров, которые не навязываются извне, а автоматически даются самой жизнью. В романе очень много фрагментов, напоминающих поговорки, реплики шаблонных диалогов, сновидческую образность, то есть выступающие в качестве вариантов модели автоматического текстопорождения. Так, в «Иде» явно выделяется фрагмент, в основе которого лежит игра с суеверием. Он «вмонтирован» в роман по принципу «текста в тексте» [9, с. 682-686]. Неожиданно среди реплик героев голос обретают «персонажи» суеверий: паук, приносящий радость или горе в зависимости от времени суток, кукушка, сулящая обогащение тем, кто услышит её по весне с деньгами в кармане, и бедность тем, у кого карманы окажутся пустыми; золотая рыбка и карлики. Эти «герои» суеверий ожесточённо спорят между собой, высказывая свои суждения относительно того, в какие суеверия стоит верить, а в какие – нет. Завершает спор монолог карликов, утверждающих, что они верят во всё – в язык цветов, счастливые камни, перья петуха, белых лошадей, рыжеволосых девиц, луну, собачий лай. Этот перечень суеверий завершается обобщением «All the world believes in everything and we do too and all the world believes in us and in you» [9, с. 686]. Таким образом, наше непосредственное внерациональное бытие обусловлено «верой», которая для Г. Стайн связана с предопределённостью нашего поведения стереотипами и привычками, лежащими в основе безличного автоматического проживания. По определению У. Джеймса, суеверия и сны принадлежат к нерациональным операциям, функционирующим на бессознательном уровне и связанным с моторным и сенсорным автоматизмом [5, с. 417]. В контексте воззрений Г. Стайн суеверие как «истинное» противопоставляется «ложности» идентичности (*superstition is true while identity is history and history is not true*) [10, с. 426]. Если идентичность и история, согласно концепции писательницы, неизбежно предполагают линейную темпоральность, где прошлое диахронически подготавливает настоящее и будущее, то такие примитивные коллективные верования, как суеверия основываются на бессознательном автоматическом «склеивании» актуального настоящего и некой неизменной универсальной схемы, в результате чего прецедент и настоящее отождествляются в «длящемся настоящем». В «Автобиографии всякого» Г. Стайн размышляет о суевериях, соотнося их с вечной неизменностью, ибо в суевериях то, «что было, продолжает длиться» (*superstition means that what has been is going on*) [8, с. 116].

Таким образом, Г. Стайн деконструирует сам жанр романа воспитания с концептуальным для него образом становящейся идентичности героя, вскрывая иллюзорность традиционного представления об идентичности и подчёркнуто устраняя линейное время. В «Иде» она даёт плоскостную

«обездвиженную» версию пребывания человека на «поверхности» бытия. На поэтологическом уровне неизменность «целостности» существования, понимаемая как истинная основа изменчивых явлений, конструируется через антиномичную поэтику анти-Bildungsroman, ориентированную на «перевёртывание» основных топосов романа воспитания.

Список литературы

1. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. – М.: Русское феноменологическое общество; Логос, 1997.
2. Berry E.E. Curved thought and textual wandering: Gertrude Stein's postmodernism. – Ann Arbor: University of Michigan Press. 1992.
3. Gygas F. Gender and Genre in Gertrude Stein. – Connecticut: Greenwood Press, 1998.
4. James W. The Thing and its Relations // James W. Essays in Radical Empiricism. – New York: Cosimo Classics, 2008. – P. 43-57.
5. James W. The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature. – New York: Barnes & Noble Books. 2004.
6. Scott Chessman H. The public is Invited to Dance: Representation, the Body, and Dialogue in Gertrude Stein. – Stanford, California: Stanford University Press, 1989.
7. Secor C. Ida, a Great American Novel // Twentieth-Century Literature. – 1978. – No. 1. Issue 24 (Spring). – P. 96-107.
8. Stein G. Autobiography of Everybody. Reprint. – Cambridge, Mass: Exact Change, 1993.
9. Stein G. Ida // Stein G. Writings 1932-1946. – New York: Library of America, 1998. – P. 609-705.
10. Stein G. The Geographical History of America: The Relation of Human Nature to the Human Mind // Stein G. Writings 1932-1946. – New York: Library of America, 1998. – P. 365-489.
11. Stein G. What are master-pieces and why are there so few of them // Stein G. Writings 1932-1946. – New York: Library of America, 1998. – P. 355-363.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.161.1'373:81'374.4

С. А. Смирнова

Семантическая структура лексемы *святой* в исторических и современных толковых словарях русского языка

В толковых словарях лексема *святой* представлена как многозначная. Согласно историческим словарям, до XVIII века значения этого слова соотносились только со сферой религии. Лексико-семантические варианты данного слова, выявленные в современных толковых словарях, отражают религиозные знания о мироустройстве и об эстетически освоенной действительности.

The dictionaries consider lexeme *saint* as polysemous. Before the 18th century all the meanings of the word were covered by the religious sphere only. In the modern explanatory dictionaries, the meaning of the word reflects the religious knowledge about the universe and the reality of the human creative work.

Ключевые слова: слово (лексема), святой, исторические и современные словари, количественные и семантические изменения.

Key words: word (lexeme), saint, historical and modern explanatory dictionaries, quantitative and substantial changes.

Лексика религиозной сферы долгое время находилась вне зоны внимания лингвистов. В последние десятилетия в связи с изменениями в политической, социальной и культурной жизни России активизировался интерес к изучению этого класса слов, о чем свидетельствует значительное количество научных работ, в которых религиозно-церковные единицы изучаются в разных аспектах, в том числе и лексикографическом. Говоря о данном аспекте, мы имеем в виду, с одной стороны, исследования, в которых названные единицы рассматриваются с точки зрения их описания в словарях (О. П. Альдингер, С. В. Булавина, Р. И. Горюшина, О. А. Крылова, Ю. Н. Михайлова, Т. П. Рогожникова, Ю. Н. Слаутина, С. В. Феликсов и др.), с другой – лексикографические источники, посвященные этим единицам (словари П. А. Алексеева, Г. Дьяченко, Эрика Нюстрема, А. Г. Кравецкого, Г. Н. Склярёвской и др.). В настоящей статье предметом научного изыскания является лексема *святой*; задача статьи – рассмотреть объем и содержание данной лексемы, опираясь на исторические и современные толковые словари русского языка.

К исследованию привлечены два исторических лексикографических источника: «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и «Словарь русского языка XI – XVII вв.»¹, в которых лексема *святой* описывается как многозначная: у данной единицы отмечается 7 лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ) [11] или 10 ЛСВ [8]. Анализ словарных статей позволяет выявить в семантической структуре лексем *святой* следующие значения:

1. (1) ‘Всесовершенный, исполненный святости (о Боге)’: *Святой Дух, Святая Троица, Святый Боже, Отче святой, святые тайны* [8, с. 210; 11, III, с. 307];

2. (2) ‘обладающий святостью, чистый, непорочный, праведный’: *Святая Богородица, святая дева, святые бесплотные силы, святой Василий, святой отец Иоанн Златоуст* [8, с. 210; 11, III, с. 307];

3. (3) ‘в знач. сущ. святой, праведник, угодник Божий’: *святой, святая, иконы святых, умывать ноги святых* и др. [8, с. 210]; как подзначение ‘чистый, непорочный, праведный’ [11, III, с. 307];

4. (4) ‘священный (о предметах, относящихся к религии и богослужению, о святынях: реликвиях, предметах, постройках, местах)’: *святое масло, святой сосуд, святое блюдо, святой потир, святые книги, святые слова, святые двери, святые места, святая земля, святая гора, святая святых* и др. [8, с. 211; 11, III, с. 308];

5. (5) ‘посвященный в духовный сан или принявший монашество’: *святой владыко, святой патриарх, святой митрополит, святой монах* [8, с. 211; 11, III, с. 308];

(6) ‘ведущий к святости, освящающий’: *святое крещение* [11, III, 309];

(7) ‘освященный’: *святой хлеб, святые дары, святое тело* [11, III, с. 309];

(8) ‘относящийся к учению православной церкви’: *святая церковь, святой собор, святое правило* [11, III, с. 309];

6. (9) ‘основанный на правилах веры; обладающий священным авторитетом, освящающей силой (о христианских догматах, заповедях, о событиях религиозной истории и связанных с ними периодах, праздниках, обрядах и т.п.)’: *святая неделя, святой день, святой символ, святое правило* [8, с. 212];

7. (10) ‘в названиях церквей, монастырей, икон, церковных праздников’: *церковь Святой Богородицы, от пасхи до всех святых, святая пядница* и под. [11, III, с. 310]; как подзначение ‘святой, праведник, угодник Божий’ и ‘освященный, священный (посвященный Богу и освящен-

---

¹ В статье не представлены данные «Словаря древнерусского языка XI – XIV веков», т.к. работа над ним еще не завершена (изданы восемь томов, последний – на букву «П»).

ный – о святынях: реликвиях, предметах постройках, местах и т.п.)’ [8, с. 212];

8. (11) ‘православный, крещеный’: *святое людство* [8, с. 212];

9. (12) ‘чистый, свободный’ (от какого-либо порока): *свят от лжи* [8, с. 213];

10. (13) ‘связанный с Богом, божественный’: *святой свет* [8, с. 213];

11. (14) ‘связанный со святым, принадлежащий святому’: *святые мощи* [8, с. 213].

В исторических словарях русского языка тринадцать значений закрепились за словом *святой*, определяемым как имя прилагательное, и только одно значение соотносится с именем существительным; при этом указание на грамматическую принадлежность включено в толкование слова.

Сравнительный анализ словарных статей позволил выделить следующие значения, не отмеченные И. И. Срезневским: (1) ‘православный, крещеный’, (2) ‘связанный со святым, принадлежащий святому, святой’, (3) ‘связанный с Богом, божественный’, (4) ‘основанный на правилах веры; обладающий священным авторитетом, освящающей силой’, (5) ‘чистый, свободный’, (6) ‘в названиях церкви, монастырей, икон’; а также выявить дополнительные компоненты в двух толкованиях «Словаря русского языка XI – XVII вв.»: ‘святой (как имманентный признак Бога, небесных сил)’ и ‘посвященный в духовный сан или принявший монашество’.

Все ЛСВ слова *святой* соотносятся с одной логико-понятийной сферой – религиозной, компоненты которой могут быть дифференцированы и представлены в виде следующей семантической системы: источник святости – *Бог, Всевышний, Дух, Троица*; проводники святости – *Богородица, ангелы, апостолы, предтечи, пророки*; воплощение святости – освященные предметы, признаки, ритуалы – *церковь, жертвенник, трапеза, праздник, хлеб* и пр.; свидетельства святости – священные предметы – *Евангелие, книги, молитва* и пр.; путь, ведущий к святости – *крещение, путь* и под.; святые Божии – *святой муж, святой старец, святой человек*. Приведенная семантическая система предполагает наличие соотносимых смыслов и представляет собой иерархию, которая может быть обозначена как «Бог – человек» или как «небесная (торжествующая) Церковь – земная (воинствующая) Церковь»; при этом единственной и абсолютной вершиной данной иерархии, ядерным смыслом является Бог. Отметим, что выявленная нами система подтверждает выводы В. В. Колесова о прилагательном *святой*, сделанные им на основании анализа текстов Кирилла Туровского [4].

Таким образом, в сознании средневекового человека лексема *святой* связывалась с «вечной и всеобъемлющей реальностью» – Богом. Подобная точка зрения представлена в библейских энциклопедиях и словарях, например: «*Святой* (евр. кадош) в самом глубоком смысле есть Бог, как абсолютно отделенный от всякого греха, как делающий только добро и ненавидящий зло» [1, с. 395]. Думается, что и семантический инвариант

религионима *святой* может быть определен как ‘Всесовершенный, Бог’. В сочетании же с именами существительными это значение конкретизируется: *Святая Богородица (Дева)* – ‘имеющая непосредственное отношение к Богу’; *святой ангел, апостол, пророк* – ‘служащий Богу’; *святой монах, владыко* – ‘посвященный Богу, отмеченный Богом’; *святой муж, угодник, старец* – ‘уподобившийся Богу’; *святой свет* – ‘исходящий от Бога’; *святая гора, святая святых* – ‘связанная с Богом’ и т.п.

Современные толковые словари, привлеченные к исследованию, представлены двумя группами¹. Первую группу составляют словари советского периода, для которых характерна принадлежность к светскому дискурсу и адресованность массовому читателю с формирующимся атеистическим сознанием: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, «Словарь современного русского литературного языка» (БАС), «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС); вторую группу – словари постсоветского периода, также обслуживающие светский дискурс, однако ориентированные на адресата с формирующимся свободным отношением к религии: «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой, «Большой толковый словарь» под редакцией С. А. Кузнецова. Особое место в этой классификации занимает «Словарь православной церковной культуры» Н. Г. Складневской, так как отвечает «в равной мере потребностям и светского, и религиозного дискурсов», но ориентирован «на адресата с формирующимся православным сознанием» [5, с. 7].

В современных лексикографических источниках, как и в исторических словарях, слово *святой* отмечено в качестве имени существительного и имени прилагательного; при этом Т.Ф. Ефремова и Н.Г. Складневская *святой-существительное* и *святой-прилагательное* квалифицируют как омонимы.

Многозначное слово *святой* представлено разным количеством значений: 4 ЛСВ [6; 7], 5 ЛСВ [2], 7 ЛСВ [12], 8 ЛСВ [3; 9; 10]. Семантический анализ данных толковых словарей выявил следующее.

Во-первых, из 14 ЛСВ, ранее отмеченных в исторических лексикографических источниках, словари современного русского языка приводят только 6:

(1) ‘обладающий абсолютным (высшим) совершенством, чистотой и сверхъестественной силой, божественный; исполненный святости’: *Святой Дух, Святая Троица, святое семейство (Дева Мария, ее муж Иосиф и*

---

¹ В работе используется классификация толковых словарей, отражающих семантическую сферу «религиозное», по типу дискурса и образу адресата, представленная в диссертационном исследовании Ю. Н. Михайловой [5].

младенец Христос), *святая церковь*, *святыя тайны*, *святая вода* [2; 3; 7; 9; 10; 12];

1. (2) ‘праведный, непорочный, отвечающий религиозному идеалу’: *святая человек*, *святая монах* [9, IV, с. 59; 12, III, с. 164]; как подзначение ‘человек, посвятивший свою жизнь служению Богу и после смерти признанный церковью покровителем верующих’ [10, XVII, с. 468];

(3) ‘в знач. сущ. человек, посвятивший свою жизнь служению Богу и после смерти признанный церковью покровителем верующих’: *культ святых*, *святая апостол*, *святыя праведники*, *святыя угодники*, *святыя прототцы* [2; 3; 6; 9; 10; 12]; ‘наделенный божественной благодатью; являющийся источником божественной силы (обычно как эпитет)’ [7, с. 222].

(4) ‘свойственный, связанный с таким (святым) человеком’: *святыя мощи* [12, III, с. 164]; как подзначение ‘проведший свою жизнь в служении Богу и признанный церковью после смерти покровителем верующих’ [10, XVII, с. 468];

(5) ‘связанный с религиозным поклонением и церковными обрядами’: *святая икона*, *святое Писание*, *святая книга*, *святая крест*, *святая храм*, *святая церковь*, *святыя слова* и др. [2; 3; 12]; ‘освященный, священный; предназначенный для служения Богу’ [7, с. 222]; как подзначение ‘обладающий высшим совершенством и силой; божественный’ [9, IV, с. 59; 10, XVII, с. 468];

(6) ‘исходящий от Бога; связанный с Богом; близкий к Богу’: *святое Евангелие*, *святое Воскресение*, *святая крест* [7, с. 222].

Во-вторых, авторами словарей привлекаются к описанию и толкуются многие уже известные, сформировавшиеся ранее «составные наименования» – *Святая Дух*, *Святая Троица*, *святая церковь*, *святыя тайны*, *святая вода*, *святая монах*, *святая патриарх*, *святыя мощи*, *святая храм*, *святыя слова* и др., а также новые именованья – *святое семейство* (*Дева Мария*, *ее муж Иосиф* и *младенец Христос*), *святое Воскресение*, *святая крест*, *святая человек* и под.

В-третьих, для лексемы *святая* фиксируются новые значения, связанные с религиозно-церковной сферой и не отмеченные в исторических словарях:

(1) ‘иконы с изображением святых людей’: *сидеть под святыми* [12, III, с. 164];

(2) ‘наделенный божественной благодатью, являющийся источником божественной силы’: *святая вода*, *святыя дары*, *святая источник*, *святыя тайны* [6, с. 705; 12, III, с. 164]; как подзначение ‘обладающий высшим совершенством и сверхъестественной силой’ [2, с. 1164];

(3) ‘относящийся к Пасхе, имеющий место в Пасху, происходящий на Пасхе(-у)’: *святая кулич*, *святая Пасха*, *святая неделя* [3, II, с. 570; 10, XVII, с. 468].

В-четвертых, ни один из указанных источников не регистрирует значения: ‘ведущий к святости, освящающий’, ‘относящийся к учению православной церкви’, ‘основанный на правилах веры’, ‘православный, крещеный’, ‘в названиях церковей, монастырей, икон’, ‘чистый, свободный’ (от какого-либо порока), а также обозначение церковного чина; значения ‘связанный с Богом, божественный’ и ‘освященный, священный’ указаны лишь Н. Г. Складневской.

В-пятых, отмечается иная последовательность ЛСВ, например: (1) ‘обладающий высшим совершенством и сверхъестественной силой’; (2) ‘связанный с религиозным поклонением и церковными обрядами’; (3) ‘проведший жизнь в служении Богу и церкви ...’ [2, с. 1164].

В-шестых, на основе значения ‘обладающий абсолютным (высшим) совершенством, чистотой и сверхъестественной силой, божественный’ объединяются не только составные наименования *Святой Дух, Святая Троица*, но и *святое семейство (Дева Мария, ее муж Иосиф и младенец Христос)*, *святая церковь, святые тайны, святая вода*; на основе значения ‘человек, посвятивший свою жизнь служению Богу и после смерти признанный церковью покровителем верующих’ – *святые угодники*, а также *святой апостол, святые праведники, святые праотцы, культ святых* и т.д.

В-седьмых, значение ‘Всесовершенный, Бог’ не является основным (инвариантным) в двух современных словарях: в «Словаре современного русского литературного языка» и в Словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.

В-восьмых, авторами современных словарей отмечаются «светские» («профанные») значения, соотносимые с эстетически освоенной действительностью:

2. (1) ‘не виновный в чем-либо, перед кем-либо; безгрешный’: *Ковалев чист и свят* [9, IV, с. 60]; как подзначение ‘высоконравственный, безупречный в своей жизни и т.д.’ [10, XVII, с. 470];

(2) ‘высоконравственный, безупречный; безгрешный, непорочный’: *святая женщина, святая Татьяна, святая жизнь, святое терпение* [2; 3; 10]; как подзначение ‘праведный, угодный богу’ [9, IV, с. 60];

3. (3) ‘проникнутый высокими чувствами, возвышенный, идеальный’: *святая лира, святая чистота, святая любовь, святая женская душа* [6, с. 706; 12, III, с. 164] как подзначение ‘высоконравственный, безупречный в своей жизни и т.д.’ [10, XVII, с. 471];

(4) ‘истинный, величественный и исключительный по важности; почетный’: *святой долг, святая обязанность, святое дело* [6; 9, IV, с. 60]; как подзначение ‘проникнутый высокими чувствами, возвышенный, идеальный’ [12, III, с. 164];

4. (5) ‘благородный, освященный высокой целью, возвышенный’: *святой бой, святое чувство гуманизма* [9, IV, с. 59; 10, XVII, с. 470]; как

подзначение 'высоконравственный, безупречный в своей жизни и т.д.' [3, II, с. 570];

5. (6) 'глубоко чтимый; дорогой, заветный, любимый': *святая родина, святая вера, святая партия* [3, II, с. 570; 9, IV, с. 60; 10, XVII, с. 470]; как подзначение 'проникнутый высокими чувствами, возвышенный, идеальный' [12, III, с. 164];

(7) 'незыблемый, нерушимый': *святой закон* [3; 9; 10]; как подзначение 'проникнутый высокими чувствами, возвышенный, идеальный' [12, III, с. 165];

(8) 'совершенно необходимый, очень важный, высокий, почетный': *святая задача, святое дело* [3, II, с. 570; 10, XVII, с. 471]; как подзначение 'проникнутый высокими чувствами, возвышенный, идеальный' [12, III, с. 165];

(9) 'безусловный, полный': *святая правда* [9, IV, с. 60].

Следовательно, если в исторических словарях все ЛСВ соотносятся с религиозными понятиями, то в современных лексикографических источниках только 9 из них относятся к названной сфере.

В толковых словарях советского периода большинство значений слова *святой* сопровождается соответствующими пометами, например, в Словаре Д. Н. Ушакова три ЛСВ даются с пометой «религ.» (религиозное), два – с пометой «церк.» (церковное). В словарях постсоветского периода названные пометы используются редко, однако лексическое значение уточняется за счет включения в толкование маркера, указывающего на конфессиональную принадлежность: «в религиозных представлениях», «в христианстве и некоторых других религиях» и т.д. Названные маркеры отмечаются и в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова.

Ю. Н. Михайлова, сопоставляя толкования единиц религиозной сферы в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1953) и в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1997), отмечает особую роль маркеров. Для словарей советского периода, по ее мнению, характерны сложные образования «религиозно-мистический», «религиозно-мифический», «с помощью которых авторы словаря реализовывали идеологическое предписание: бороться с религиозным мировоззрением как ненаучным, нематериалистическим. В новейших словарях подобные квазисинонимические ряды отсутствуют. Из толкований исключаются все идеологические маркеры, связанные со смыслом 'вымышленный', остаются только маркеры *религиозный, в религии, в христианстве*, выступающие в функции регулярных культурологических сопроводителей. Разрушение квазисинонимических рядов в новейших словарях способствует восстановлению в общественном сознании правильных парадигматических отношений» [5, с. 14].

В некоторых словарях постсоветского периода значение слова *святой* обогащается имплицитно: дополнительные семантические признаки извлекаются из нетолковательной части словарной статьи. Во-первых, включается иллюстративный материал и комментарии к нему, несущие дополнительную, культурную информацию, например: «*Святая вода* (освященная церковью и способная снимать сглаз и другие недуги). *Святые дары* (белый хлебец-просфора и вино, хранящиеся в даровнице и используемые во время причастия как символ тела и крови Иисуса Христа). *Приобщиться, принять, причаститься Святых тайн* (обряд причащения)» [2, с. 1164]. Думается, что сведения энциклопедического характера, включающиеся в словарную статью, позволяют, в какой-то мере, восстановить утраченный когнитивный фон. Попутно заметим, что в подобных комментариях, по мнению современных исследователей и богословов, не нуждались носители русского языка конца XIX века. Во-вторых, включаются устойчивые выражения со словом *святой*, употребляемые в светском разговорном дискурсе, например: «*Хоть святых выноси* (разг.) – о невообразимом шуме, беспорядке. *Свято место пусто не бывает* (разг. ирон.) – всегда найдется тот, кто займет какое-нибудь освободившееся место, должность. *Свят – свят – свят!* (устар. разг.) – заклинание, ограждающее себя от чего-н. опасного, страшного. *Как Бог свят* (устар. разг.) – божба» [6, с. 706] и подобные.

Таким образом, в исторических и современных толковых словарях лексема *святой* описывается как многозначная; при этом она квалифицируется и как имя существительное и как имя прилагательное. Логический анализ материалов различных словарей выявил сложную семантическую структуру данного слова. Согласно лексикографическим источникам, до XVIII века слово *святой* всей совокупностью ЛСВ соотносилось только с религиозной сферой; структура данного слова может быть представлена в виде семантической системы: 1) источник святости; 2) проводники святости; 3) воплощение святости; 4) свидетельства святости; 5) путь, ведущий к святости; 6) святые Божии. Данная семантическая система может быть определена как иерархия «Бог – человек», единственной и абсолютной вершиной которой является Бог, Всевышний. ЛСВ указанного слова, выявленные в современных толковых словарях, отражают религиозные знания о мироустройстве и об эстетически освоенной действительности (см. «светские» значения) и не укладываются в представленную выше семантическую систему. Более того, идеалом воплощения святости является не только Бог, а и человек. Данные наблюдения, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что представление о «небесной (торжествующей) Церкви и земной (воинствующей) Церкви», которое сформировалось под влиянием древнейших традиций (в том числе языческих), христианства, теологического и философского осмысления феномена человека как «внешнего» (телесного) и «внутреннего» (духовного), в современных толковых словарях разрушается.

Список литературы

1. Библейский словарь / сост. Эрик Нюстрем. – СПб.: Логос; Лаге, 1995.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Русский дом, 2000.
4. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. – СПб.: Филологический фак-т Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2004. – Кн. 3. Бытие и быт.
5. Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2002.
7. Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб.: Наука, 2000.
8. Словарь русского языка XI – XVII веков / под ред. Г.А. Борисовой. – М.: Наука, 1998. – Вып. 23.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1988.
10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. А.М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. – М.-Л.: АН СССР, 1965.
11. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – М.: АН СССР, 1958.
12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече: Мир книги, 2001.

Парадигматические отношения в аббревиатурной лексике

В статье рассматриваются парадигматические отношения в аббревиатурном пространстве, а именно: иерархическая организация его элементов, основанная на родовидовых отношениях между лексемами в каждой из тематических групп, что позволило убедиться в продуктивности таких системных связей, как семантические отношения включения и соположения в аббронезологии современного русского языка последних лет.

The article deals with paradigmatic relations in the abbreviated space and in particular hierarchic organization of its elements based on genus-aspect relations between lexems in each of the thematic groups. It made us certain of productivity of such systematic links as semantic relations of inclusion and co-position in abbroneology of modern Russian.

Ключевые слова: аббревиация, аббронезология, парадигматические отношения, гипоним, гипероним, согипоним, родовидовые отношения.

Key words: abbreviation, abbroneology, genus-species relationships, hyperonim, hyponim, paradigmatic relations, co-hyponim.

Аббревиатурные неологизмы – это особая лексико-грамматическая категория слов, а именно существительные, появившиеся в результате разных видов сокращений словосочетаний, которые относятся и к конкретной (*агробанк, еврочек, интердевочка*) и к абстрактной группам лексики (АЯ – аномальное явление: *биополе, биоэнергия*). Такой широкий семантический спектр обусловил как проведение нами тематической стратификации аббронезологизмов, так и выявление у них родовидовых (гиперонимогипонимических или, шире, – общих и частных) отношений. В лингвистике, как известно, такие отношения носят название парасемических, то есть охватывающих логические отношения включения (гиперонимических) и пересечения (гипонимических).

Родовидовые и видо-видовые отношения являются, как известно, одними из основных парадигматических отношений в лексико-семантическом пространстве, элементы которых находятся в иерархических отношениях друг к другу.

Гипонимия как родовидовые отношения представляет собой включение семантически однородных единиц в соответствующий класс наименований. Слова, соответствующие видовым понятиям, выступают как гипонимы по отношению к слову, соотносящемуся с родовым понятием, – гиперониму, и как согипонимы по отношению друг к другу. Значение слов-гипонимов (видовых понятий) богаче признаками, чем значение сло-

ва-гиперонима (родового понятия). Семантическое отношение согипонимов – это отношение элементов одного класса; гипонимы включают в себя смысловое содержание гиперонима и противопоставляются друг другу соответствующими дифференциальными семами.

На основе гипонимии взаимосвязанные лексические единицы последовательно объединяются в тематические (или лексико-семантические) группы, что находит отражение в структуре идеографических или толковых словарей [2, с. 28]. А. А. Уфимцева, Ю. Д. Апресян, Ю. Н. Караулов, Л. А. Новиков считают гипонимию одним из основных видов системной организации лексики. Наличие гипонимии подтверждает «лингвистичность» тематических групп.

Следует подчеркнуть, что реальная сфера действий указанных отношений до настоящего времени не описана: неизвестно, можно ли каждой лексеме языка поставить в соответствие другую лексему более общего значения (родовой термин); а если это не так, то существуют ли какие-либо закономерности, определяющие способность лексем вступать в родо-видовые отношения. Толковые словари, в статьях которых в соответствии с лексикографической традицией лексемы должны в идеале получать толкование через родовой термин, также не дают представления о реально существующих в языке отношениях частного / общего. Та связь, которая устанавливается в словарной статье между лексемой и родовым термином, использованным в толковании, может принадлежать только метаязыку лексикографии, но не описываемому языку. Представляется необходимым поэтому для выявления собственно языковых отношений частного / общего (видового / родового), помимо логических, привлечь какие-либо формальные критерии.

Р. И. Розина [10, с. 102] провела тестирование, которое позволило выделить различные группы лексем с точки зрения их способности быть замещенными в связном тексте лексемами более общего значения – и, соответственно, с точки зрения их способности вступать в родо-видовые отношения. Сопоставление списков родовых терминов, полученных при тестировании, показывает, что более сильный тип связи характерен в большей степени для конкретных существительных, более слабый – для абстрактных существительных, однако жёсткого соответствия между типом связи видового и родового имени и принадлежностью существительного к классу конкретных или абстрактных имен нет.

Как было указано выше, аббронезологизмы включают как конкретные, так и абстрактные наименования, что определенным образом влияет на их способность быть замещенными лексемами более общего значения, т.е. вступать в родо-видовые отношения.

Для выявления отношений видового / родового (частного / общего) между лексемами в качестве диагностической конструкции Е. Л. Гинзбург и Г. Е. Крейндин [5, с. 24] предложили использовать конструкцию «х, у и

прочие (другие) z» и / или «автомобили, автобусы и другие виды транспорта». Однако, несмотря на ряд недочётов, мы воспользовались ею для тематической стратификации и определения родовидовых отношений у новых аббревиатур, что позволило выявить их системность в функциональном плане.

Выделенных согласно диагностической конструкции «x, y и другие z» тематических групп (ТГ) аббревиатурных неологизмов оказалось 17:

1. ТГ «Платежные средства» (конструкция «евровалюта, еврочек, корсчет и другие платежные средства») представляет собой ближайший гипероним для слов-гипонимов: *безнал, евровалюта, еврочек, корсчет, нал, СКВ (свободно конвертируемая валюта)* и другие. Данным гипонимам свойственны семантические отношения включения (родовой термин – видовой термин: платежное средство – *еврочек*), отношения соположения (соподчиненные видовые понятия, входящие в одно родовое: *еврочек – безнал – СКВ*, входящие в группу «платежные средства»).

2. ТГ «Банки» (конструкция «агробанк, Внешэкономбанк и другие банки») является ближайшим гиперонимом для следующих слов-гипонимов: *автобанк, агробанк, БАРС (Банк развития сельского хозяйства), ВБ (Всемирный банк), Внешторгбанк, Внешэкономбанк (вариант: ВЭБ), ЕБРР (Европейский банк реконструкции и развития), ЕИБ (Европейский инвестиционный банк), Избанк (Инвестиционный земельный банк), ИНКАбанк (Инвестиционный казачий банк), МАИБ (Московский акционерный инновационный банк), Монтажспец-банк, ЦБ (вариант: Центробанк – Центральный банк)* и другие. Им также свойственны семантические отношения включения (родовой термин – видовой термин): банки – *агробанк, банки – Внешторгбанк, банки – ЦБ* и т.д., отношения соположения: *агробанк – ЕБРР – Избанк – МАИБ – ЦБ*, при которых соподчиненные видовые понятия входят в одно родовое – *банки* и в одну ТГ с тем же названием.

3. ТГ «Наименования Советской России с негативным коннотатом» (конструкция «Абсурдистан, Совдепия и другие наименования») не является гиперонимом для слов, входящих в нее: *Абсурдистан* (окказ. о Советской России) и *Совдепия* (неодобр. *Советская страна*: вначале о Советской России, затем о Советском Союзе). Данные существительные вообще не способны к замещению, так как являются окказиональными и оценочными, а точнее, стилистически окрашенными наименованиями страны. Природа неспособности этих существительных вступать в родовидовые отношения, возможно, связана с отсутствием в значениях этих слов каких-либо признаков, относящихся к внутренней природе обозначаемого ими объекта.

4. ТГ «Суды» (конструкция «Верхсуд, Нарсуд, КС (Конституционный суд) и другие суды») является наиболее близким гиперонимом для слов-гипонимов: *Верхсуд, Нарсуд, КС* и др. Им свойственны семантические от-

ношения включения: *суды – Верхсуд, суды – Нарсуд, суды – КС* и отношения соположения: *Верхсуд – Нарсуд – КС*.

5. ТГ «Политические партии» (конструкция «СПС, КПРФ (Коммунистическая партия Российской Федерации), ЛДПР (Либерально-демократическая партия России) и другие политические партии») представляет собой наиболее близкий гипероним для следующих гипонимов: *деморосс(ы), демосоциалист(ы), демохристиане(ин), КПРФ, ЛДПР, СПС, ХДС* (Христианско-демократический союз (России)), *Яблоко* (название партии, составленное из первых букв фамилий ее лидеров: Явлинский, Болдырев, Лукин) и т.д. Данным гипонимам свойственны семантические отношения включения: политические партии – *ЛДПР*, политические партии – *Яблоко* и отношения соположения: *КПРФ – ЛДПР – ХДС – Яблоко*.

6. ТГ «Органы власти, союзы» (конструкция «Госдума, Европарламент и другие органы власти и союзы») является гиперонимом для гипонимов *Госдума, Европарламент* и других наименований. Семантические отношения включения свойственны указанным гипонимам: орган(ы) власти – *Госдума, Европарламент*. Семантические отношения соположения – тоже: *Госдума – Европарламент*.

7. ТГ «Налоговые органы» (конструкция «ГНИ (Государственная налоговая инспекция), ГНС (Государственная налоговая служба) и другие налоговые органы»); ближайший гипероним – *налоговые органы*; гипонимы: *ГНИ, ГНС* (вариант: *Госналогслужба*), *ДНП (Департамент налоговой полиции), НП (налоговая полиция), ФСНП (Федеральная служба налоговой полиции)*. Отношения включения: родовой термин *налоговые органы* – видовой термин *ГНИ*, родовой термин *налоговые органы* – видовой термин *ГНС*; отношения соположения (соподчиненные видовые понятия, входящие в одно родовое): *ГНИ – ГНС – ДНП – НП – ФСНП*.

8. ТГ «Средства массовой информации» (конструкция «АТВ (Авторское телевидение), ВГТРК (Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания) и другие средства массовой информации»); ближайший гипероним – *средства массовой информации*; гипонимы: *АиФ* (газета «Аргументы и факты»), *АТВ, Би-би-си* (варианты: Би-би-эс, Би-би-эска, англ. BBC – British Broadcasting Corporation – Британская радиовещательная корпорация; радиостанция этой корпорации), *ВГТРК, ВИД* (телекомпания «Взгляд и другие»), *Евровидение (Европейское телевидение), Интервидение (Интернациональное телевидение)*, кинообъединение *ОРТ (Общественное российское телевидение), РГТРК (Российская государственная телерадиокомпания), РИА (Российское информационное агентство), ЦОИ (Центр общественной информации), ЦСТ (цифровое спутниковое телевидение)*, в написании латиницей BBCnews (новости Би-би-си) и т.д.; отношения включения (родовой термин средства массовой информации – видовой термин *АТВ*); отношения соположения (соподчи-

ненные видовые понятия, входящие в одно родовое: *АиФ – АТВ – Би-биси – ВГТРК – Евровидение – Интервидение – ОРТ* и т.д.).

9. ТГ «Органы охраны правопорядка» (конструкция «АТЦ (антитеррористический центр (Федеральной службы безопасности)), ГБ (Государственная безопасность, вариант: Госбезопасность), УБЭП (Управление по борьбе с экономическими преступлениями и другие органы охраны правопорядка (Российская Федерация)»); самый близкий гипероним – органы охраны правопорядка; гипонимы: *АТЦ, АХО (административно-хозяйственная охрана), ГИБДД (Государственная инспекция безопасности дорожного движения), БПЛ («Безопасность предпринимательства и личности» (ассоциация)), ВОХР (военизированная охрана), ГБ, ГПЦО (головной пункт централизованной охраны), ГУО (Главное управление охраны Российской Федерации), ГУОП (Главное управление по борьбе с организованной преступностью), ГУЭП (Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями), МАБНН (Международная ассоциация по борьбе с наркоманией и наркобизнесом), МАК (Международная антитеррористическая коалиция), ОБПСЭ (отдел по борьбе с преступлениями в сфере экономики), ОБЭП (отдел по борьбе с экономическими преступлениями), ОВИР (Отдел виз и регистраций), ОВО (отдел вневедомственной охраны), ОМОН (отряд милиции особого назначения), ОООП (отдел охраны общественного порядка), ОПУС (особый порядок управления страной), РУОП (региональное управление по борьбе с организованной преступностью), СБП (Служба безопасности президента), УБЭП (Управление по борьбе с экономическими преступлениями), УНОН (Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков), УСБ (Управление собственной безопасности)* и другие; отношения включения: родовой термин *органы охраны правопорядка* – видовой термин *ВОХР*, родовой термин *органы охраны правопорядка* – видовой термин *УБЭП* и др.; отношения соположения: соподчиненные видовые понятия, входящие в одно родовое: *АТЦ – ВОХР – ГБ – ГУОП – ОМОН – УБЭП* и другие.

10. ТГ «Профессия, род занятий человека» (конструкция «биоэнергетик, интердевочка и другие профессии или род занятий»); ближайший гипероним – *профессия, род занятий*; гипонимы: *автогонщик, автолюбитель, биолокатор* (в 1 знач. «специалист по биолокации»), *биооператор, биоритмолог, биоэнергетик, биоэнерготерапевт, госслужащий, госчиновник, диджей* (вариант: *ди-джей*), *диработник(и), интердевочка, наркосепаратист(ы), политинформатор, порнопират(ы), сексот (секретный сотрудник), сельхозтоваропроизводители, тележурналист(ы)*. Указанным гипонимам свойственны семантические отношения включения: родовой термин *профессия, род занятий* – видовой термин *биоритмолог*, родовой термин *профессия, род занятий* – видовой термин *порнопираты* и т.д.; отношения соположения (при которых соподчиненные видовые понятия входят в одно родовое): *автогонщик – биолокатор –*

биооператор – биоритмолог – биоэнергетик – биоэнерготерапевт – госслужащий – интердевочка – наркосепаратист(ы) – порнопират(ы) и другие.

11. ТГ «Характеристика человека» (конструкция «*бомж, интердевочка* и другие характеристики человека»); самый близкий гипероним у данной группы – характеристика человека; гипонимы: *БОМЖ* и *бомж, ВИЧ-инфицированный, инородец, инопланетянин, интердевочка, политзаключенный* (варианты: *политзэк* и *политзек*), *психбольной, сексот, телебоец (окказ.), телезвезда, телепузик* (во 2-м знач. «человек, похожий на телепузиков по внешнему виду, поведению и т.д.»). Им свойственны отношения включения: родовой термин *характеристика человека* – видовой термин *бомж*, родовой термин *характеристика человека* – видовой термин *инопланетянин* и другие, а также отношения соположения: *бомж – ВИЧ-инфицированный – инородец – инопланетянин – интердевочка – политзаключенный – сексот – телезвезда* и т.д. (соподчиненные видовые понятия, входящие в одно родовое).

12. ТГ «Болезни» (конструкция «*СПИД* и другие болезни»); ближайший гипероним – *болезни*; гипонимы: *ВИЧ* (вариант: *ВИЧ-инфекция*), *ОРЗ, СПИД*. Отношения включения: родовой термин *болезни* – видовой термин *ВИЧ*, родовой термин *болезни* – видовой термин *СПИД*. Отношения соположения: *ВИЧ (ВИЧ-инфекция) – СПИД* (соподчиненные видовые понятия, входящие в одно родовое).

13. ТГ «Транспортные средства» (конструкция «*БМВ* (автомобиль марки немецкой компании «BMW»), *БТР, ВАЗ* (автомобиль марки легкового автомобиля «Жигули» разных моделей, выпускаемого Волжским автомобилестроительным заводом) и другие транспортные средства»); наиболее близкий гипероним – *транспортные средства*; гипонимы: *БМВ, БТР, ВАЗ, иномарка*. Отношения включения: родовой термин *транспортные средства* – видовой термин *БМВ*, родовой термин *транспортные средства* – видовой термин *иномарка* и т.д. Отношения соположения: *БМВ – БТР – ВАЗ – иномарка*.

14. ТГ «Организованная преступность» (конструкция «*бандгруппа, бандгруппировка* и другие виды организованной преступности»); ближайший гипероним – *организованная преступность*; гипонимы – *бандгруппа, бандгруппировка, бандформирование, зэк* (варианты: *зек, зэка*), *ОПГ (организованная преступная группировка)*. Отношения включения: родовой термин *организованная преступность* – видовой термин *бандгруппа*, родовой термин *организованная преступность* – видовой термин *зэк*. Отношения соположения (когда соподчиненные видовые понятия входят в одно родовое): *бандгруппа, бандгруппировка, бандформирование, зэк (зек, зэка)*.

15. ТГ «Торговые организации» (конструкция «*ВТО* (всемирная торговая организация), *ТД* (Торговый дом), *ТПП* (Торгово-промышленная палата) и другие торговые организации»); наиболее близкий гипероним –

торговые организации; гипонимы – АДФР (Ассоциация дилеров фондового рынка), АК (акционерная компания), АО (акционерное общество), АРТП (Американо-российская торговая палата), АСАРАБ (Ассоциация внешнеэкономического сотрудничества с арабскими странами), АТПР (Американская торговая палата в России), ВАО (внешнеэкономическое акционерное общество), ВВО (всероссийское внешнеторговое объединение), ВТО, ГВК (Государственная внешнеторговая компания), ЕАСТ (Европейская ассоциация свободной торговли), ЕЭС (Европейское экономическое сообщество), ИРТП (Итало-Российская торговая палата), ТД, ТПП и другие. Данным гипонимам свойственны семантические отношения включения (родовой термин / видовой термин): *торговые организации* – АРТП, *торговые организации* – ВТО и т.д.; соположения (соподчиненные видовые понятия, входящие в одной родовое): АДФР – АО – АТПР – ВАО – ВВО – ГВК – ЕАСТ – ЕЭС – ТД – ТПП и др., входящие в родовое понятие «торговые организации».

16. ТГ «Заводы, предприятия, компании» (конструкция «ВАЗ (в 1 знач. «Волжский автомобилестроительный завод»), Мосдизайнмаш и другие заводы, предприятия, компании») является ближайшим гиперонимом для следующих слов-гипонимов: БМВ (от нем. BMW, Bayerische Motorenwerke – Баварский машиностроительный завод), ВАЗ, Дагэнерго (Дагестанское энергетическое объединение), КамАЗ (Камский автомобильный завод), КраЗ (Кременчугский автомобильный завод), КРИОГЕНМАШ (Акционерное общество криогенного машиностроения), ЛХЭИ («Локхид – Хруничев – Энергия Интернэшнл» (российско-американское совместное предприятие)), МЕАОУМ (Межгосударственное Евроазиатское объединение угля и металла), ОЛБИ («Олег Бойко инвестментс» (компания)), ОСС («Объединенная сотовая связь» (совместное предприятие)), ПСС («Персональные сотовые сети» (совместное предприятие)), РНГС («Роснефтегазстрой» (акционерное общество)), РОСИНКОН (Российский инновационный концерн) и т.д. Данным гипонимам свойственны семантические отношения включения (родовой термин / видовой термин): *заводы, предприятия, компании* – ВАЗ, *заводы, предприятия, компании* – ОСС и т.д., а также отношения соположения: БМВ – ВАЗ – Дагэнерго – КамАЗ – ОСС – ПСС – РНГС – РОСИНКОН и т.д., при которых соподчиненные видовые понятия входят в одно родовое *заводы* и в одну ТГ с тем же названием.

17. ТГ «Выставочные комплексы, ярмарки» (конструкция «Евроремонт-2003, Экспоцентр (экспонирующий центр) и другие выставочные комплексы, ярмарки») является ближайшим гиперонимом для следующих гипонимов: *евроремонт-2003*, *евровыпечка-2002*, *евроодежда-2003*, *КОНСУМЭКСПО-2003* (выставка потребительских товаров), *Кавказ-экспо* (филиал Московского торгового комплекса по продаже канцелярских и других видов товаров народного потребления), *ЭЛЕКТРОТЕХНОЭКСПО-*

2002 (выставочный комплекс и продажа электротехнического оборудования в 2002 году) и другие. Им свойственны семантические отношения включения (родовой термин / видовой термин): *выставочные комплексы, ярмарки – евроремонт-2003, выставочные комплексы, ярмарки – Кавказ-экспо* и т.д., а также отношения соположения: *евроремонт – 2003 – евро-выпечка-2003 – евроодежда-2003 – КОНСУМЭКСПО-2002 – Кавказ-экспо – ЭЛЕКТРОТЕХНОЭКСПО-2002*, при которых соподчиненные видовые понятия входят в одно родовое *выставочные комплексы, ярмарки* и в одну тематическую группу с тем же названием.

Как видим, по причине многозначности многих аббронезологизмов происходит пересечение некоторых тематических групп: по значению одно и то же многозначное слово может относиться к разным тематическим объединениям (так, например, аббревиатура *ВАЗ* в своем первом значении «Волжский автомобилестроительный завод» относится к ТГ «Заводы, предприятия, компании», а во втором значении – *марка легкового автомобиля «Жигули» разных моделей, выпускаемого этим заводом; автомобиль этой марки* – относится к ТГ «Транспортные средства»). Во всех тематических группах при определении родового понятия того или иного ряда однородных гипонимов был выявлен наиболее близкий к ним гипероним. Он стоит, как правило, только рангом выше них (а не двумя, тремя и более рангами), так как, чем выше ранг гиперонима, тем шире круг гипонимов, которые он вбирает в себя логически.

Итак, благодаря функциональному подходу к изучению аббронезологизмов мы выявили 17 тематических групп, в которые вошли единицы, закрепленные за определенными сферами жизни, а именно: платежные средства (*евровалюта*), банки (*агробанк*), суды (*Верхсуд*), политические партии (*Яблоко*), органы власти (*Госдума*), научная терминология (*биополе*), средства массовой информации (*ТВ*), характеристика человека (*бомж*), транспортные средства (*БМВ*), болезни (*СПИД*), род занятий, профессия (*биоритмолог*) и другие.

Рассмотрение родовидовых (гиперонимо-гипонимических) отношений между новыми лексемами в каждой из тематических групп (исключение составила только ТГ «наименования Советской России» по причине оценочности и в связи с этим неспособности к замещению) позволило убедиться в устойчивости, продуктивности таких системных связей, как отношения включения и соположения в аббронезологии современного русского языка последних лет. В связи с этим хотелось бы обратить внимание лексикографов толковых словарей на желательность придерживаться единообразной подачи необходимой информации о словарных единицах, отражать системные семантические связи, объективно существующие между ними. Указанные системные связи потенциально могут быть представлены во всем своем объеме, и тогда толковый словарь может быть не только вместительным добротным описанием (каждой в отдельности)

лексических единиц, но и «лингвистическим производением», помогающим представить общую картину языка как системного целого.

Анализ родовидовых отношений между аббревиатурными неологизмами различных тематических групп позволил выявить такие же лингвистические и экстралингвистические связи в словах данной группы, что и у полнозначных имен существительных.

Список литературы

1. Алексеев Д. И. Аббревиатуры как новый тип слов // Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966. – С. 66-99.
2. Алиева Г. Н. Русский язык на рубеже XX-XXI веков: деривационные и семантические процессы в абброневологии. – СПб., 2003.
3. Апресян Ю. Д. О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики // Вопросы языкознания. – 1972. – № 1. – С. 23 - 36.
4. Апресян Ю. Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М., 1969. – Вып. I. – Т. XXVIII. – С. 15-20.
5. Гинзбург Е. Л., Крейдлин Г. Е. Родо-видовые отношения в языке: (таксономические операторы) // НТИ / ВИНТИ. Сер. 2. – № 8. – М., 1982. – С. 24.
6. Караулов Ю. Н. О некоторых особенностях современного состояния русского языка и науки о нем // Русистика сегодня. – № 1. – 1995. – С. 5-23.
7. Моисеев А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. – Л., 1987.
8. Немченко В. Н. О словообразовательной структуре сложносокращенных слов с синхронической точки зрения // Владимир Даль и современная филология. – Н. Новгород, 2001. – Т. I. – С. 291-294.
9. Новиков Л. А. Таксономия языковых единиц. Опыт метаописания // Филологические науки. – 2002. – № 6. – С. 36-46.
10. Розина Р. И. Отношения общего – частного в языке: метод диагностики и сфера действия // Словарные категории: Сб. статей. – М., 1988. – С. 100-104.

Тенденции количественного развития английских коммуникативных фразеологических единиц

В статье анализируется динамика компонентной структуры коммуникативных фразеологических единиц (КФЕ). Одной из основных тенденций развития КФЕ в современном английском языке является количественная тенденция усечения. Различаются три вида редукции КФЕ: инициальная, терминальная и билатеральная.

The paper deals with the dynamics of the component structure of communicative phraseological units (CPU). The analysis brings the authors to the conclusion that one of the main tendencies of CPU development in modern English is a quantitative tendency of reduction. Three types of CPU reduction are differentiated: an initial, terminal and bilateral one.

Ключевые слова: коммуникативные фразеологические единицы, количественные изменения, инициальная, терминальная и билатеральная редукция.

Key words: communicative phraseological units, quantitative changes, initial, terminal and bilateral reduction.

В нашем исследовании исходим из широкого понимания объема фразеологии, предполагающего включение не только фразеологических сравнений, фразеологических единств, фразеологических сочетаний, но и пословиц [4, с. 7]. Являясь коммуникативными фразеологическими единицами (КФЕ) [6, с. 112], пословицы занимают особое место в репрезентации языковой картины мира: во-первых, они обладают полной совокупностью признаков языкового знака: номинативным значением, денотативным значением и коннотативным значением, и, во-вторых, они в сжатой, или компрессивной, форме, характеризуют не только предмет или явление, но и, как правило, целую ситуацию, выполняя свою функцию аккумуляции информации [1, с. 124]. В качестве научной основы данной работы принимаем фразеологическую концепцию А. В. Кунина и руководствуемся предложенным лингвистом определением пословицы: «пословицы – это афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме, являющиеся цельнопредикативными предложениями» [2, с. 300].

Цель данной работы – проследить тенденции количественного развития компонентного состава английских пословичных фразеологизмов.

Как коммуникативные фразеологические единицы пословицы, с одной стороны, являются языковыми знаками, обладающими независимым от контекста значением. С другой стороны, их форма подвергается изме-

нениям под влиянием стратегии и тактики конкретного дискурса. Сопоставительное изучение парадигматических особенностей КФЕ современного английского языка и специфических характеристик их контекстуальных вариантов в текстах современной англоязычной научной и художественной прозы предоставляет возможность наблюдать мощную тенденцию к сокращению количества компонентов в изучаемых языковых знаках фразеологического характера. Актуальность данного исследования определяется необходимостью не только констатировать собственно наличие сокращения формы коммуникативной фразеологической единицы как языкового знака, но и подготовить почву к рубрикации номинативных и номинативно-коммуникативных фразеологизмов [5, с. 243], являющихся результатом изучаемого процесса компонентного усечения пословичных КФЕ.

С точки зрения синтаксиса, пословица всегда является предложением, но, в отличие от фразеологических единиц других типов, пословицы часто имеют форму сложных предложений, например: *He that has breams in his pond is able to bid his friend welcome; The stoutest beggar that goes by the way, can't beg through Long on a midsummer's day; Be it for better, be it for worse, do after him that bears the purse; It's an ill wind that blows nobody any good; One may live without father or mother, but one cannot live without God (Fgsn)* и многие другие.

Тем не менее, значительная часть пословичных КФЕ современного английского языка представляет собой краткие, лаконичные высказывания, состоящие из четырех-пяти компонентов, например: *Far folk fare best; Counsel is no command; No flying from fate; Apparel makes the man; Nothing crave, nothing have; Weeds want no sowing; Better unborn than unbred; Ambition loses many a man; Hasty climbers have sudden falls; Every man after his fashion; One ill word asks another; High places have their precipices; All clouds bring not rain; Every why has a wherefore; Temperance is the best physic (Fgsn)* и многие другие.

Коммуникативные фразеологизмы самой краткой синтагматики в современном английском языке представлены трехсловными устойчивыми оборотами с полной или частичной семантической трансформацией компонентного состава: *Flesh is frail; Appearances are deceptive; Kail spares bread; Loss embraces shame; Waste makes want; Time will tell; Leave well alone; Riches have wings; Plenty breeds pride; Time works wonders; Dreams are lies; Pardon makes offenders; Silence is golden; Crowns have cares; Promise is debt; Poverty breeds strife; Love is lawless (Fgsn)* и т. п. С другой стороны, в парадигме изучаемых английских фразеологических единиц наблюдаются и такие КФЕ, которые отличаются многокомпонентным составом, иногда до двадцати слов, например: *Wise men have their mouth in their heart, fools their heart in their mouth* (14 слов) (Fgsn); *He that desires to make a market of his ware, must watch an opportunity to open his shop*

(18 слов) (Fgsn); *An army of stags led by a lion would be more formidable than one of lions led by a stag* (20 слов) (Fgsn).

Тенденция к сокращению компонентного состава характерна для коммуникативного класса ФЕ более чем для каких-либо других классов фразеологических единиц. Замечено, что поликомпонентные пословицы постепенно начинают выходить из употребления в полном своем составе, порождая эллиптированные образования: «Длинные пословицы, т.е. пословицы, состоящие более чем из десяти лексем, имеют тенденцию устаревать» [3, с. 340]. Так, например, коммуникативная фразеологическая единица *The pitcher goes once too often to the well but is broken at last* (букв. кувшин слишком часто хаживал к колодцу и в конце концов разбился), состоящая из 14 слов и имеющая значение «человек многократно совершает обман или преступление, но в конце концов его разоблачают», в современном английском языке редко употребляется в своем полном компонентном составе: *'He went after the poachers, did he not?'* said I. *'Yes, as usual,'* replied my Tutor; *he has done it before scores of times.'* ***'The pitcher goes often to the well, but is broken at last,'*** returned I. *'I should not be surprised if the wretched man has been murdered by some of those against whom he waged such unceasing war.'* (J. Paun).

Стремление носителей языка к языковой экономии приводит к сокращению рассматриваемой пословицы в речевом употреблении. В процессе первичного усечения данной КФЕ происходит опущение конечных пяти слов *but is broken at last*, в результате чего в речи появляется девятикомпонентный квантитативный вариант *The pitcher goes once too often to the well*, имеющий тождественное исходному коммуникативному обороту значение, сравним: *It was fun scooping money from banks, trains and post-offices and the so-called security vans! It was fun planning and deciding, glorious fun and I'm glad I had it. The pitcher goes to the well once too often? That's what you said just now, wasn't it? I suppose it's true. Well, I had a good run for my money* (A. Christie).

Тенденция развития компонентного состава пословицы в сторону дальнейшей редукции количества составляющих ее слов постепенно закрепляется в речи, как устной, так и письменной: *'...the thief, or the kleptomaniac, is always the same – convinced that she can get away with it.'* Battle nodded his head. *'That's true enough. Incredibly stupid. The pitcher goes to the well time after time ...'* (A. Christie).

Отмечаем, что при этом квантитативное изменение формы пословичной КФЕ может сопровождаться окказиональными изменениями в ее грамматической структуре с целью достижения максимального прагматического эффекта: *Rich tourists arriving in France and not worried unduly by the Customs because the Customs don't worry tourists when they're bringing money into the country. Not the same tourists too many times. The pitcher mustn't go to the well too often* (A. Christie).

Усеченный квантитативный вариант пословичной КФЕ закрепляется в процессе речевого употребления и фиксируется в словарных статьях современного английского языка. Но поскольку исходная, полная, форма половицы продолжает функционировать в речи, то та часть половицы, которая подвержена узуальной элиминации, дается в скобках: *The pitcher goes once too often to the well (but is broken at last)* (СУАП).

Наблюдаемое прогрессирующее сокращение компонентного состава рассматриваемой коммуникативной фразеологической единицы приводит к образованию трехсловного фразеологического оборота *once too often*, утрачивающего на этом этапе свою принадлежность к классу коммуникативных ФЕ и приобретающего функцию адвербиального модификатора, о распространенности которого в английском языке свидетельствуют многочисленные контекстуальные примеры: *You've often dozed off with a lighted cigarette between your fingers. One day when I'm not here to watch you you'll do it **once too often*** (A. P. Cowie).

a) *No sudden catastrophe had overwhelmed them, no grand conflict in which they could at least die nobly. They had simply got drunk **once too often** and lost their money...* (R. Aldington).

b) *'Glory be to the White Magic!' he cried. 'Glory be to the silver bullet! The hellhound has hunted **once too often**, and my brothers are avenged at last'* (G. K. Chesterton).

В результате двухсторонней редукции рассматриваемая КФЕ теряет почти 80% своего компонентного состава (одиннадцать лексем из четырнадцати), оставаясь при этом равноправным членом исходной номинативно-коммуникативной парадигмы. Это далеко не единичный случай в современном английском языке. Идентичное процентное соотношение компонентного состава наблюдается и между другими пословичными КФЕ и их квантитативно-усеченными производными. Например, в пословичной КФЕ *Early to bed and early to rise makes a man health, wealthy and wise* также имеется четырнадцать компонентов, из которых в результате речевой элиминации также остается лишь три компонента *early to bed*, и при этом результирующая некоммуникативная фразеологическая единица сохраняет свой номинативно-коннотативный потенциал, сравним: a) *Well, it was not like the doctor to hold his peace at this glaring opposition to his favourite theory, and yet, to Tom's astonishment, he forbore to quote that threadbare and detestable adage, '**Early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy and wise**' – proverbial and uncomfortable philosophy that Tom hated with all his foolish young heart* (J. Cary).

б) *'I can't bear to tear myself away from the fun,' she said, and it was clear that she really meant it. '**But early to bed**, you know. I'm sure I could do with a lot more wealth,' she added with a sigh'* (M. Wilson).

В современном английском языке тенденция к сокращению состава поликомпонентных коммуникативных фразеологизмов характеризуется

устойчивостью [7, с. 172], о чем свидетельствуют многочисленные случаи узуального речевого использования усеченных КФЕ и их фиксации в идиоматических словарях, например: *call the tune, forbidden fruit, needs must* (Walter) и мн. др., сравним:

(1) It is the last straw that breaks the camel's back > the last straw:

It is the last straw that breaks the camel's back, though under many of the previous ones it has been cracking; and (although in reading of it, the cause seems absurdly disproportioned to the effect) at the request for the fish sauce recipe, she feels as if she must begin sobbing – begin and never stop (R. Broughton); *This was the last straw. He was throwing up her lawless girlhood to her as an offence* (Th. Dreiser).

(2) It is an ill bird that fouls its own nest > foul one's own nest: *'Do you mean to say, you scoundrel, that an Englishman is capable of selling his country to the enemy for gold?' 'Not as a general thing I wouldn't say it, but there's men here who would sell their own mothers for two coppers if they got the chance.'* *'...it's an ill bird that fouls its own nest'* (B. Shaw).; *You'll soon tell me I'm fouling my own nest, and I shall retort that it's foul enough without any assistance from me* (R. Aldington).

(3) Do not count your chickens before they are hatched > count one's chickens: *'My dear,' said Cosmo, 'I do wish you would not count all your chickens so long before they are hatched. You're not fair to yourself. I've told you so before.'* *Her elation disappeared. Yes, she told him, that was just his way, wasn't it? To destroy her confidence?' (P. Johnson); ...he had his superstitions, and one of them was that counting your chickens in advance brought bad luck* (P. G. Wodehouse).

В «Курсе фразеологии современного английского языка» А. В. Кунин отмечает способность длинных пословиц устаревать [2, с. 3]. Трудно не согласиться с этим утверждением, хотя оно может быть дискуссионным в том смысле, что жизнь поликомпонентных пословиц продляется за счет их квантитативно-усеченных производных, которые вследствие своего структурно-семантического состава не могут не служить постоянной аллюзией, указывающей на свой многословный прототип. Кроме того, не только поликомпонентные пословичные КФЕ подвергаются активному усечению в современной речи с последующей фиксацией в словарной статье. Многие малокомпонентные пословицы современного английского языка, состоящие из пяти-шести и даже четырех компонентов, демонстрируют явную тенденцию к сокращению своего лексемного состава, обогащая соответствующую лексико-фразеологическую парадигму малокомпонентными, двухсловными, ФЕ некоммуникативного характера (напр.: *A new broom sweeps clean > a new broom*), о чем свидетельствуют регулярные контексты: *'Wait until the major hears about it,' Hearne went on. 'The new broom sweeps clean, too clean. I hope you'll enjoy your new command after this'* (A. MacInnes); *Some offices from the War Office were present at the confer-*

ence; they evidently regarded me as **a new broom** and an unpleasant one at that (B. L. Montgomery).

В зависимости от характера усечения КФЕ результирующие фразеологизмы могут быть квалифицированы как инициальная, терминальная и билатеральная редукция. Проиллюстрируем контекстуальными примерами:

1. Инициальная редукция, т.е. усечение начальной синтагмы КФЕ:

a) There is safety in numbers > safety in numbers: *Realizing that they could not escape and that **there was a certain safety in numbers**, they stood their ground* (A. P. Cowie); *'I might join you too,' he said, 'if no other arrangements have been made for me. It would be a bit like staying on shipboard if we stuck together.'* **'Safety in numbers,'** the purser agreed' (Gr. Greene).

b) Habit is a second nature > second nature: *Do you remember the good old saying, 'Do what you ought, that you may do what you like'? **Habit is second nature**. Were I told that I might lie in bed every morning till nine or ten o'clock, as a great favour, I should consider it a great punishment.* (R. Wood); *Harold had never confided much in Isabel. It had been a deliberate policy and become **second nature*** (L. P. Hartley).

2. Терминальная редукция, т.е. усечение конечной синтагмы КФЕ:

a) Forbidden fruit is sweetest > forbidden fruit: **Forbidden fruit is always sweetest** and there are some people who enjoy sex more if they feel guilty (TV Times); *It is somewhat ironic that many places which need water most critically have huge reserves in their front yard – California and Texas for example. Yet the salt in the sea water makes it **a forbidden fruit*** (R. E. Lapp).

b) Second thoughts are best > second thoughts: *Next day a telegram came from Beaver: Have got out of dinner 16th. Are you still free. She replied: Delighted. **Second thoughts always best**. Brenda* (E. Waugh); *'Drink your coffee,' he advised, 'or on **second thoughts**, don't. It's the one flaw in an otherwise excellent dinner'* (L. Urdang).

3. Билатеральная редукция, т.е. усечение и начальной, и конечной синтагмы КФЕ: *The pitcher goes **once too often** to the well but is broken at last > once too often; It is **the first step** that costs > the first step, It is **never too late** to mend > never too late; It is too late **to lock the stable door** when the horse is stolen > to lock the stable door; What is **bred in the bone** will come out in the flesh > bred in the bone* (СУАП). Например: *'With wise and careful training many of her faults may be cured,' said uncle Wallace, pompously. 'I doubt it,' said Aunt Ruth, in a biting tone. **What's bred in the bone comes out in the flesh**. As for Douglas Starr, I think that it was perfectly disgraceful for him to die and leave that child without a cent'* (B. L. Montgomery); *'I suppose you are devoted to your profession?' 'Yes,' he said simply. 'It's **bred in the bone**, we've always had a sailor in the family'* (J. Galsworthy).

Анализ тенденции количественного развития коммуникативной фразеологии современного английского языка позволяет сделать вывод о том,

что сокращение компонентного состава в сфере коммуникативных фразеологизмов носит массовый характер и затрагивает как поликомпонентные, так и малокомпонентные КФЕ. Результатом такого сокращения являются количественно-усеченные производные исходных пословиц, которые чаще всего используются в речи как аллюзии их прототипов – коммуникативных фразеологических единиц. В соответствии с характером усечения КФЕ его продукт может быть назван инициальной, терминальной и билатеральной редукцией.

Список литературы

1. Антонова И. В., Коваленко В. В. Виды функций фразеологических единиц // Slovo. Text. Czas X: Jednostka frazeologiczna w tradycyjnuch i nowych paradygmatach naukowych. – Szczecin, Greifswald, 2010. – С. 120-127.
2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1986.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996.
4. Кунин А. В. Введение // Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – С. 7-13.
5. Федуленкова Т. Н. Понятие изоморфизма фразеологического аферезиса // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы межвуз. научн. конф. 28-29 апреля 2010 г. – СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. – С. 243-244.
6. Федуленкова Т. Н., Антонова И. В. Английская фразеология коммуникативного класса: тематическая рубрикация (на материале коммуникативных фразеологизмов о богатстве) // Lingua Mobilis: Научный журнал. – Челябинск: ЧелГУ, 2008. – № 4 (13). – С. 111-126.
7. Fedulenkova T. Development of English Proverbs // Sociolinguistic Symposium 2000: Abstracts. – Bristol: University of the West of England, 2000. – P. 172.

Список фразеографических источников

- Словарь употребительных английских пословиц: 326 статей / М. В. Буковская, С. И. Вяльцева, З. И. Дубянская и др. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1990.
- Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. – London: Claremont Books; Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1995.
- Walter E. (Ed.). Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Список сокращений

- СУАП – Словарь употребительных английских пословиц: 326 статей.
- Fgsn. – Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs.
- Walter – Walter E. (Ed.). Cambridge International Dictionary of Idioms.

Способность фразеологизмов к энантиосемии

В статье рассматривается энантиосемия фразеологических единиц, отражающая общие тенденции лингвистического развития, характеризующая особую специфику структуры и содержания данных оборотов и определяющая динамику антонимичных эмоционально-оценочных смыслов.

The article considers enantiosemy phraseological units which reflects the general trends of linguistic development, describes the specific nature of the structure and content of the data speed and determines the dynamics antonymous emotional and evaluative meanings.

Ключевые слова: модально-оценочный лад, семантизация знаний, фразеологическая единица, экспрессивно-эмотивный, энантиосемия.

Key words: modal-evaluative way, semanticized knowledge, phraseological unit, emotive, expressive, enantiosemy.

Многие тексты, относящиеся к публицистическому или художественному стилям, являются источниками окказиональных фразеологических единиц и слов. Слово и фразеотворчество в тексте на базе идиоматики языка является процессом индивидуальной семантизации знаний о мире [1, с. 159]. В семантике возникающих в тексте окказиональных слов и фразеологизмов находит выражение концептуализация явлений действительности, связанная с их оценкой на базе определенных мировоззренческих позиций.

Пополнение разговорной речи различными устойчивыми оборотами из других видов речи, помимо синонимов-фразеологизмов, часто возникает благодаря антонимическим значениям в ФЕ. В этой связи представляет особый интерес такое явление языка, как энантиосемия. Как считает В. Н. Цоллер, под энантиосемией эмоционально-оценочного характера «понимается наличие в семантической структуре полисеманта значений с противоположными эмоционально-оценочными компонентами (мелиоративными и пейоративными)» [5, с. 56]. Данное явление, еще не привлекавшее к себе внимания фразеологов и лексикологов, можно назвать эмотивной полисемией, то есть различием в значении идиомы, обусловленным дифференциацией в эмотивной модальности, напр.: «Он – *стреляный воробей*: его на мякине не проведешь», – с одобрением сказал кто-то, и «Он *стреляный воробей*: на риск не пойдет», – с неодобрением сказал кто-то». В данном случае амбивалентность идиомы «стреляный воробей» принимает вид энантиосемии [3, с. 43]. Рассматривая природу данного явления, следует отметить, что оно отражает две противоположные тенденции развития языка: 1) динамический характер человеческого мышления, проявляющийся в том, что одно и то же явление действительности может по-

разному оцениваться и вызывать различные чувства – отношения со стороны говорящего субъекта. Фразеологизмы еще в большей степени, чем слова, способны к эмоционально-оценочной амбивалентности в силу особенностей фразеологического значения, в котором «вершинное положение» занимают эмотивный и оценочный компоненты; 2) тенденцию их функционального предназначения – характеризовать, оценивать предметы, явления, действия, состояния, признаки, качества.

В самой природе фразеологического значения, возникающего в результате ассоциативного образного переосмысления целого словосочетания, заложена потенциальная возможность варьирования эмоционально-оценочного содержания в зависимости «от угла зрения» на исходную ситуацию, которая лежит в основе данного словосочетания. Так, например, в русском языке существует ФЕ *перевернуть все вверх дном*, по своему смыслу двойственная в оценке: во-первых, в значении *создать беспорядок*; во-вторых, *преобразовать что-либо*. В первом случае толкование ФЕ идет как мелиоративная оценка, во втором – как пейоративная. Одной из причин эмоционально-оценочной энантиосемии фразеологизмов является эвристичность их семантики. Как отмечает Ю.П. Солодуб, «большая эксплицированность фразеологического образа, сложность внутренних отношений между его лексическими компонентами расширяет коннотативные и номинативные возможности фразеологизма, делает значение фразеологизма эврисемичным» [2, с. 51]. Например, фразеологизм *голыми руками не возьмешь* со значением *кто-либо может постоять за себя любыми способами* характеризуется эврисемичностью, так как дает детальную характеристику человека такого типа, которая включает несколько признаков: умение постоять за себя, хитрость, ловкость, наличие покровительства, защиты. Подобная широкозначность номинативного характера приводит к эмоционально-оценочной энантиосемии. В связи с этим в разговорной речи по характеру соотношения антонимичных эмоционально-оценочных компонентов в структуре значения возможно определение ФЕ с расчлененной и нерасчлененной энантиосемией. К первому типу относятся многозначные обороты с четкой эмоционально-оценочной противопоставленностью: *переступить черту* 1) нарушить правила, норму поведения, закон, не считаться с общественным мнением; 2) достигать совершенства.

Второй тип представляют полиэмотивные фразеологические обороты, характеризующиеся эмоциональной и оценочной диффузностью, потенциальной возможностью реализовать различную эмотивность (*Ну и ну!* – выражение удивления, восхищения, порицания и др.) [5, с. 57-58].

Итак, энантиосемия фразеологизмов – явление уникальное, прежде всего с точки зрения толкования значения ФЕ. Практически всякое явление, действие, процесс, качество можно оценить положительно или отрицательно, в зависимости от отношения говорящего к сообщаемому. Такой подход к картинам реального (ирреального) мира весьма субъективен, и именно тогда возникает энантиосемия. Разделительность значений фразео-

логического оборота при энантиосемии в немалой степени зависит от интонации, а также условий (речевых, ситуативных) с использованием ФЕ, от жанра произведения (в комических текстах). Какие-либо устойчивые обороты и слова могут быть употреблены в кавычках: «...большинство покупателей мечтало купить за «красненькую» настоящего Рафаэля...или купить из «первых рук» краденое бриллиантовое кольцо за полсотни...» [7] или с иронией: «Вот, например, товарищ Сдобный, председатель правления Мусориздата, так он, знаете ли, очень уж втянулся в это дело» [6].

Фразеологическая энантиосемия (в отличие от лексической, когда проявляется стилистический характер) не имеет стилистических различий, эмоционально-оценочное варьирование ФЕ происходит в одном стилистическом направлении (нейтральном). Отсутствие стилистического варьирования фразеологических энантиосемических выражений зависит от общей стилистической закреплённости ФЕ за определенным стилем и невозможности их перехода в другой, что объясняется определенными затратами семантического и структурного порядка. Так, если в основе фразеологического мышления лежит образ – прототип конкретного характера, связанный большей частью с разного рода семантическими характеристиками, то это, как правило, фразеологизмы разговорного или просторечного характера, и они не могут переходить в категорию нейтральных. Книжные ФЕ не могут формировать противоположные значения разговорно-просторечного характера, т.к. подобного рода ограничения накладываются абстрактной семантикой ФЕ, а также наличием в структуре фразеологизма компонентов, которые строго закреплены за книжным стилем [5, с. 61].

Таким образом, эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов представляется сложным языковым процессом, серьезность которого определяется целым рядом причин интра- и экстралингвистического характера. Отражая общие тенденции языкового развития, энантиосемия ФЕ выявляет свои особенности, связанные со структурной и семантической спецификой фразеологизма как языковой единицы. Во-первых, такие особенности фразеологического значения, как продуктивность, творчество, ярко выраженная эмотивность и экспрессивность, предикативная обусловленность устойчивого оборота, дают начало развития антонимичных эмоционально-оценочных значений. Во-вторых, данный процесс ограничивается рядом причин семантического и структурного порядка. Потенциальное речевое варьирование по знаку оценки для большинства фразеологизмов связано с аксиологической направленностью в их толковании. Смена оценочности может осуществляться при включении фразеологизма в противоположный контекст, что способствует созданию дополнительного психологического напряжения, усиливающего воздействие на говорящего или слушающего. Идиоматические выражения сохраняются в языковом сознании в виде ассоциативно-семантических сетей [4, с. 256]. Воспроизведение в речи фрагментов таких полей выявляет их национально-языковую специфику; сами сочетания образов концептов, пред-

ставляемые текстовыми конфигурациями ФЕ, идиоматичны, уникальны для данного языка, специфичны для идиостиля: «Заметив *неслужебное лицо* Босталоевой, начальник сразу позвал её и вник в ее дело» [8]. Данная иллюстрация интересна тем, что здесь сочетаются выражения несвободное («вникнуть в дело») и свободное («неслужебное лицо»), функционирующее по аналогии с несвободным («служебное положение», «служебный вход», «служебная ситуация» и др.); каждое из использованных автором выражений несет определенную смысловую нагрузку: «неслужебное лицо», следовательно, человек не начальник («недолжностное» выражение лица), «вник в дело» – быстрота такого действия имплицитно критикуется, высмеивается. Подтекстовые связи идиоматических выражений способствуют расширению контекста и формируют различные модально-оценочные характеристики тех или иных ситуаций действительности.

Итак, во всех формах речи осуществляются процессы познания, обмена информацией, настроая на определенный экспрессивно-эмотивный и модально-оценочный лад, а также апробируются различные элементы тех или других уровней языка и взаимодействуют особенности стилей. Необходимым условием практической деятельности (в том числе и речевой) становится окружающая действительность, образы которой возникают при взаимообусловленности конкретных представлений культурного, национального, фольклорного, религиозного характера и переосмысляются человеком в его сознании. Представления об окружающей действительности возникают в результате опредмечивания и осмысления уже имеющихся образов и производства других (новых) в ходе дальнейшего познания действительности (реальной и ирреальной). Все сказанное нами о фразеологических единицах закрепляется и реализуется в качестве результатов языкового творческого мышления человека и его отражательной мыслительной деятельности.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
2. Солодуб Ю. П. Сопоставительный анализ структур лексического и фразеологического значений // Филологические науки. – 1997. – № 5. – С. 43-54.
3. Телия В. Н. Функционально-параметрическое описание фразеологизмов в Машинном фонде русского языка (предпроектные исследования) // Фразеология в Машинном фонде русского языка. – М., 1990. – С. 4-10.
4. Телия В. Н. Коммуникативная лабильность эмотивности фразеологизмов // Фразеологизм и слово в системе языка. Тезисы докладов и сообщений международного симпозиума, посвященного 75-летию со дня рождения В.П. Жукова (1-е Жуковские чтения). – Новгород, 1996. – С. 202-203.
5. Цоллер В. П. Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов // Филологические науки. – 2004. – № 4. – С. 76-83.

Список источников

6. Ардов В.Е. Отдушина. – М., 2000.
7. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. – СПб., 2009.
8. Платонов А. Ювенильное море. – М., 2006.

**Некоторые типы и модели структурно-отмеченных дериватов
в англоязычном медицинском социолекте**

Рассматривается медицинский социолект как особая экзистенциальная форма языка. Для неё характерно образование структурно-отмеченных дериватов. Выделяются 7 основных видов структурно-отмеченных дериватов: дериваты с просторечными аффиксами, интегрированные слова, сокращения, словосложение, псевдономенклатуры, итеративы и телескопии.

Medical sociolect is a special existential form of language. Word-building of structurally-noted derivatives is typical for it. There are 7 basic types of structurally-noted derivatives: derivatives with sociolect affixes, integrated words, abbreviations, compositions, pseudo-nomenclatures, iteratives and telescoping.

Ключевые слова: медицинский социолект, деривация, словообразование, дериваты с просторечными аффиксами, интегрированные слова, сокращение, словосложение, псевдономенклатуры, итеративы, телескопии.

Key words: medical sociolect, derivation, word-building, derivatives with sociolect affixes, integrated words, abbreviations, compositions, pseudo-nomenclatures, iteratives, telescoping.

Цель статьи – выявить основные типы и модели структурно-отмеченных дериватов в английском медицинском социолекте. Материалом исследования послужили 3403 медицинских социолектизма, извлеченные методом сплошной выборки из словарей британского и американского сленга [4; 5; 6; 7; 8; 9]. Из них 1376 дериватов (40% от общего количества выборки) подверглись словообразовательному анализу. Уточним теперь основные рабочие понятия нашего анализа.

В данной статье нами рассматриваются структурно-отмеченные медицинские социолектизмы, то есть построенные по моделям, присущим только субстандарту, или по стандартным моделям, но с использованием субстандартных словообразовательных средств. Вначале разграничим термины деривация и словообразование и определим понятия словообразовательный тип и словообразовательная модель, производное слово и производящее слово.

Деривация рассматривается нами, вслед за В. П. Коровушкиным, в самом широком смысле как выведение одной языковой единицы из другой. Это преобразование какой-либо производящей (генеративной) единицы в производную (результативную) единицу – дериват [1, с. 333]. Как производящая единица, так и дериват могут относиться к любому уровню языка – от фонемы до текста. Собственно словообразование понимается

как процесс лексической деривации, характеризующийся формальной и семантической производностью своих дериватов-слов (то есть процессы, относящиеся к первой группе). Производное слово, связанное с производящей единицей отношениями формальной (структурной) производности и семантической мотивированности и созданное на исконной (в указанных рамках) языковой основе, является предметом словообразования.

Разграничивая процесс словообразования и его результат, мы пользуемся терминами производящее слово (генеративная единица) для исходной единицы этого процесса и производное слово (результативная единица) – для единицы, полученной в его результате. Словообразование осуществляется по определённым моделям. Под словообразовательной моделью нами понимается «стабильная структура, обладающая обобщённым лексико-категориальным значением и способная наполняться различным лексическим материалом» [3, с. 115]. Под словообразовательным типом мы понимаем «формально-семантическую схему построения производных слов, характеризующихся: а) тождеством части речи производящих слов, б) формальным и семантическим тождеством словообразовательных аффиксов» [2, с. 465].

В данной статье нами рассматриваются следующие основные структурные типы субстандартных дериватов: 1) аффиксальные дериваты с необычными для литературного стандарта аффиксами, присущими, в основном, просторечию; 2) интегрированные слова; 3) сокращения; 4) словосложение; 5) псевдономенклатуры; 6) итеративы – аллитераты, образования с рифмой, редупликаты; 7) телескопии. Рассмотрим только некоторые из них на примерах, извлечённых нами методом сплошной выборки из словарей британского и американского просторечия [4; 5; 6; 7; 8; 9], а также Интернет-источников [10]. Иллюстрации примеров даются в авторском формате.

I. Медицинские социолектизмы – дериваты с просторечными аффиксами. В англоязычном медицинском социолекте структурная отмеченность аффиксальных дериватов может достигаться использованием субстандартных аффиксов, не свойственных или малопродуктивных в литературном стандарте. К ним относятся, в первую очередь, субстандартные полуаффиксы, в основном полусуффиксы и некоторые суффиксы. Уточним здесь, что полуаффикс понимается как «словообразовательный элемент (формант), который формально совпадает с основой или словоформой свободно функционирующего слова, схож с ним семантически с разной степенью переосмысления, связан с ним этимологически и серийно употребляется в словообразовании в качестве относительно связанной морфемы, в которой обобщенное грамматическое значение, неизменное для конкретного класса созданных с помощью этой морфемы слов, преобладает над первоначальным десемантизированным лексическим значением» [1, с. 339]. Ограни-

чимся здесь несколькими наиболее очевидными примерами полусуффиксации как видом полуаффиксации.

Существительные. Схема 1: N+semi-suf→Nsemi-suf

М (модель)1: -happy: knife-happy - (рад помахать ножом) описание слишком "активного" хирурга; *trigger-happy* – медработник, который очень любит делать инъекции или пациент, который часто нажимает на кнопку вызова медперсонала; *flak-happy* – пациент, страдающий от головокращения.

М 2: -artist: castor-oil artist – врач.

Среди образований с суффиксами мы рассмотрим только наиболее «экзотичные» иноязычные суффиксы, продуктивные для просторечия американского ареала, классифицируя данные слова, исходя из этимологии данных суффиксов (не затрагивая типичных английских суффиксов, например, *-ie*: *gynie* – гинеколог, *meddie* – студент-медик). При этом подчеркнём, что все слова получают основной отличительный признак – структурную отмеченность, которая заключается в необычности сочетания основы с суффиксом, непродуктивным в литературном стандарте. Структурная отмеченность, в свою очередь, вызывает стилистическую маркированность производных слов.

Существительные. Схема 1: N+suf → N suf

М 1: -atorium (-orium): drinkatorium – санаторий для алкоголиков; *healthatorium* – санаторий.

Суффикс латинского происхождения, который можно выделить в стандартных существительных *auditorium*, *sanatorium*, имеющий варианты *-atorium*, *-orium*, служит для образования производных, означающих какое-либо заведение. Также образуются слова с суффиксом *-oma*, который в латинском языке означает «опухоль», но в американском просторечии имеет более широкое значение «болезнь».

М 2: -oma: fascinoma – серьёзная, трудно диагностируемая болезнь или интересная, необычная в другом отношении; также пациент, имеющий такую болезнь; *horrendioma* – особенно опасное состояние, обычно при раке, а также пациент в таком состоянии (также *horrendoma*, *horrenderoma*).

М 3: -o: pitiatico – пациент, симулирующий болезнь, *medico* – врач, *compro (case)* – пациент, заслуживающий компенсационного пособия из-за нетрудоспособности.

Суффикс, заимствованный из мексиканского варианта испанского языка (по типу *amigo*, *Americano*), образован, по-видимому, из старого испанского винительного падежа существительных мужского рода, получающих окончание *-o*, что распространяется на английские заимствования в языке испанских переселенцев. От подобных случаев следует отличать обычные сокращения типа *hypo* (*hypodermic*) – подкожная инъекция; *psypho* (*psychopath*) – психопатический больной.

Также следует упомянуть о субстандартных суффиксах *-aroo*, *-oholic*:

M 4: -aroo: stingaroo – шприц;

M 5: -oholic: beerholic – пивной алкоголик и пр.

II. Медицинские социолектизмы – интегрированные слова. Структурная отмеченность интегрированных слов достигается сохранением в структуре деривата линейной последовательности компонентов генеративной единицы – интегрируемого словосочетания.

Существительные.

M 1: N+Prep+(Art)+N→N: doc-in-the-box – (доктор в коробке) небольшое медицинское учреждение, обычно в торговом центре, куда можно обратиться за помощью без предварительной записи;

M 2: N+ Pron+Prep→N: pick-me-up – употребляется применительно к тонизирующему лекарству, ранее: любой стимулирующий напиток;

M 3: N+Prep+Num→N: hole-in-one – пулевое ранение в рот;

M 4: N+Conj+N→N: treat-and-street – способ быстро выпроводить пациента.

III. Медицинские социолектизмы – сокращения. Под сокращением, или аббревиатурой, понимается результативная единица процесса аббревиатурного словообразования со статусом слова после ее лексикализации, морфологическая структура которой содержит хотя бы один аббревиатурный след (абброслед), отсылающий к синхронно сосуществующей с ней полной генеративной единице [1, с. 341]. Абброслед свидетельствует о формальной производности деривата и семантической мотивированности по отношению к его прототипу. Среди сокращений можно выделить следующие типы.

1. Инициальные аббревиатуры: а) инициально-буквенные дериваты: *C&T ward* [*<cabbages and turnips-* капуста и репа] – палата для коматозных пациентов; *PPPP* [*<particularly piss-poor protoplasm*] – диагностическое сокращение, обозначающее пациента в тяжёлом состоянии (что-то вроде "особо обеднённая мочой протоплазма"); *A.C.E. mixture* [*<alcohol, chloroform and ether*] – анестетик, состоящий из спирта, хлороформа и эфира;

б) инициально-звуковые дериваты (акронимы): *BRAT diet* [*<bananas, rice, apples, toasts*] – (досл. диета для отродья) обычная диета при детской диарее; *Aimes* [*<Association of Interns and Medical students*] – ассоциация интернов и студентов-медиков; *JAMA* [*<Journal of the American Medical Association*] – журнал американской медицинской ассоциации.

Часто общепринятые медицинские сокращения получают дополнительную, просторечную расшифровку: *M.I.* – общепринятое сокращение для инфаркта миокарда (*myocardial infarction*) имеет и юмористичную расшифровку: "monetary insufficiency", то есть как денежная недостаточность. Альтернативное сокращение - *DOW*, "deficiency of wallet", или "дефицит бумажника".

2. Усечения: а) апокопа: *to cath* < *to catheterize*) – поставить катетер; *con* <*consumption* – туберкулёз лёгких; *dip* <*diphtheria* – пациент, больной дифтерией; *amp* <*an amputation* – пациент, которому сделали ампутацию; *caps* <*capsules* – капсулы;

б) аферезис: *to scope* < *to endoscope* – проходить эндоскопию; *tern* < *intern* – интерн; *oids* <*steroids* – стероиды; *ray* <*an X-ray* – рентген;

в) апокопо-аферезис: *scrip/script* [<*prescription*] – рецепт, *flu/flu* [<*influenza*]. Особого внимания требуют образования типа *bacty* [<*bacteriology*], *gyney* [<*gynecology*] и пр. Трудность в данном случае заключается в неясности статуса элемента –у. В связи с этим возникает дилемма: являются ли указанные единицы образованиями в результате синкопирования или же суффиксации с предварительным усечением. Представляется, что более правильной следует считать вторую точку зрения. Подтверждением тому является наличие безаффиксных вариантов у некоторых из указанных единиц: *bact* – *bacty* и пр.

Все усечения можно поделить на две группы: 1) усечения, в основе которых лежит однословный прототип, ср.: *chem* [<*chemistry*] – химия, *hosp* [<*hospital*] – больница, *san* [<*sanatorium*] – санаторий и 2) прототип-словосочетание (составной термин): *hype* [<*hypodermic syringe*] – шприц для подкожных инъекций, *duo* [<*duodenal ulcer*] – дуоденальная язва и пр.

IV. Словосложение, под которым понимается процесс образования слов путём сложения двух и более основ.

Существительные

M 1: N+N→N: bum-freezer – короткая белая форменная куртка, которую носят врачи в больнице, *bonehouse* – больница, *ice-box* – морг, *saw-bones* – хирург;

M 2: V+Prep→N: wash-up – мытьё рук перед операцией;

M 3: V+Adv→N: Dr. Feelgood – доктор, выписывающий лекарства не задумываясь и пр.

V. Медицинские социолектизмы – псевдономенклатуры. Структурная отмеченность псевдономенклатур достигается субституцией развернутого словесного наименования с помощью цифр и / или букв (которые могут быть и в словесной записи). Ср., например: *45C* [<*chromosome*] – пациент с синдромом Дауна (45 хромосом вместо 46), *3H* [<*high, hot, and a hell of a lot*] – клизма, *Hi-5* [<*V is Roman for 5*] – ВИЧ-позитивный пациент.

VI. Медицинские социолектизмы – итеративы, под которыми понимаются производные слова, созданные в процессе итерации – повторения фонеморфологических элементов или фрагментов слов или целых слов. Итеративные дериваты подразделяются на три группы: 1) образования с рифмой и 2) редупликаты – повтор начального фрагмента слова или целого слова, 3) аллитераты – повтор звуков в начале компонентов сложного слова или словосочетания. Здесь мы приведём примеры только первых двух подгрупп.

1. Образования с рифмой, ср.: *Nervo and Knox* (rhy.sl. = рох) – венерическое заболевание, *Nuremburgs* (rhy.sl. Nuremburg trials = piles) – геморрой, *Mars bars* (rhy.sl. =scars) – шрамы.

2. Редупликаты: *loop the loop* (от *loop* - петля) – хирургическая операция на кишечнике, *daily-daily* – лекарство от малярии.

VII. Медицинские социолектизмы – телескопии. Телескопии, или телескопические дериваты двух слов, образуются вложением конечной части первого производящего слова в начальную часть второго слова без усечения какого-либо из них [1, с. 344]. В исследуемом материале наблюдаются структурные телескопические образования: *flumonia* [*<flu+pneumonia*] – грипп, осложнённый пневмонией, *skinfection* [*<skin+infection*] – кожная инфекция.

Результаты исследования представлены в таблице.

Таблица 1

Продуктивность типов структурно-отмеченных дериватов
в медицинском социолекте английского языка

№ п/п	Тип структурно-отмеченного деривата	Кол-во слов	%
1.	Дериваты с просторечными аффиксами	619	45
2.	Интегрированные слова	30	2
3.	Сокращения	472	34,5
4.	Словосложение	191	14
5.	Псевдономенклатуры	8	0,5
6.	Итеративы	48	3,5
7.	Телескопии	8	0,5
Итого:		1376	100

Итак, проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы: 1) структурно-отмеченные дериваты составляют значительную часть нашей выборки медицинских социолектизмов английского языка (40%); 3) существует большое разнообразие типов и моделей структурно-отмеченных дериватов (см. Таблицу 1); 4) наиболее продуктивными типами являются образование дериватов при помощи просторечных аффиксов (45%) и сокращения (34,5%); 4) менее продуктивными типами являются словосложение (14%), итеративы (3,5%) и интегрированные слова (2%); 5) непродуктивными являются псевдономенклатуры (0,5%) и телескопии (0,5%).

Список литературы

1. Коровушкин В. П. Основы контрастной социолектологии: дис.... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2005.
2. Русский язык: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений/ Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, Л. П. Крысин и др.; под ред. Л. Л. Касаткина. – 3-е изд., стер. – М.: Академия, 2005.
3. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. – М., 1968.

Словари

4. Ayto J. The Oxford dictionary of slang. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.
5. The American Thesaurus of Slang by L.V. Berrey and M. Van Den Bark. – New York, 1962.
6. Lighter J. E. Random House Historical. Dictionary of American Slang. 1 volume: A-G. – New York: Random House, 1994.
7. Lighter J. E. Random House Historical. Dictionary of American Slang. 2 volume: H-O. – New York: Random House, 1994.
8. Partridge E. A dictionary of slang and unconventional English / Edited by Paul Beale. 8th ed. – New York: Macmillan Publishing Co., 1984.
9. Partridge E. Slang to-day and yesterday: With a short historical sketch; and vocabularies of English, American, and Australian slang. – London: Routledge & Kegan Paul, 1979.

Интернет-источники

10. <http://karadag.livejournal.com>.

Функциональный потенциал каузативного глагола и роль среды в его актуализации

В статье рассматривается вопрос о функциональном потенциале, который реализуется в рамках среды функционирования каузативного глагола. Выделяются семантический и валентностный потенциалы каузативных глаголов, рассматриваются вопросы синкретизма.

The present article deals with the question of the functional potential, which is realized within the environment of a functioning of a causative verb. We can point out the semantic and valential potential of causative verbs. Besides in the given article the questions of syncretism are scrutinized.

Ключевые слова: функциональный потенциал, каузативный глагол, синкретизм, инкорпорация.

Key words: functional potential, causative verb, syncretism, incorporation.

Функциональный подход к языку, по мнению С. Д. Кацнельсона, невозможен без проникновения в основную функцию языка как орудия общения. Проблема соотношения языка и речи-мысли является стержневой проблемой науки о языке [3, с. 23]. В области грамматических исследований без общего невозможно проникновение на уровень частного. С.Д. Кацнельсон рассматривает введение в грамматику как грамматическую часть общего языкознания, как «общую грамматику», но не в плане насилования строя конкретных языков и навязывания им общей единой схемы грамматических категорий, а в плане выявления общих мыслительных основ грамматического строя и предпосылок расхождения и многообразия конкретных грамматических строев [3, с. 552].

А. В. Бондарко рассматривает вопрос о соотношении понятий «функция» и «значение», отделяя значение от функции: 1) значение связано с вопросом «что собой представляет данная единица?». Понятие функции связано с вопросом «для чего служит данная единица в речи, каково ее назначение?»; 2) для понятия «значение» характерна ориентация на семантическую структуру знаковой единицы и ее место в данной подсистеме языковых единиц. По отношению к функции доминирует связь выражаемой семантики с определенным «способом поведения» анализируемых единиц в речевой среде и с достигаемым в речи результатом [2, с. 80-81]. Вопрос о функциях в их отношении к значениям имеет прямой выход в плоскость конкретной проблематики функционально-грамматических исследований.

Многие исследования последних десятилетий, проводимые в рамках различных направлений лингвистики, имеют общее основание, так как изучают семантическую составляющую языкового знака. Современное языкознание отличает стремление к анализу не только внутренней составляющей языка, но и признается влияние среды как функционального фактора развития языковой системы. Именно системный характер объекта лингвистического исследования заставляет с большей ответственностью подходить к отбору приемов и методов его анализа и свидетельствует в пользу того, что выбранный вектор исследования языка является методическим приемом, позволяющим акцентировать те или иные стороны объекта. Мы предлагаем динамико-функциональный подход к анализу фактов языка. «Каждый элемент языка, помимо значения (что выражено) и формы (как или чем выражено), имеет также функциональную нагрузку (зачем, для чего используется)» [1]. Благодаря «тройственному критерию» можно исследовать языковое явление не только «от значения», а также учитывать его форму, значение и функцию.

Назначение языкового средства заключается в каузации употребления. Функции языковых средств и их сочетания, по мнению А. В. Бондарко, выступают: 1) как существующие в системе языка потенциальные назначения, цели; 2) как процессы и результаты реализации этих потенциалов в речи. Функция выступает как цель, которой служит соответствующее языковое средство или сочетание средств. Функция одновременно выступает как способность к определенному типу функционирования, а также как реализация этой способности в конкретных высказываниях [2, с. 84]. Аспекты потенци и реализации – это взаимосвязанные элементы, закрепленные в понятии функции. Языковое средство как элемент языковой системы обладает определенным функциональным потенциалом в передаче семантического содержания, что может быть актуализировано в рамках лексикографического наполнения слова. Функциональный потенциал актуализируется в передаче структурно-синтаксического содержания. Это, в свою очередь, обуславливает выбор данного языкового средства в процессе речи и перспективу функционирования этого элемента языковой системы. Эксплицитный и имплицитный аспекты потенци и реализации составляют функциональный потенциал языкового средства как элемента языковой системы. Языковое средство заложено в языковой системе и, соответственно, призвано выполнить те или иные функции, актуализируя при этом свой функциональный потенциал. Языковое средство реализует функциональный потенциал в определенных типах употребления. Актуализация назначения того или иного языкового средства осуществляется в речи, в рамках употребления в конкретных высказываниях. В этом случае наблюдается взаимодействие вышеперечисленных отношений. Функциональный потенциал языковых средств обуславливает реализацию определенных назначений в речи. А. В. Бондарко обращает особое внимание на

речевые реализации функций, так как именно они и становятся основой для формирования потенций, которые находят все новые и новые реализации. В этом круговороте потенций и реализаций, в круговороте целей и каузируемого ими поведения элементы системы языка осуществляется воспроизведение функций языковых единиц и их развитие [2, с. 85].

Таким образом, функциональный потенциал – это комплекс потенций, которые возможны для данной языковой единицы и программируют ее поведение в речи. В этом случае могут быть охвачены функции разных типов: семантические, валентностные, структурные, прагматические, эмоциональные, экспрессивные, стилистические. Элементы функционального потенциала заложены на уровне отдельной словоформы и проецируются на высказывание. Владение таким потенциалом входит в языковую компетенцию говорящего и определяет выбор именно данного языкового средства.

Нами исследуются каузативы информативно-модифицирующего разряда, которые относятся к глаголам речевого воздействия. Глагол обладает определенным объемом семантического потенциала, который актуализируется в виде валентностного потенциала. Основу семантического потенциала составляет соотношение денотативных и коннотативных компонентов. В теории речевого воздействия информативные глаголы относятся к словарным единицам, обладающим информативным (или интеллектуально-информативным) типом словесного значения. Мы рассматриваем семантический и валентностный потенциалы как составляющие функционального потенциала каузативов. Исследование данного аспекта осуществляется в рамках теории системной множественности функциональных свойств каузативных глаголов.

Системные значения актуализируются в сфере среды, которая трактуется как множество языковых элементов, играющее по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым оно выполняет свою функцию [2, с. 87]. В сфере грамматики к системам относятся предложение, грамматическая категория, функционально-семантическое поле, группировки взаимосвязанных категорий (группировки грамматических категорий глагола, прилагательного, существительного), группировки функционально-семантических полей. К среде относятся контекст и речевая ситуация, лексические значения и лексико-грамматические разряды слов, элементы «категориального окружения». Например, среда аспектологического значения с каузативными глаголами в немецком языке определяется на базе принадлежности глагола к тому или иному аспектологическому классу (разряду), наличием в среде лексических индикаторов: наречия меры и времени (*sofort, schon, wiederholt, immer wieder usw.*); союзы (*solange* – для передачи значения несовершенного вида и *nachdem* – для передачи значения совершенного вида); определенные синтаксические конструкции (*sein + P. II, Obj. + P. II + bekommen, kommen + P.*

II глагола движения, *bei* + субстантивированный инфинитив); фазисные (предельные, непредельные, ультрапредельные, ультранепредельные, лимитативно-нейтральные и другие глаголы: *pflügen, fortfahren*). В каузативной структуре, в которой представлено значение акциональности, функционируют адвербиальные элементы, которые характеризуют протекание каузации как длительное, повторяющееся. К адвербиальным экспликациям рассматриваемой семантики относятся различные квантитативно-итеративные атрибуты и обстоятельства цикличности, кратности или счетного комплекса, интервала, узуальности, а также комплексные (см., например, [5, с. 128-129]), диагностирующие определители [4, с. 22]. Понятие среды релевантно не только для описания, но и для объяснения исследуемой языковой подсистемы – подсистемы каузативности.

Разделяем точку зрения А.В. Бондарко о необходимости включения понятия среды в теорию и практику лингвистического анализа. В лингвистике хорошо известны понятия «контекст» и «речевая ситуация», «конситуация», «прагматическая и социальная обусловленность» употребления различных языковых единиц. Однако не используется понятие, которое охватывало бы и контекст, и речевую ситуацию, и взаимодействие грамматических и лексических аспектов языковых единиц, и соотношение грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов, и межкатегориальные связи, т. е. все то в окружении данной единицы или категории, что взаимодействует с ней и во многом определяет конкретные репрезентации и закономерности ее функционирования [2, с. 89]. Термин «контекст» трактуется не только как контекст ситуационный и синтагматический, но и системный. В «Lexikon der Sprachwissenschaft» Н. Bussmann контекст «bezeichnet alle Elemente einer Kommunikationssituation, die systematisch die Produktion und das Verständnis einer Äußerung bestimmen. Man kann drei elementare Kontext-Typen unterscheiden: (a) den allgemeinen Kontext der Sprechsituation (Ort, Zeit, Handlungszusammenhang der Äußerung, (b) den persönlichen und sozialen Kontext der Beziehung zwischen Sprecher und Hörer, ihren Einstellungen, ihren Interessen und ihrem Wissen bzw. ihren wechselseitigen Wissensannahmen, sowie (c) den sprachlichen Kontext, der (begleitet vom non-verbalen mimisch-gestischen Kontext) die Ausdrücke grammatisch und semantisch verknüpft und gleichzeitig durch Deixis oder pragmatische Indikatoren in den situativen Kontext einbettet. ... Erst im Zusammenhang mit allen Kontext-Faktoren ergibt sich aus dem Sinnpotential eines Satzes der aktuelle Sinn einer Äußerung bzw. aus einer Folge von Äußerungen ein Text» [6, с. 374].

Понятие среды позволяет интегрировать разнообразные типы окружений системного объекта и сохранить качественную определенность контекста в собственном смысле. Взаимодействие системы и среды является фактором, имеющим важное значение для осмысления реализации функ-

ций языковых единиц. В иерархии сущностей «система – среда – функция» главное значение с точки зрения отношения «средство – цель» отведено функции: взаимодействие системы и среды служит функции. Функция реализуется в результате взаимодействия элементов системы и среды [2, с. 90]. Взаимодействие элементов языковой системы с их средой является необходимым условием для перехода функций-потенций в функции-реализации.

Итак, среда представляет собой не только окружение, в котором реализуется функция, и не только необходимое условие ее реализации, но и компонент, активно участвующий, наряду с элементами системы, в самом формировании содержания функций. «Среда» – это понятие системно-функциональное, и динамико-функциональный подход к исследованию фактов языка может получить широкое распространение, так как предполагает исследование системных объектов во взаимодействии с разными типами языковых и речевых окружений, охватываемых понятием среды. Каузативный глагол концептуализирует определенный фрагмент внеязыковой действительности, сопоставляя ему нечто, что можно назвать «концепт ситуации», и данный концепт включает определенный набор участников. Исследование семантического и валентностного потенциалов каузативов информативно-модифицирующего разряда позволило представить описание как «сценарий» типовой каузативной ситуации, в которой указаны участники ситуации, их свойства и отношения. Данные свойства составляют значение глагольной лексемы. Участнику каузативной ситуации соответствует синтаксический и семантический актанта. Синтаксическая валентность рассматривается в данной работе как морфосинтаксическая форма того языкового выражения, которое сопоставляется с данной ролью в предложении. Семантическая валентность глагола представляет собой актуализацию той или иной роли участника ситуации.

Реализация семантической и синтаксической валентности обусловлена различными факторами, в частности, большую роль играет синкретизм значений. Синкретичные факты обогащают структурно-семантические ресурсы языка. Они нередко являются следствием экономии языковых средств и выступают как конденсаторы семантики, характеризуются более широкими сочетаемостными возможностями, чем типичные явления, обладают полифункциональностью и отличаются особой экспрессивностью. Синкретизм является мощным средством увеличения функциональной подвижности словаря без увеличения языковых знаков. Существенным свойством лексического каузатива является семантический синкретизм, условиями его возникновения в рамках каузативной ситуации являются следующие: чем больше маркированных категориальных признаков имеет компонент каузативной ситуации, тем вероятнее возникновение синкретичной формы в позиции каузатора и/или средства / способа каузации; облигаторна нейтрализация

одного компонента каузативной ситуации при наличии другого. Семантический синкретизм проявляется в рамках субъектно-объектной, субъектно-инструментальной, субъектно-предикатной среды.

Реализация семантической и синтаксической валентности находится в зависимости от ряда факторов, связанных с инкорпорацией актантов. Участник ситуации, который является инкорпорированным, находится в денотативной зависимости от других участников / участника. Инкорпорированный участник, как правило, не имеет формы морфо-синтаксического актанта, а если допускается его экспликация на поверхностном уровне, то это связано с тем, что данный концепт сопровождается атрибутами или квантификаторами. Динамико-функциональный подход обеспечивает моделирование системной множественности функциональных свойств каузативных глаголов с учетом особенностей их взаимодействия со средой.

Список литературы

1. Алексанова С. А. Синкретизм как системное явление в сфере обстоятельственной детерминации предложения. – [Электронный ресурс]: <http://vak.ed.gov.ru/>
2. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
3. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. – М.: Языки славянской культуры, 2001 (Классики отечественной филологии).
4. Мыркин В. Я. Трудные вопросы аспектологии и темпорологии. – Архангельск: Изд-во Поморского государственного педагогического университета им. М. В. Ломоносова, 1993.
5. Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – С. 124-152.

Словари

6. Bussmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Dritte, aktualisierte und erweiterte Auflage. Alfred Kröner, Verlag Stuttgart, 2002.

**Детерминант и тематический гласный в структуре
глагола ахвахского языка**

В статье на материале одного из бесписьменных андийских языков (ахвахского) освещаются спорные вопросы, касающиеся двух структурных элементов глагольной основы дагестанских языков: детерминативного суффикса и тематического гласного. Выясняется, что детерминатив на современном этапе развития ахвахского глагола не выделяется, тематические гласные, оформляющие частнословную категориальную основу, представлены во всех глагольных формах.

On the material of one of the unwritten Andi languages (the Akhvakh language) the article deals with disputable problems concerning two structural elements of the verbal base of the Daghestan languages: the determinative suffix and the thematic vowel. At the modern stage of the development of the Akhvakh verb the determinative is not singled out. Thematic vowels, formalizing the subword categorial stem, are presented in all verbal forms.

Ключевые слова: андийские языки, ахвахский язык, глагол, глагольная структура, детерминативный суффикс, моноконсонантный корень, общепарадигматическая основа, структурный элемент, тематический гласный, частнословная основа.

Key words: common paradigmatic stem, determinative suffix, subword stem, structural element, monoconsonant root, the Akhvakh language, the Andi languages, thematic vowel, verb, verbal structure.

В дагестановедении нет однозначной трактовки по поводу двух структурных элементов глагольной основы – детерминативного суффикса и тематического гласного. Термин «детерминатив», восходит к латинскому *determine* «определяю». Применяемый в индоевропеистике в качестве определителя (распространителя) корня, в кавказских языках это термин выполняет несколько иную функцию, которую можно было бы охарактеризовать, как отмечает З. М. Маллаева, определением (оформлением) основы конкретной категориальной формы. В отличие от индоевропеистики, где «определитель» или «распространение» корня не входит в состав корня, в кавказоведении «детерминат основы» характеризуется как основообразующий суффикс и считается составной частью основы [4, с. 18].

В северокавказских языках детерминант глагола впервые выделяет Н. С. Трубецкой [9]. Он вычленяет его в послекорневой позиции в виде варьирующего гласного и называет «тематическим гласным». Еще раннее детерминант имени картвельских языков впервые выявляет А. С. Чикобава [11], считая, что исторически основа имени в этих языках, состояла из трех

элементов: окаменелого классного показателя, моноконсонантного корня и детерминативного суффикса. В дальнейшем аналогичная структура основы имени и глагола была засвидетельствована и в абхазо-адыгских языках [6], аварском и андийских языках [10; 3].

Предположение о наличии в глагольной основе аваро-андийских языков суффикса-детерминатива в специальной литературе было высказано на основании следующего тезиса: «Если горские иберийско-кавказские языки родственны картвельским языкам, естественно, что и в этих языках основа должна была оказаться примерно такой же структуры. ...Можно было бы ожидать, что в дагестанских, в частности, в аваро-андийских языках структура основы окажется такой же» [3, с. 22]. Однако, как считает М.Е. Алексеев, уподобление картвельских и аваро-андийских языков является довольно зыбким основанием для выделения детерминативных суффиксов в глагольной системе последних [2, с. 131].

Под детерминативным суффиксом реально, как правило, подразумеваются согласные *н, м, р, л, б, д*, занимающие конечную позицию в основах типа СГС. Возможно и варьирование конечных согласных в разных языках типа кар. *кьeб-* – багв. *кьeр-* «плясать», что является наиболее сильным аргументом в пользу суффиксального характера подобных согласных, хотя здесь и не следует исключать вероятность фонетических процессов. В нынешнем состоянии ахвахского языка в процессе анализа структуры основ большого количества глаголов мы не смогли обнаружить в них такие компоненты, как детерминативные суффиксы, которые характерны для других языков аваро-андийской группы.

Как известно, в общеаваро-андийском состоянии были представлены два вида основ: СГС (Г) (отыменные) – и КП-ГС (Г) (глагольные). Во втором типе детерминатив не был представлен, его можно диахронически выделить только в первом типе основ, т.е. в отыменных основах СГС. В отыменных глаголах, т.е. в глагольных основах типа СГС, исторически можно выделить детерминатив. Но это детерминатив имен, а не глаголов. В количественном отношении такой детерминатив в ахвахских глаголах выявляется: *р* – в 37 глаголах, *н* – в 15 глаголах, *л* – в 8 глаголах, *м* – в 10 глаголах, *б* – в 18 глаголах, *мл* – в 9 глаголах, например: *ко-р-у-руль1а* «двигаться», *ххе-р-у-руль1а* «лазить», *гьа-м-о-нуль1а* «раскрыть (рот)», *ги-м-у-нуль1а* «висеть», *кьу-л-у-руль1а* «нагнуться», *х1у-л-о-руль1а* «кричать», *да-н-у-руль1а* «тянуть», *ши-н-у-руль1а* «прятаться», *ла-б-у-руль1а* «высыхать», *жа-б-о-руль1а* «учить» и др.

Необходимо заметить, что ахвахский глагол имеет тенденцию терять согласный элемент исторического детерминатива, особенно *-б-, -м-, -й*. Около 40 глагольных основ составляют эту группу. Утерянный согласный элемент детерминативов восстанавливается в каузативных формах, императиве и масдаре. Учитывая, что в кавказских языках исторически корень состоит из одной согласной фонемы, а сам по себе отдельно взятый звук

ничего не означает, исследователи считают неправомерным сведение такого корня к основе, снабженной не только суффиксом-детерминантом, но и префиксом. По мнению З. Г. Абдуллаева, охарактеризовать корень как один из видов основы или сводить понятие корня к понятию основы можно лишь в том случае, если понятия совпадают в одной форме [1, с. 364]. В кавказских языках, в том числе в ахвахском языке, нет тождественной с моноконсонантным корнем «простой по составу основы», если признавать наличие в ее составе суффикса-детерминанта, не говоря уже о наличии префиксального элемента в виде «окаменелого классного показателя». Корень и основа – единицы разной величины и структуры, не сводимые друг к другу.

Наблюдаются расхождения среди кавказоведов и в вопросе, куда следует отнести тематический гласный: к основе или к форманту, и при дефиниции детерминанта решающее значение имеет определение его места в структуре слова, рассматривается он в составе основы или нет. Не менее важным при этом считается уяснение и структурной неоднородности глагольной основы, разграничение основы, по крайней мере, двух видов – общепарадигматической или частнословоформной. Разграничение двух базовых структур общепарадигматической и частнословоформной основ связано с разграничением функциональных различий детерминативных и категориальных суффиксов. Основа глагола без суффиксальных морфем выражает лексическое значение и служит базой образования всех форм глагола. В ахвахском языке можно выделить два типа простой основы глагола – классной и неклассной.

Являясь носителем лексического значения и базой образования всех форм глагольной парадигмы, общепарадигматическая основа классных глаголов (основа без суффиксальных морфем) включает в себя классный показатель и корень, а неклассных – только корень (С, ГС, СГС), т.е. корень совпадает с основой. А тематический гласный и детерминант в общепарадигматическую основу не входят, ее образует та часть глагола, которая остается неизменной во всех формах.

Частнословоформная же основа составляет базу для образования конкретной категориальной формы. Тематический гласный оформляет основу конкретной категориальной формы, например: тематический гласный *-у-* оформляет основу непереходного инфинитива: *бехх-у-руль1а* «радоваться», *ук-у-нуль1а* «есть, кушать», *-о-* оформляет основу переходного глагола: *бехх-о-руль1а* «радовать», *ук-о-нуль1а* «кормить», *-а/е -* – основу прошедшего времени: *беххв-а-ри/бохх-е-ри* «обрадовался», *ук-а-ни* «поел», *-и-* – основу настоящего времени *беххв-и-ри* «радуется», *ук-и-ни* «ест, кушает».

Тематический гласный в глагольных формах ахвахского языка функционирует в качестве формообразующей суффиксальной морфемы, составляя основу конкретной категориальной формы, его можно отнести к

соответствующему категориальному форманту. В ахвахском языке тематический гласный выполняет следующие грамматические функции:

- 1) в финитных формах репрезентирует темпоральную корреляцию;
- 2) в инфинитиве репрезентирует корреляцию по переходности / непереходности.

В дагестановедении теоретические основы морфемного членения недостаточно разработаны, также не исследованы структурные и функциональные особенности морфем, что отрицательно сказывается на выработке четких представлений о статусе и функциях тематического гласного в структуре глагола. З. М. Маллаева полагает, что появление тематического гласного в структуре аварского глагола обусловлено фонетическими особенностями языка, а именно – невозможностью сочетания двух и более согласных [4, с. 18]. Возможно, что необходимость появления соединительного гласного была вызвана тем, что основа глагола в аварском языке оканчивалась неизменно на согласный или на лабиализованный комплекс, согласным был представлен также и грамматический формант. Тематический гласный, не имея морфемного статуса, изначально мог нести чисто структурную функцию соединения корневого согласного с категориальным формантом. Возможно, именно для более раннего этапа развития дагестанских языков и справедливо заключение Н. С. Трубецкого [9, с. 325]. Представляется возможным, что в ходе исторического развития языков как раз происходило перераспределение функций, в результате чего тематический гласный принимает на себя функцию различения вновь появившихся грамматических категорий.

Исходя из функциональных особенностей тематических гласных в системе ахвахских глаголов, их можно охарактеризовать как класс формообразующих суффиксов, функционирующих в определенной позиции – между общепарадигматической основой и категориальной флексией.

По мнению ряда ученых, тематический гласный и детерминативный суффикс находятся в соотношении части и целого: во-первых, тематический гласный – это всегда детерминативный суффикс; во-вторых, детерминативный суффикс может быть представлен как тематическим гласным, так и согласным элементом; в-третьих, встречается сочетание тематических гласных и согласных элементов, т.е. сложная детерминация или сложный детерминативный суффикс.

В ахвахском языке без учета классного показателя представлены следующие типы основ: С, ГС (все основы данного типа получены в результате утери согласного элемента классно-числового показателя), СГС (отыменные основы), СГСГС (сложные основы). В составе общепарадигматических глагольных основ ГС, СГС и СГСГС нет послекорневого гласного, функционирующего в качестве детерминанта. Если принять положение, что детерминант не входит в состав общепарадигматических основ закрытых структурных типов, и что он функционирует за пределами

таких основ, то в ахвахском, с учетом того что все типы закрытые, трудно выделить детерминатив, представленный согласным элементом.

Корневая морфема в структуре общепарадигматической основы закрытого типа, как правило, занимает правостороннюю позицию, а детерминант следует за корневой морфемой основы. По этому поводу Н.С. Трубецкой пишет: «Внимательно анализируя пострадикальные элементы форм «финитного глагола» в чечено-лезгинских языках, можно заметить, что эти элементы всегда начинаются с гласного, непосредственно следующего за корневым согласным» [9, с. 324]. Выявляя здесь закономерность относительно даргинских глаголов, З. Г. Абдуллаев отмечает: «Поскольку в качестве корневой морфемы глагола всегда выступает согласный, то постоянно следующий за ней детерминант непременно должен быть представлен гласным, из-за чуждости языку неслоговых сочетаний согласных и стремления языковой структуры к открытости слога или функционального чередования морфем по иерархии СГ. Такой закономерности следующий за корневым согласным детерминативный гласный «поневоле» становится распространителем корня [1, с. 366].

Исторически тематический гласный был обязательным структурным элементом всех глагольных форм. Материал ахвахского языка подтверждает верность мнения Н.С. Трубецкого, что: «в более древнюю эпоху наличие гласного, непосредственно следующего за корневым согласным, было обязательным для всех чечено-лезгинских глагольных форм. Этот гласный можно назвать «тематическим гласным». Он варьирует не только от одной формы к другой (дарг. *ас-и-ра* «я купил», *ас-а-ди* «ты купил», *ис-ус* «я куплю»), но также и от глагола к глаголу, и во многих чечено-лезгинских языках различается по несколько «спряжений», которые отличаются друг от друга, главным образом, распределением по глагольным формам различных по качеству тематических гласных; так, например, в даргинском некоторые глаголы (как, например, *асис* «покупать») имеют -и- в 1-м лице прошедшего времени (*асира* «я купил»), тогда как другие глаголы (как например, *арсис* «улетать») в той же форме имеют -у- (*арсура* «я взлетел») и т.д. [9, с. 325].

Исходя из того, что детерминативный гласный следует за корневым согласным, а корень, в свою очередь, моноконсонантен, детерминативный гласный не может входить в состав этимологического корня, на основании чего Н. С. Трубецкой заключает: «Поскольку тематический гласный обнаруживается во всех глагольных формах и ему всегда непосредственно предшествует корневой согласный, то этот гласный можно рассматривать как составную часть глагольного корня» [9, с. 325]. Однако, анализ материала современных дагестанских, по крайней мере, аваро-андийских языков, не подтверждает, а опровергает это утверждение Н.С. Трубецкого. По одной и той же основе словесные формы разных речевых категорий имеют свои специфические детерминанты, функционирующие в одной опреде-

ленной позиции между корневой морфемой и категориальным суффиксом, но несущие различную грамматическую нагрузку. В глагольных формах детерминативные суффиксы находятся за пределами общепарадигматической основы. Как считает З. М. Абдуллаев, по отношению к этому типу основы нет оснований характеризовать функцию детерминантов как основообразующую. Если все же отмечать у детерминанта таковую, то следует иметь в виду образование не общепарадигматической основ, а основы конкретной категориальной формы [1, с. 367].

Трудно согласиться с мнением, что «...детерминативные суффиксы на современной стадии развития языков не носят на себе никаких грамматических функций» [8, с. 99]. Для выявления суффикса-детерминанта в ахвахском глаголе приходится прибегать к этимологизации или к сравнительно-историческому методу, членение морфемной структуры именно для детерминатива достаточно затруднительно.

В современном аварском языке в качестве детерминативов чаще всего выступают *-р-*, *-н-*, *-м-*, *-л-*, *-б-*, *-д-*. Но кроме них М. М. Нурмагомедов отмечает последовательный анализ получения и других суффиксов-детерминативов путем перехода словосочетаний в сложные глаголы, а последних после утраты первого или, как правило, второго компонента в производные, что дает основание считать, что детерминативными суффиксами можно считать и компоненты: *-хх-*, *-ъ-*, *-чч-*, *-гг-*, *-к-*, *-кк-*, *-тл-*, *-хъ-*, *-хл-*, *-х-*, *-гъ-*, *-чл-*, *-лъ-*, *-къ-*, *-ц-* [5, с. 16]. Однако исчезновение второго компонента не проходит бесследно: от глагола сохраняется его корневой согласный иногда с аффиксальными согласными. Отмечая подобное явление в агульском языке, Н. Д. Сулейманов пишет: «Детерминативный суффикс, который в настоящее время пережиточно сохранился в некоторых глагольных основах, был некогда значимой семой в морфологической ткани агульского языка» [7, с. 138].

Выделяемый в андийских языках, в том числе и в ахвахском, тематический показатель основы не характерен для аварского литературного языка. Как полагает Т. Е. Гудава, «он слился с суффиксами спряжения глагола. Тематический показатель *-н-* имеется во всех глаголах, образующих инфинитив через *-ине-*: *биц-и-н-е* «рассказать». Здесь *-н-* выглядит частью форманта инфинитива» [3, с. 38]. На современном этапе развития исследователи аварского языка считают, что согласный *-н-* выступает частью темпорального суффикса, а именно: суффикса прошедшего времени.

Немалый интерес у исследователей дагестанских языков вызывает и сама структура детерминанта. В кавказоведческой литературе наиболее характерной считается структура суффикса-детерминанта ГС. Основным элементом при этом считается согласный, а функция гласного характеризуется как нечто неопределенное и малозначительное. Но З. М. Абдуллаев вносит коррективы в понимание структуры детерминанта. За согласным

корневым элементом непременно следует детерминативный гласный, а поскольку в одной форме в роли детерминанта может функционировать не один гласный, вслед за ним закономерно может последовать и согласный. Так образуется сочетание двух детерминативных суффиксов в последовательности ГС. Это сочетание двух последующих друг за другом детерминативных суффиксов и принимают за единую структуру детерминанта [1, с. 368]. Причем, соединением послекорневого детерминативного гласного со следующим за ним детерминативным согласным разрушается слоговое распространение самой корневой морфемы.

Говоря о глагольном детерминанте, невозможно пройти мимо одной особенности категориальной деривации, характерной для дагестанских языков. В структуре ахвахского языка, впрочем, как и в аварском и в даргинском, возможен переход категориального суффикса одной формы в детерминативный суффикс другой формы, например: *охь-и-ри* «продает» (от глагола *охь-у-руль1а* «продавать»), *-и-* здесь категориальный суффикс настоящего времени; *охь-и-даве* «тот, кто продает» – *-и-* здесь детерминативный суффикс, оформляющий основу настоящего времени, *-даве* – категориальный суффикс причастия. Совершенно справедливо по этому поводу отмечает З. М. Маллаева, что структурные изменения приводят к изменениям функциональным [4, с. 23].

Таким образом, можно констатировать следующее.

1. Согласный элемент детерминативного суффикса СГ в глагольных основах типа КП-ГС исторически не представлен. Эти основы чисто моноконсонантные корни.

2. Если принять к сведению тезис, что детерминатив не входит в состав общепарадигматических основ закрытых структурных типов (а в ахвахском языке все глагольные общепарадигматические основы составляют закрытые структурные типы как ГС, СГС), то в нынешнем состоянии детерминатив в ахвахском глаголе не выделяется.

3. В отыменных глаголах, т.е. в глагольных основах типа СГС, исторически можно выделить детерминатив. Но это детерминатив имен, а не глаголов.

4. Тематические гласные, оформляющие частнословную категориальную основу, представлены во всех глаголах и его формах.

5. В ахвахском языке тематический гласный выполняет грамматические функции: 1) в финитных формах репрезентирует темпоральную корреляцию; 2) в инфинитиве репрезентирует корреляцию по переходности / непереходности.

6. Тематические показатели, выделяемые Т. Е. Гудава, представлены в ахвахском языке согласными *р* и *н*, соответственно выделяется два типа спряжения или два ряда: ряд «н» и ряд «р».

Список литературы

1. Абдуллаев З. М. Даргинский язык. Часть II: Морфология. – М., 1993.
2. Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. – М., 1988.
3. Гудава Т. Е. Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках. – Махачкала, 1959.
4. Маллаева З. М. Видовременная система аварского языка. – Махачкала, 1998.
5. Нурмагомедов М. М. Структура глагола в аварском языке. – Махачкала, 2000.
6. Рогава Г. В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. – Тбилиси, 1956.
7. Сулейманов Н. Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. – Махачкала, 1981.
8. Талибов Б. Б. Структура глагольных основ в дагестанских языках // Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. – М., 1971.
9. Трубецкой Н. С. Строй восточно-кавказских языков // Избранные труды по филологии. – М., 1987.
10. Церцвадзе И. И. Андийский язык: Грамматический анализ с текстами. – Тбилиси, 1965.
11. Чикобава А. С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. – Тбилиси, 1942.

Архитектура специализированного словаря английского языка мировой экономики

В статье анализируется английский специализированный язык мировой экономики. Рассматривается проблема архитектуры специализированных словосочетаний этого языка. Проводится экспериментальный анализ структурных схем специализированных словосочетаний с использованием методики антропологического анализа в сфере прикладной лингвистики.

The paper deals with the world economy specialized language. The problem of specialized world economy word-combinations architecture is concerned here. The experimental analysis of specialized structural schemes is discussed here using the anthropological method. The observed results concerning applied linguistics are registered in the paper.

Ключевые слова: специализированный язык, мировая экономика, специализированный словарь, специализированные словосочетания, структурные схемы, архитектура специализированного словаря.

Key words: specialized language, world economy, specialized vocabulary, specialized word-combinations, structural schemes, specialized vocabulary architecture.

Статья посвящена вопросу архитектуры словаря английского специализированного языка мировой экономики. Авторские наблюдения ограничиваются анализом фрагмента изучаемого языка. Этот специализированный английский весьма отличается от классических специализированных языков и от новых научных и специальных языков второй половины и последней четверти XX в. Язык мировой экономики не может быть соотнесен с другими специализированными инженерными, научными или технологическими языками, ибо экономика занимает место, уникальное и специфическое как самостоятельная сфера знания. Ближе всего этот специализированный язык по составу и архитектурной особенности построения стоит к языку менеджмента, сформировавшемуся значительно позже.

Основным признаком специализированной лексики является тематическая специфичность употребления: специализированная лексика используется для обозначения понятий специальных областей знания. Специализированная лексика тесно связана с развитием научного познания и наименований понятий, уровнем и характером развития знаний и отношений к специализированному словарю, способами их образования и упорядочения. Определенная зависимость также существует между основными исходными типами знания, т.е. старыми представлениями об окружающем мире и современными гуманитарными, естественными и

техническими науками. На протяжении развития научных знаний уровень научных представлений и характер мировоззрения оказали значительное влияние на развитие знаний, отношение к специализированной лексике и на ее способы образования. XX век характеризуется прогрессом всех специализированных сфер знания. В этот период продолжается процесс взаимодействия отдельных наук, дисциплин с последующим явлением интерференции специализированных единиц и, соответственно, увеличением длины словосочетаний. И одновременно может фиксироваться переход к более сокращенной форме до акронимов. Кроме того, регистрируется взаимодействие национальной и заимствованной лексики, вызванное расширением международного обмена информацией. Развитие научных знаний приводит не только к росту, но и усложнению характера специализированной лексики.

Специализированная лексика является элементом культурной среды, т.е. результатом развития цивилизации, а также хранения ее истории. Этот языковой пласт способен к регулированию и упорядочению. Для специализированной лексики обнаруживается прямая связь между развитием языка и культурой народа. Изменение в лексике языка открывают картину мира человека, развития его сознания и, соответственно, конкретных областей знания, а также смену отдельных лингвистических этапов, что отражено в объеме и свойствах используемой лексики.

Различные средства характеризуют словообразование в специализированных лексических системах. Синтаксический способ пополнения специализированного словаря является наиболее продуктивным и доминирующим. Здесь наблюдается процесс упорядочения обычных свободных словосочетаний в довольно устойчивые для конкретной сферы знания. Статистика также говорит в пользу такого рода словосочетаний. Этот способ является доминирующим для специализированных европейских языков; именно словосочетания говорят о современном состоянии специализированного словаря. Наиболее частотные словосочетания имеют тенденцию к сокращению путем утраты одного из компонентов данного словосочетания, что упрощает их использование. Ряд последовательности использования словообразовательных средств может быть выявлен в ходе исторической эволюции специализированных систем и предполагает следующий порядок. За семантическим средством следуют морфологические, затем синтаксические и, наконец, морфолого-синтаксические.

Морфолого-синтаксические способы образования специализированной лексики представляют в основном средства компрессии старых специализированных словосочетаний, длинных по наполнению и, соответственно, неудобных в практике использования, что приводит к созданию новых востребованных. Предпочтение отдается внедрению коротких вариантов в связи с наблюдаемой эквивалентностью синтаксических и морфологических специализированных словосочетаний. В связи с этим та-

кое словосочетание с меньшим набором компонентов обладает большим потенциалом практического использования. Краткость и мотивированность специализированного словосочетания являются оптимальным и желаемым условием его существования.

В связи с прогрессом специализированного знания, повышения образовательного ценза фиксируется двусторонний процесс отделения специализированного словаря от общеупотребительного и одновременно проникновения специализированных лексем в общеязыковой словарь. Это положение подтверждает тезис о том, что процесс познания пропорционален современному уровню развития специализированной лексики.

Громоздкость специализированных словосочетаний является серьезной проблемой для их широкого употребления, в связи с чем предпочтения отдаются укороченным словосочетаниям. Логическая краткость говорит о фиксации минимального количества идентификационных признаков, т.е. отсутствия элементов, не несущих смысловой нагрузки. При этом востребована мотивированность специализированного словосочетания, ибо последнее связано с систематической прозрачностью, когда связь называемого понятия конкретного словосочетания реализуется с другими в данной системе понятий.

Семантическая структура словосочетаний вызывает ассоциации с уже известными понятиями в данной сфере специализированного знания. Такие специализированные словосочетания (предтермины) представляют собой не монокомпонентный номинативный оборот, называющий понятие и достаточно точно описывающий его сущность. Такое словосочетание обычно не отвечает требованию краткости; это может быть сочинительное словосочетание. Обычно специализированные словосочетания используют для новых понятий, которые отличает временный характер, неустойчивость формы и часто отсутствие нейтральности. Такое свободное словосочетание может закрепляться в специализированном языке и приобретать устойчивый характер. Специализированные словосочетания можно подразделить на двухкомпонентные, трех- и многокомпонентные. Такие типы словосочетаний выделяются на базе современного восприятия структуры термина. В этом случае, семантика конкретизируется под действием распределения значений и формирования новых лексических единиц. Специализация значения маркируется, когда заимствуется единица в специализированную сферу, утрачивая явление синкретизма.

Особенность модели образования специализированного языка определяет характер соответствующей ему специализированной лексики. Изучение специализированного английского языка мировой экономики показало, что его словарь сформировался из общеязыковых лексем, а также лексики многих сфер знания, а именно математики, истории, торговли, международного права и многих других, что говорит о междисциплинарном характере анализируемого языка.

Специализированный словарь обычно предполагает наличие терминов, номенов, профессионализмов, предтерминов (и квазитерминов) и терминоидов. Исследуемый фрагмент письменного специализированного языка мировой экономики представлен многокомпонентными словосочетаниями в виде предтерминов (a wait-and-see phase, the euro zone domestic demand и т.д.), которыми пользуются для называния понятия с целью его точного описания, исключая характеристику краткости. Здесь имеют место сочинительные словосочетания (purchasing, recruitment & investment decisions), словосочетания с предложной связью (the climate of uncertainty, any increase in crude product). Маркируются глагольные словосочетания в статусе профессионализмов ненормативного характера (to contribute to worsening public-spending deficits, to slow down growth, to hamper business, to be dragging down the dollar, to enjoy sustained progress).

Синтаксический способ образования специализированных словосочетаний является также наиболее продуктивным средством пополнения специализированного словаря языка мировой экономики. Современный словарь мировой экономики фиксирует доминирующую роль словосочетаний как их специфическую структурную характеристику. Основной процент такой лексики представлен номинативными конструктами с атрибутивной связью между отдельными компонентами. Весьма распространенным остается двухкомпонентное номинативное словосочетание с атрибутом в препозиции и именем существительным в качестве ядра. Кроме того, регистрируются словосочетания с именем существительным в препозиции (oil prices, energy prices), которые презентированы как наиболее частотные. Ядерный опорный компонент регистрирует специализированную сферу знания и само специализированное понятие, заложенное в нем. Структурная схема анализируемого типа словосочетания выстраивается по формуле NN или NsN (the twin deficits, the leader's confidence etc.). Атрибутивные специализированные словосочетания с прилагательным в препозиции (western economies, significant rise etc.) реализуются по модели AN. В словосочетаниях handicapping exporters, purchasing decisions, worsening deficits (VingN) присутствует адъективированное причастие с качественным признаком вместо утраченного временного.

Такие двухкомпонентные словосочетания не столь частотны по сравнению со специализированными словосочетаниями типа sustained progress, fixed theorems (VedN), где причастие прошедшего времени манифестирует утрату временного характера, трансформируя его в качество. Весьма незначительный процент составляют словосочетания типа leader's confidence (NsN), где атрибутивный компонент сохраняет формальный признак одушевленности, подчеркивая консерватизм специализированного языка мировой экономики.

Предложные сочетания строятся по структурным схемам NofN, NNoFN (the climate of uncertainty, the twin deficits of finance), NinN (the

depreciation in the value, increase in product, growth in business, cuts in taxation). В языке мировой экономики предложные словосочетания, как показывают наблюдения, довольно частотны, что не говорит в пользу компрессии подаваемой информации, которая весьма характерна для «новых» современных специализированных языков. Некоторые предложные модели могут трансформироваться в беспредложные. Во всех случаях можно рекомендовать замену (в соответствии с тенденциями развития специализированной лексики) длинных моделей более короткими. Двухкомпонентные словосочетания, будучи наиболее продуктивными, базовыми моделями могут влиять, соответственно, на уменьшение числа трех- и более компонентных словосочетаний, ибо эти модели формируются на основе исходных двухкомпонентных словосочетаний.

Английские двухкомпонентные словосочетания типичны для анализируемого специализированного языка, где ядерный заряд несет имя существительное, а атрибутивный элемент обычно представлен прилагательным, либо адъективированным существительным, причастием настоящего или прошедшего времени. Все это акцентирует принадлежность к конкретному специализированному понятию, выражаемому ядром одного словосочетания. Сформировавшаяся сфера специализированного знания начинает энергично развиваться, испытывая необходимость в пополнении своего словаря. Самый быстрый способ пополнения в этом случае связан с формированием специализированных словосочетаний. Наиболее востребованными для удобства использования являются укороченные по количеству входящих компонентов, в связи, например, с утратой, некоторых из них. Когда специализированный язык переживает расцвет, вызванный прогрессом знаний и, соответственно, порождением новых понятий, тогда и вливается мощный поток специализированных словосочетаний. В этом случае синтаксические средства пополнения специализированного словаря становятся доминирующими, что выражается в увеличении количества специализированных многокомпонентных словосочетаний. Исходным элементом таких компонентов являются сами специализированные понятия, с последующим интенсивным обрастанием их атрибутами, что приводит к сужению и уточнению значения. Стремление к дополнительной детализации понятия может выражаться в увеличении длины словосочетания путем последовательного добавления дополнительных компонентов – элементов к базе, т.е. к двухкомпонентному образованию.

Атрибутивный компонент способствует раскрытию функции, свойства, состава, материала объекта, формы ядерного компонента: domestic demands, the model purchase, the Arrow-Debreu model, sustained progress, abstract conditions. В специализированном языке мировой экономики также представлены квазитермины с сочинительной связью:

await-and-see phase, recruitment & investment, purchase & sell contacts и т.д. Трехкомпонентные английские специализированные словосочетания распределяются по следующим моделям: ANN – the intertemporal equilibrium model, the mathematical topology language, VedNN – fixed point theorems, NVingN – consumer spending conception, NAN equilibrium axiomatic model, VingNN – spearing hyperplanes concept. Рассмотрим еще один блок моделей: AVing N – sensitive increasing fluctuations, ANN significant slow rise, VedVingN – sustained increasing prices. Трехкомпонентные словосочетания обычно формируются по моделям: VedAN – suggested slow growth, NsNN – leader's business confidence, NofAN – a model of international trade.

Рассмотренные предложные специализированные словосочетания маркируются по структурным формулам NofAN и NofN – deficits of public finance, the climate of uncertainty, the conception of general equilibrium, the model of intertemporal equilibrium, states of Nature. Для предложных словосочетаний предлагаются модели NinN, NinAN, ANinN, and ANinNN – cuts in taxation, increase in crude prices, slow growth in business, significant rise in oil prices. Кроме того, фиксируются и другие структурные схемы NumAdvN – a one-off factor, NforN – a contract for the transfer, NonN – an event on the occurrence, AdvAN – fairly slow growth, NandVN – purchase and sell contracts.

Экспериментальные наблюдения показали, что английский специализированный язык мировой экономики отдает предпочтение предложным словосочетаниям, что объясняется временем и эпохой его интенсивного формирования. Архитектура структурных схем специализированных словосочетаний имеет тенденцию исключать беспредложные конструкты типа energy prices fluctuations. Такая схема не характерна для исследуемого языка, ибо семантика словаря мировой экономики не требует жесткой компрессии подаваемой информации. Язык мировой экономики избегает использования длинных многокомпонентных существительных (strings), наоборот, здесь фиксируется тщательное выписывание важных, акцентных деталей именно с помощью предложных связей. Объясняется это антропологически, поскольку язык мировой экономики оформился на базе многих исторических специализированных языков. Нельзя отрицать влияние языка истории, исторических событий и фактов, отдельных событий и событий мирового масштаба, языка политики как мировой, так и отдельно взятой страны, языка войны, военных действий, горячих событий в мире, а также языка финансов и рынка. Эти факторы не могли не отразиться на формировании английского письменного специализированного языка мировой экономики.

Трехкомпонентные специализированные словосочетания обычно базируются на исходных двухкомпонентных, которые определяются более тесными структурно-семантическими отношениями. Такие словосочетания

рассматриваются как самостоятельные специализированные единства, например, first fundamental theorem – fundamental theorem, real estate prices – estate prices.

Четырехкомпонентные английские специализированные словосочетания могут распределяться по следующим структурным схемам: NNNN – existence theorems abstract conditions, ANNN – modern concept base equilibrium, VedNNN – increased business growth deficits, NVedNN – cuts contributed taxation problem, NVedVingN – trade balanced worsening conditions. В этих модельных схемах акцент также сдвинут на двухкомпонентные словосочетания, либо их сочетаемость. Таков же алгоритм архитектурного построения у пяти- и шестикомпонентных: worsening public-spending deficites balance (VingAVingNN), public finances twin deficits factors (ANNNN), fairly slow growth oil prices unwelcome publicity (AdvANNAN), что встречается крайне редко. Схема структуры такого специализированного словосочетания выделяет понятие в системе других родственных понятий, т.е. ядро, которое реализует связь со специализированным знанием. Такое словосочетание обладает способностью к удлинению, либо сжатию подаваемой информации для более профессиональной реализации.

В результате экспериментального наблюдения и на основе полученных результатов можно констатировать, что архитектура словаря специализированного языка мировой экономики в основном определяется двухкомпонентными словосочетаниями, доминирующими структурными моделями, которые представлены схемами NN, AN, VingN, VedN; менее частотными, но не менее продуктивными являются структуры NofN, NforN, NonN. Будучи консервативным по архитектуре построения, словарь английского языка мировой экономики претерпевает тенденцию к сохранению ограниченного количества составляющих словосочетание компонентов для удобства их использования и сохранения традиции. Оптимальным условием функционирования специализированных словосочетаний считается сочетаемость краткости с мотивированностью. Сформировавшаяся специализированная сфера знания и, соответственно, корреспондируемый этому знанию специализированный язык, взаимодействуя, порождают новые специализированные единицы, быстро пополняя специализированный словарь.

Развитие специализированного английского языка мировой экономики – это непрекращающийся процесс совершенствования специализированной сферы знания. Детализация специализированного понятия способствует росту числа специализированных словосочетаний и постоянному упорядочению их длины. Такие процессы наблюдаются в довольно спокойные этапы развития специализированного знания. Любые изменения в мировой политике, экономике, переломные, драматические события в сфере экономической политики, экономических кризисов, как и выход из них – все это синхронно интерпретируется как в наполнении, так и архи-

текстуре построения специализированных единиц и словаря в целом. Характер сферы специализированного знания, понятия во многом определяет особенность семантики специализированных словосочетаний и степень их упорядочения. Изучение развития специализированного словаря показывает не только характер его количественных и качественных изменений, но также рост связей между элементами специализированной структуры. Развитие специализированного знания рассматривается как непрерывный процесс последовательной трансформации научных понятийных систем, универсальным средством выражения которых выступают специализированные структуры и особенности их архитектурного построения.

Список литературы

1. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г. Основы антропологистики. – М.: Росстем, 2005.
2. Лаврова А. Н. Специальный английский: модели для резюмирования и реферирования (наука, технология, пресса). – Н. Новгород: НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2009.
3. Grinev-Griniewicz Sergiej. Evolution of terminology and culture / Language and Culture: Establishing foundations for anthropological linguistics. – Bialystock. – 2004. – P. 27-42.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

УДК 81'37:81'276

О. Ю. Авдевина

Социальные аспекты действительности в семантике восприятия

В данной статье анализируется развитие социальных аспектов в семантике глаголов восприятия и наименований лиц по перцептивному действию. Автор приходит к выводам, касающимся закономерностей отражения в языке взаимодействия психологических и социальных сфер бытия.

In the following article the development of social aspects in the semantics of the verbs of perception and designations of persons by perceptive action is analysed. The author comes to the conclusions concerning the regularities of the reflection of interaction of psychological and social spheres of being in the language.

Ключевые слова: социальная действительность, восприятие, перцептивные глаголы, наименования лиц, лексическая семантика.

Key words: social reality, perception, perceptive verbs, designations of persons, lexical semantics.

Семантика восприятия, реализующаяся во многих языковых единицах и категориях, связана с понятием «действительность», прежде всего, через смежное, кажущееся тождественным последнему понятие «реальность». Реальность же может быть представлена в двух ее основных аспектах: как чувство непосредственности контакта субъекта с миром (*реальность происходящего*) и как само бытие, сам мир, в котором мы существуем (*объективная реальность*).

Психологи утверждают, что реальность как чувство возникает на начальном этапе когнитивного процесса – этапе восприятия, эмпирического познания: восприятие – это чувственное познание, «субъективно представляющееся непосредственным», для которого характерно «специфическое переживание прямого контакта с миром и *чувство реальности воспринимаемого* (курсив наш. – О.А.)» [6, с. 121]. Появление этого чувства обусловлено физиологичностью контакта – обязательным условием любого вида перцепции, ведь восприятие имеет сенсорно-эмпирическую природу: оно детерминируется воздействием объектов окружающей среды на органы чувств живого существа.

Реальность как бытие отличается неоднородностью форм, моделей, областей проявления. Уже само понятие реальности в том виде, в котором оно сформировалось и используется в философской науке, указывает на эту разноплановость бытия: «В современном научном познании термин

«реальность» используется для обозначения того или иного аспекта или фрагмента универсума, составляющего предметную область соответствующей науки (физическая реальность, биологическая реальность, языковая реальность и т.п.)» [10, с. 548]. Реальность как окружающая человека действительность тоже непосредственно связана с процессом восприятия мира. Психологи рассматривают названные выше аспекты реальности–бытия в качестве уровней организации существования человека, определяющих его как субъекта восприятия. «В физической системе отношений субъект выступает как телесное существо, «погруженное» в вещно-оформленную абиотическую среду. <...> В рамках биологической системы отношений <...> действительность открывается живому существу не в форме предметов созерцания, а в форме предметов потребностей и действий. <...> В рамках социальной системы субъект предстает как личность» [5]. В социальной действительности «исключительного развития достигает коммуникативная функция, а взаимодействие человека с миром подчиняется законам общественной жизни» [5], можно дополнить – в том числе системе ценностей и представлений, отражающихся и в языке. Несмотря на то что «на уровне социальной перцепции природный пласт ее организации оказывается снятым» [5], все уровни бытия образуют «единство когнитивной сферы» [2], составляющее предмет социальной психологии, изучающей восприятие больше как результат, а не как процесс [2]. Таким образом, социальная действительность в равной степени с другими аспектами существования человека определяет специфику восприятия и познания, и представления о ней не могут не отразиться в перцептивных языковых значениях.

Рассмотрим концептуализацию социальной действительности в семантике перцептивных глаголов. Слитность уровней бытия как «единство когнитивной сферы», отразившееся в языке, реконструируется в анализе семантики перцептивной лексики. Концептуализация социальной действительности осуществляется, прежде всего, в глаголах, обозначающих различные виды восприятия: *видеть*, *смотреть*, *слышать*, *слушать*, *ощущать* и т.п. Сравнение же их вторичных значений позволяет выделить те характеристики, которые репрезентируют представления об устройстве общества, социальной иерархии, отношениях людей. И главной такой характеристикой можно считать общение – межличностное взаимодействие людей посредством речи.

Как известно, среди значений, порожденных чувственным восприятием мира, «наиболее развиты и тонко дифференцированы понятийные эквиваленты зрительных впечатлений. Зрительное восприятие мира играет большую роль в формировании понятийной сферы и соответственно языковой семантики» [4, с. 42]. И сему социального взаимодействия в форме общения мы выделяем, прежде всего, у слов, обозначающих этот вид перцепции.

Так, содержание глаголов *видеть* и *видеться* включает значения, маркирующие социальный контакт, при котором не может не быть общения:

Видеть 2. (оттенок) 'Видеться с кем-л., лично встретить кого-л.'; – *Что вам угодно? – спросил лакей... Мне хотелось бы видеть господина редактора.* Григорович; *Полгода не видел он товарищей: какие они стали?* Горбатов [9];

Видеться 2. 'Встречаться, иметь свидание'; – *Да, я непременно хочу с тобой опять видеться.* – *Ну я когда-нибудь опять сюда приду за грибами.* Пушкин. Барышня-крестьянка; *Мы с тобой в последний раз в Кременчуге виделись?* А. Островский. Лес [9].

Таковы и все употребления глаголов восприятия в контекстах, где дополнение – лицо: *увидеться, встретить, встретиться, заглянуть* (к приятелю) [8, с. 215 - 216].

Для таких значений в словаре не отмечена сема речевого взаимодействия общающихся, но она неизменно предполагается в значениях 'встреча', 'свидание', где речевое взаимодействие – обязательное условие любой ситуации общения. Однако в некоторых случаях это значение в предикатах восприятия актуализируется особо. Так, Е. В. Падучева обращает внимание на возникновение значения 'сказать нечто краткое' [8, с. 230] у глагола *заметить* и на существование переноса 'восприятие → речь' как модели семантической деривации перцептивных глаголов, однако отмечает, что в русском языке эта деривационная модель – переход от восприятия к речи – не продуктивна [8, с. 200].

Для русского языка характерно маркирование того или иного типа неравенства межличностного общения (ролевого ситуативного или социального). Так, аспект социальной иерархии, своеобразного неравенства общающихся выделяет в ряду значений глагола *лицезреть* Ю.Д. Апресян: этот глагол имеет два круга употреблений – современный и устаревший. В первом этот глагол используется преимущественно шутливо или иронически и близок к синониму *видеть*. Однако обычно содержит ироническое указание на более высокий социальный статус объекта по сравнению со статусом субъекта или на его большую важность (*сегодня лицезрел самого президента*) [3, с. 94]. Во втором круге употреблений – вне шутливых и иронических контекстов, это слово устарело, но именно в таких употреблениях оно обладает наибольшей семантической спецификой: лицом к лицу, на небольшом расстоянии и глядя в лицо человеку [3, с. 94]. Представления о социальном неравенстве общающихся мы выделяем и у других перцептивных глаголов (см. ниже).

Участие в формировании представлений о социальной реальности является в семантической структуре лексики, прежде всего, аудиального восприятия, так как именно эта форма перцепции, в силу звуковой природы самой речи, напрямую связана с межличностным контактом, челове-

ским общением. Имплицитный компонент 'участие человека в социальном бытии' является почти обязательным для слов этой группы.

Так, в глаголе *слышат* содержатся значения, свидетельствующие о важности слухового восприятия в обмене информацией в процессе общения:

3. 'Иметь какие-л. сведения, знать (по разговорам, слухам и т.п.)': *Я слышал, что хотят ляхи строить какую-то крепость. Гоголь; Слышали новость, Мокий Парменыч? Лариса Дмитриевна замуж выходит. Островский. Бесприданница [9];*

– или об участии этой формы восприятия в организации самой коммуникации, например:

6. *Слышишь, слышите.* 'Употребляется для подчеркивания сказанного, настоящего указания на что-л.': – *Помни, Александр, что у тебя есть дядя и друг – слышишь?* И. Гончаров. Обыкновенная история [9].

Этими значениями маркируется промежуточный этап перехода от простого психофизиологического восприятия речи к пониманию ее содержания, принятию услышанного в арсенал своих знаний, сведений о чем-либо, к установлению достоверности (реальности) услышанного.

Промежуточный характер этих значений проявляется в отсутствии ментального результата – логического вывода из перцептивных впечатлений, в некоторой поверхностности такого рода восприятия речи: так, *слышать новость* не означает ей поверить, ее принять. Поэтому возможно сочетание глагола *слышат* в этом значении с наименованиями речевых жанров небольшого объема и не очень сложного содержания: *слышать сплетню, слышать легенду, слышать новость, слышать объявление, слышать историю, приключившуюся с ним во время путешествия в Азию.* Но невозможно: *слышать курс тригонометрии, слышать историю Древнего мира, слышать риторику* и т.п. Это же значение – поверхностного, недосконального восприятия информации, едва коснувшегося сознания, информации, обладающей сомнительной достоверностью – закрепляется на периферии одного из значений слова *слух*:

2. 'Весть, известие о чем-л. Чаще мн. ч. известия, сведения, достоверность которых не установлена (*слухи*)': (...) *Про него идет слух, что он в прошлом году приказчика своего убил из-за его жены.* М. Горький [9].

Специфика человеческого общения проявляется и в некоторых устойчивых употреблениях этого слова, например: *оскорбить чей слух* – 'быть крайне неприятным для чьего-л. слуха'. Вариант этого выражения *оскорбить чье-л. зрение, взор* тоже связан со сферой социального восприятия и также использует лексику перцептивного содержания. Это значение маркирует область бытового межличностного общения с имплицитным индивидуализированным субъектом восприятия, который выступает и в качестве субъекта социального общения.

Глагол *слушать* «социологизирован» в большей степени, чем глагол *слышать*, в силу специфичности его значения: как было уже сказано выше, он обозначает целенаправленное действие, а не действие-состояние, а любое целенаправленное действие так или иначе осуществляется и закрепляется в совокупности, системе действий, т.е. в деятельности, которая всегда характеризуется социальной целесообразностью (любая деятельность социальна). Поэтому у глагола *слушать*, по сравнению с глаголом *слышать*, выделяется больше значений, концептуализирующих социальную реальность, область социальной деятельности и иерархизированного социального общения:

3. (...) 'Публично разбирать (какое-л. судебное дело)': *Слушать дело о краже со взломом*. 'Знакомиться на слух с чем-л. публично оглашаемым'. *Слушать на партбюро отчет месткома*; 4. 'Изучать что-л., посещая лекции': *Слушать курс высшей математики*; 5. 'Принимать во внимание чьи-л. слова, просьбы, советы и т.п.': *Глафира верно говорит! Надо лечиться серьезно. Ты – никого не слушаешь*. М. Горький; 6. 'Подчиняться чьим-л. распоряжениям, следовать чьим-л. советам'; 'слушаться': *Я тебя выучу, как родителя слушать*. Мамин-Сибиряк; 7. **Слушайте**. 'Употребляется при обращении к кому-л. в начале разговора для привлечения внимания'; 8. **Слушаю и слушаю-с**. 'Ответ младшего или подчиненного лица на распоряжение, означающий, что оно принято к исполнению': *Коли приедет дама, ты звони два раза. – Слушаю-с*. Сухово-Кобылин; **Слушай!** – 1) 'крик, означающий приказ выслушать следующую затем команду': – *Слушай, на караул!*; 2) (устар.) 'восклицание, которым переключались ночью часовые': *Часовые с двух сторон коридора кричали каждые четверть часа протяжно и громко: «Слу-у-ушай!»* Герцен [9].

Нельзя не обратить внимания на разнообразие намеченных этими значениями аспектов общения, а вместе с тем и аспектов социальной жизни: юридическое, административное, межличностное бытовое общение, сфера образования, сфера армейского этикета.

В них выделяется сема 'публичный', эксплицитная в значении 3 и имплицитная в значениях 4, 6, 8. Появление этой семы можно рассматривать как результат развития значения слухового восприятия, ведь в случае со *слушать* в названных значениях дело идет не просто о предназначении информации для широкой огласки, а о ее устной передаче и восприятии «на слух» в прямом смысле слова: *слушать* (т.е. 'воспринимать слухом') то, что читают или обсуждают устно – материалы судебного дела, лекции, отчеты, советы и т.п. Однако эта же сема связана и с семантикой социального бытия в той ее части, которая репрезентирует сферу и объект слухового восприятия – осуществления действия по глаголу *слушать* – в данных случаях 'слушать речь', а речь всегда социальна, так как адресована и предполагает общение двух и более лиц.

Возвращаясь к вопросу об отражении в перцептивной семантике неравенства социальных статусов общающихся, отметим следующее. Глагол *слушать* в значениях, связанных с восприятием речи, не просто маркирует социальную реальность, но и помогает обнаружить определенные представления об устройстве социальной жизни. Так, общение оказывается ранжированным, иерархичным: из двух участников, необходимых для осуществления акта общения, один (слушающий) является психологически и даже социально как бы подчиненным другому (говорящему). Говорящий не просто говорит, он «имеет право» говорить, давать советы, поучать, командовать и т.п. Воспринимающий (слушающий) должен принимать советы, распоряжения к сведению, руководствоваться ими, повиноваться (значения 4, 5, 6, 8, значения междометной формы *Слушай!*, т.е. 'исполняй'). Это распределение социальных ролей отражается и во множестве других слов, производных от глагола *слушать*:

Слушаться 1. 'Подчиняться чьим-л. распоряжениям, следовать чьим-л. советам; повиноваться. Послушно действовать, повиноваться кому-, чему-л. (об управляемых механизмах, предметах или частях тела)': *Слушаться родителей; – Выжди немного; ишь какая... погода, зги не видно. Эй, в сугробе засядешь! Григорий не слушался.* Григорович. Деревня; **2.** *Слушаюсь* 'Ответ младшего или подчиненного лица на распоряжение, означающий, что оно принято к исполнению': – *Даю вам десять минут, приведите себя в порядок. Ступайте! – Слушаюсь, привести себя в порядок!* Изюмский [9].

Слушатель 1. 'Тот, кто слушает кого-, что-л.: *Общество было ему необходимо: он любил поболтать, поспорить, любил, чтоб перед ним всегда сидел слушатель.* Достоевский [9].

Послушание 1. 'Повиновение, покорность': *Не ожидая выражения согласия, урядник затворил дверь, видимо мало рассчитывая на послушание казаков.* Л. Толстой. Казаки; **2.** Церк. 'Обязанность, которая возлагается на каждого монаха или послушника в монастыре, а также работа, обязанность, выполняемая во искупление греха, проступка': *Налагал я на себя всякие послушания: вставал по ночам и поклоны бил, камни тяжелые таскал с места на место, на снег выходил босиком.* Чехов. Убийство [9].

Послушный. 'Покорный, повинующийся': *Половину следующего дня она была тиха, мочалива и послушна, как ни мучил ее наш лекарь припарками и микстурой.* Лермонтов. Бэла; Град.-поэт.: 'отдающийся во власть чего-л.': *Он пел любовь, любви послушный, и песнь его была ясна, как мысли девы простодушной.* Пушкин. Евгений Онегин [9].

Послушливый – 'послушный, покорный': *Тихий, послушливый, исправный, он ... далеко не был лихим матросом.* Станюкович. Ночью [9].

Послушно нареч. к 'послушный' [9].

Непослушный 'такой, который не слушается, не желает слушаться, повиноваться'. *Непослушный ребенок* [9].

Послушник (послушница) – 'прислужник в монастыре, готовящийся стать монахом': – *Он снова ушел в монастырь, был послушником, последний раз я его видел таким суровым, молчаливым монашком.* М. Горький. Жизнь Клима Самгина [9].

Неслух 'непослушный человек (чаще ребенок)': *Я не знаю, в кого ты стал неслухом.* А. Н. Толстой [9].

Восприимчивость или невосприимчивость слушающего к речевому воздействию, к влиянию на него говорящего (и речи в целом) находит выражение в ответных действиях: появляются семы 'действие', 'работа' (*послушание, послушный, непослушный, послушник*). Проекция этих сем на разные сферы реальности (мир физических объектов и социальную реальность) помогает установить существенное различие между синонимичными понятиями «реальность» и «действительность» (с его внутренней формой, связанной с *действием, деятельностью*). Различие заключается в том, что «действительность» эксплицирует социальный аспект бытия, что отражается уже в содержании этого слова – во вторичном его значении:

Действительность 2. 'Объективные условия существования людей, окружающая обстановка'. *Русская действительность. Современная действительность* [9].

В речевой практике это понятие соотносится с понятием «очевидность», также восходящим к семантике восприятия. «Действительность» и «очевидность» обозначают разную степень достоверности интерпретируемого явления и разные уровни освоения окружающего мира познающим субъектом (подробнее об этом см. нашу работу: [1]). Как видим, социальный аспект реальности так или иначе «проступает» в значениях действия человека или системы действий, то есть деятельности.

Концептуализация социальной действительности происходит и в наименованиях лиц по перцептивному действию. Семантика деятельности, а значит и социальной реальности своеобразно преломляется в наименованиях лиц, образованных на базе перцептивной лексики: *слушатель, зритель, свидетель, очевидец, наблюдатель, созерцатель, смотритель, надсмотрщик, надзиратель* и т.д. Слова этой группы лексики связаны с предикатами восприятия – непосредственными вербализаторами перцептивного процесса – не только семантически, но и словообразовательными отношениями. Они являются их производными и сохраняют компонент перцептивной семантики, благодаря именно этому своему происхождению.

К группе наименований лиц по перцептивному действию относятся субстантивы, производные от первичных маркеров восприятия – глаголов *видеть, смотреть, глядеть, зреть (зрить), слушать, наблюдать, созерцать* и т.п. От них образуются слова *свидетель, очевидец, смотритель, зритель, соглядатай, созерцатель, наблюдатель, слушатель, послушник*. В возникновении таких наименований выявляется множество закономерностей

стей, обусловленных языковыми представлениями о психологии и онтологии восприятия и психологической природе человека. Одной из таких закономерностей можно считать сохранение в семантике наименования лица значения произвольности / произвольности перцептивного действия: *очевидец* – это невольный наблюдатель событий, а *смотритель* наблюдает за кем- или чем-либо специально, целенаправленно. Наименования лица образуются в основном от глаголов произвольного целенаправленного действия: *смотреть* – *смотритель*, *глядеть* – *соглядатай*, *слушать* – *слушатель*, *нюхать* – *нюхатель* и т.п. От глаголов произвольного восприятия, таких как: *слышать*, *ощущать*, *чувствовать*, *обонять*, *осязать* – наименования лиц не образуются.

Причина такого ограничения действия словообразовательных процессов в области перцептивной лексики заключается, на наш взгляд, в самой идее наименования лица: человека именуют из необходимости его идентификации в социальной жизни, «для других людей», «в кругу других людей», в сравнении с другими людьми. А социальной значимостью обладают деятельность, действия, при этом – в большей степени – действия целенаправленные, осмысленные, социально ориентированные. Глаголы же *слышать*, *ощущать*, *чувствовать*, *обонять*, *осязать* обозначают не действия, а состояния (подробнее об этом см.: [8]) – в большей части социально нейтральные.

Особый интерес в этой связи представляют слова *свидетель* и *очевидец*, которые образуются от глагола состояния (*видеть*) и своим появлением нарушают вышеозначенную закономерность. Они составляют своеобразную пару синонимически сближенных единиц, по-разному репрезентирующих психологию восприятия. *Очевидец*: тот, кто сам видел какое-л. событие, происшествие, присутствовал при нем: *Не могу не рассказать здесь одного случая, который передаю со слов очевидца*. Куприн [9]. У слова *свидетель* словарь фиксирует большее количество и большее разнообразие значений: *Свидетель (свидетельница)* 1. 'Человек, присутствовавший лично при каком-л. событии, происшествии, лично видевший что-л.'; 'очевидец': – *Он сам, своими собственными руками отдал этот сторублевый билет Софье Семеновне, я видел, я свидетель*. Достоевский (...); 'Современник и наблюдатель чего-л.': *Описывай, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидетель будешь: Войну и мир, управу государей, угодников святые чудеса*. Пушкин; 2. 'Лицо, располагающее сведениями об обстоятельствах уголовного или гражданского дела': *Свидетель защиты*; 3. 'Лицо, присутствующее при чем-л. для официального удостоверения подлинности или правильности чего-л.': *Вскрыть завещание при свидетелях* [9].

Сравнение значений данных слов приводит к некоторым выводам относительно репрезентированных в этих словах представлений о социальном значении восприятия как психологического феномена. Прежде всего,

и *очевидец* и *свидетель* – это наблюдатели не любого события, а события социального происхождения (*очевидец драки, свидетель военных действий на границе*) или такого природного явления, которое значимо для жизни человека и социума (*очевидцы наводнения, свидетели извержения вулкана*). Такое событие должно характеризоваться нерегулярностью, внезапностью, некоей исключительностью. Вот почему в художественно немаркированной речи невозможны сочетания: *очевидцы дождя, свидетели рассвета, очевидец урока литературы*. Степень участия *очевидцев* и *свидетелей* в характеризующих событиях разная: *очевидцы* всегда вне событий, *свидетели* же могут быть частично в них вовлечены, они в большей степени знают подробности, более целенаправленно наблюдают за событиями. Отсюда те значения, которые появляются у слова *свидетель*, но не у слова *очевидец*: 'быть наблюдателем', 'обладать сведениями' и т.п.

Анализ лексической валентности этих слов показывает, что *очевидец* объективнее относится к событиям, менее заинтересован в их интерпретации: *Ах, это такой простодушный рассказ; рассказ старого солдата-очевидца о пребывании французов в Москве; некоторые вещи прелесть. К тому же всякие записки очевидцев драгоценность, даже кто бы ни был очевидец. Не правда ли?* (Ф. Достоевский. Идиот). *Свидетель* не всегда объективен. И в сочетаемости этого слова язык фиксирует меньшее к нему доверие или даже недоверие: *лживый свидетель, продажный свидетель, фальшивый свидетель* (ср. невозможность сочетаний: *лживый очевидец*). Возникает необходимость и в создании специальных обозначений, подчеркивающих объективность конкретного свидетеля: *благородный свидетель: Были благородные свидетели: все видели, как он с презрительным видом усмехнулся. Салтыков. Соглядатай француз – вот истинный мастер своего дела. Он облюбует и направит свою жертву издалека, почти не прикасаясь к ней и строго стараясь держаться в стороне, в качестве благородного свидетеля. Салтыков. Ср. Classicus testis. Надежный свидетель»* [7, с. 55]; *очевидный свидетель: «Témoін ocular – свидетель очевидец»* [7, с. 177] и даже *личный свидетель: Признайтесь, что вам смешна даже мысль видеть пред собой человека в настоящем его унижении и... бесполезности и в то же время слышать, что этот человек был личным свидетелем... великих событий* (Ф. Достоевский «Идиот»). *Очевидец* не обязательно должен рассказывать об увиденном, он может быть молчаливым хранителем сведений о происшествии, *свидетелем* же называют того, кто интерпретирует, а значит, с той или иной целью рассказывает о том, что наблюдал. Поэтому слово *свидетель*, в отличие от слова *очевидец*, связывает зрительное восприятие с речью, что проявляется, во-первых, в развитии соответствующих значений этого слова: *выступить свидетелем, показания свидетеля*, и, во-вторых, в образовании от этого слова новых слов с семами 'речь', 'письменный документ': *свидетельствовать* 'сообщать что-л., подтверждать что-л. в качестве очевидца или осведомленного,

знающего лица'; *свидетельствоваться* 'устар. ссылаться на кого-, что-л. как на свидетеля'; *свидетельство* 'сообщение, показание лица, бывшего очевидцем чего-л.' [9] и т.п.

Появление социальных аспектов в семантике восприятия обусловлено, на наш взгляд, антропоцентричностью обоих этих видов значений. И социальное существование, и перцептивные процессы неизменно замкнуты на человеке – его психологии и бытии. Ни одно действие человека не обходится без вмешательства перцептивных процессов. Восприятие включается в общение, социальное взаимодействие, профессиональную, рациональную, познавательную деятельность. Это «вмешательство» восприятия в процессы жизнедеятельности человека проявляется в языке, прежде всего, в том, что, каким бы ни было переосмысление перцептивных значений, в каком бы направлении ни проходило развитие этой семантики (к обозначению ментальных процессов, речевых актов и т.п.), следы перцептивных процессов неизменно сохраняются в любом переосмыслении, маркирующем разные сферы сознательной жизни человека. Эти вторичные значения связывают восприятие и общение, восприятие и речь, восприятие и представления о социальной иерархии, восприятие и деятельность.

Список литературы

1. Авдеева О. Ю. «Действительность» и «очевидность» // Русская речь. – 2010. – № 5. – С. 39 – 46.
2. Агеев В. С., Андреева Г. М. Исследование перцептивных процессов в социальной психологии. – [Электронный ресурс]: <http://ru.psichology-online.net/articles/doc-1271.htm>
3. Апресян Ю. Д. Видеть 1.1, замечать 1.1, видать 1, лицезреть, зреть // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – С. 92 – 97.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
5. Барабанщиков В. А. Проблемы психологии восприятия. – [Электронный ресурс]: <http://jornal.iph.ras.ru/baraban.html>
6. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
7. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. – М.: Русские словари, 1994. – Т. 1.
8. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
9. Словарь русского языка в четырех томах. – М., 1985 – 1988.
10. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1989.

Семантическая организация лексического поля «обучение» в русских диалектах и общенародном языке*

В статье рассматривается семантика лексем и фразеологизмов, составляющих лексико-семантическое поле «обучение» в русском языке. Используются данные русских народных говоров и общенародного языка. Реконструируются представления о разных ситуациях обучения, выявляется структура понятия «обучение», предлагаются методы описания полевых структур.

The author analyzes the semantic meaning of lexemes and idioms making up the lexico-semantic field of *teaching* in the Russian language with reference to dialectal and national linguistic data. The author reconstructs ideas of different teaching processes and situations, revealing the structure of the *teaching* notion common thereto, and offers methods of field structure description.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, диалект, семантика, обучение, когнитивные структуры, фрейм, языковая картина мира.

Key words: lexico-semantic field, dialect, semantics, teaching, cognitive structures, frame, linguistic worldview.

Человек учится на протяжении всей жизни, совершенствуясь в разных областях: осваивает грамоту, накапливает сведения о мире, приобретает практические навыки, оттачивает мастерство, учится вести себя согласно требованиям социума, в котором живет. Он изменяется в результате целенаправленного воздействия других людей или учится самостоятельно, наблюдая за людьми и обстоятельствами. В научной картине мира эти виды и способы обучения не обладают целостностью, они рассматриваются изолированно друг от друга, в разных отраслях и направлениях науки: в философии, социологии, психологии, педагогике, а также в любой узкой предметной области. Между тем, общность столь разнообразных ситуаций обучения и познания утверждается тем, что по отношению к любой из них мы используем слова *учить*, *учиться*. Это означает, что носитель русского языка осознает их как варианты или стороны одного и того же процесса – познания, обучения. Можно предположить, что диалект и литературный язык отличаются в плане освоения лексико-семантического поля «обучение». Литературный язык включает научную терминологию, и книжная

---

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

лексика существенно влияет на картину представлений об обучении, обладая собственной спецификой, в то время как диалект не может включать термины, его средствами не описывается специально организованный процесс образования и обучения.

Предметом рассмотрения в настоящей статье явились обусловленные языком представления об обучении как таком факте действительности, который наряду с прочими входит в число базовых культурных ценностей народа. В работе рассматривается семантика лексических и фразеологических единиц, составляющих поле «обучение». В качестве материала исследования привлекаются диалектные, а также общенародные языковые факты, которые составляют основу всех форм существования языка. Экпликация наивно-языковых представлений об учебе, образовании в самом широком их понимании (в любом варианте реализации) предпринимается для выявления существенных характеристик понятия обучения и для построения ментальной модели обучения, следуя которой номинатор создает слова и устойчивые выражения, а также для описания особенностей организации этого лексико-семантического поля.

Исследование семантики лексем основывается на том, что значения слов рассматриваются как результат познавательной деятельности человека, которая состоит в членении представлений о действительности посредством подбора языкового знака для каждого объекта.

Идеографическая структура лексико-семантического поля «обучение» разнородна в семантическом и грамматическом отношении. В его состав входят глаголы со значениями ‘учить’, ‘учиться’, ‘обучаться’, ‘получать образование’, ‘быть (не)грамотным, (не)образованным’, ‘расширять кругозор’, прилагательные со значениями ‘обученный, ученый’, ‘сведущий, знающий, развитый’, ‘(не)культурный’, ‘(не)образованный’, ‘(не)грамотный’, ‘невежественный’ и существительные со значениями ‘ученик’, ‘обучение’, ‘учеба’, ‘неуч’, ‘невежда’, ‘невежество’, ‘недостаток образования’, а также фразеологизмы с подобными дефинициями.

Если толковать обучение как передачу и приобретение знаний, то к этой сфере логически следует отнести специальную подготовку в учебных заведениях, освоение ремесленных и хозяйственных умений и навыков, приобретение жизненного опыта, воспитание детей, морально-этическое воздействие на взрослого человека (внушение, наказание). Эта семантика представлена в номинациях, образующих лексико-семантическое поле «обучение».

В русских народных говорах можно отметить асимметрию в лексической репрезентации разных ситуаций приобретения знаний. Судя по количеству слов разной тематики, обучение в рамках образовательной системы (в школе, в вузе) менее актуально в сознании номинатора, чем обучение практическим умениям и накопление жизненного опыта. Лексическими единицами запечатлено немного из сферы образования, например, само

наличие этого социального института и обеспечиваемого им процесса: том. *учить* 'преподавать кому-либо' (*Она учит историю нам, а задачи не умеет*) [8, V, с. 184], волог. *научитель* 'учитель' [7, III, с. 393], иркут. *ученка* 'учеба' (*Лешной его знат, пошто он такой непонятливый на ученку-то*) [8, V, с. 184], том. *учь* 'учение' (*Миколай ходил, да ему учь не шла*) [8, V, с. 186], иркут., омск., перм. *обуч* 'учеба, обучение' (*Он старшего сына на обуч взял; На обуч отправили брата*) [10, XXII, с. 257].

В отличие от современного положения дел, родитель из крестьянской среды до введения обязательного образования принимал решение о том, позволить ли ребенку учиться в школе, поскольку это означало потерять работника, помощника по хозяйству, о чем говорит контекст к карел. *грамоте писать* 'учиться в школе' (*Не спустили грамоте писать*) [7, IV, с. 518]. Ср. алт. *доставить* чему-либо 'научить, дать образование кому-либо' (*Он своего сына всему доставил; Она у него и грамоте доставлена*) [10, XIII, с. 146], дон. *заместить* 'отдать кого-либо в обучение, на работу' [10, X, с. 242]. Родственники могли препятствовать обучению ребенка, ср. контекст и словарную помету к том. (неодобр.) *чернокнижница* 'грамотная' (*Мать посылат в школу, а бабка кричит: «Ну, будет вон чернокнижница, женихам письма писать будет»*) [8, V, с. 282].

Вместе с тем лексические факты фиксируют уважительное отношение носителей народной культуры к тому, кто получил образование: краснояр. *громкой* 'образованный, уважаемый всеми о человеке' [10, VII, с. 150]. Контексты, включающие характеристики кого-либо по образованности, свидетельствуют о том, что люди нередко обращаются к знающему человеку за помощью: волог., ленингр. *научный* 'ученый, образованный, знающий' (*Не знаю, что с кротом и делать-то, надо с научным человеком посоветоваться*) [7, III, с. 394], ср.-урал., том. *знамый* 'знающий, сведущий в чем-либо' (*Председателя надо знамого по сельскому хозяйству*) [10, XI, с. 308], карел. *передовой* 'образованный, грамотный' (*Лена была передовая, что скажет финн, она нам переводит*) [7, IV, с. 441]. Как можно заметить, контекст при этом уточняет освоенную научную область.

Особенностью диалектной подсистемы языка является большое число обозначений человека, обученного и не обученного грамоте (чтению и письму): омск. *читарь* 'грамотный человек' [8, V, с. 299], нижегор. *рихметчик* 'грамотей' [10, XXXV, с. 107], перм. *тупик* 'неграмотный' (*Тупик я, не читать, не писать не умел; и тятя был неграмотной, и я; жена всё-таки научила мало-мало*) [5, II, с. 454], брян. *слабый* 'неграмотный, не умеющий читать и писать' [10, XXXVIII, с. 212] и др.

Любопытно, что особенное внимание уделено запоминанию, заучиванию, зубрежке: нижегор. *учить, заучивать что-либо вдолбляжку* 'учить что-либо механически, не вникая в смысл' [10, IV, с. 87], арх., костром. *вызудить* 'выучить, вызубрить' [10, V, с. 284]. Подчеркивается трудность обучения: перм. *зарепетить* 'замучить учебой' [10, X, с. 382]. Кроме того,

получение образования напрямую связывается с переходом в другой культурный слой: моск. *выраживаться* 'образовываться, становиться культурнее' (*Молодые стали выраживаться, не так уж говорят*) [10, V, с. 338], арх. *умственный* 'культурный, образованный' [2], *нелюдскость* 'грубость нравов, скотство, зверство, недостаток образования' [1, II, с. 538], арх. *выйти на русь* 'выйти в люди, набраться опыта, получить образование; оторваться от своей среды' (*Был так себе, а вышел на русь – стал человеком; В деревне жил, жил, да вышел на русь и начал сам себя высоко ставить*) [4, II, с. 226].

Таким образом, в лексике отображается запоминание как часть обучения в школе, трудность учебы, амбивалентность отношения к грамотному, образованному человеку, атрибутивная связь между образованием и культурой, теоретическая направленность обучения, ср. карел. *учиться наукой* 'получать теоретические знания' (*Как учиться наукой, дак делай, а потом по-другому смекай*) [7, III, с. 392]. То немногое, что отмечено в восприятии учебного процесса неспециалистом, не образует систему. Представления о школьном обучении, зафиксированные при помощи цельнооформленных лексем, фрагментарны. В зону наблюдений попадают лишь частные особенности процесса.

Среди диалектных и общенародных слов, составляющих лексико-семантическое поле «обучение», преобладают слова, описывающие накопление практического опыта, изменение качеств характера и поведения, обучение, наставление, морально-нравственное воздействие – как на ребенка, так и на взрослого и пр. Так, глаголы совершенного вида *обучиться* и *научиться* и подобные им трудно представить в контекстах, касающихся освоения теоретических знаний. Сочетаемость с названиями предметной области знаний для них не нормативна: *обучиться философии, *научиться математике. Они используются только по отношению к практическим умениям, ср. пск., смол. *обучиться* 'научиться' (*Я уже обучилась жать*) [10, XXII, с. 257], карел. *поднавыкнуть* 'научиться' (*Сейчас люди более поднавыкли говорить*) [7, IV, с. 646]. Значения приведенных слов включают одну сему 'научиться', а контекстные связи указывают на практическое умение, дело, в выполнении которого человек достигает более высокой степени совершенства. В этих случаях дефиниции недостаточно информативны, поэтому, чтобы прояснить семантику слов, приходится обращаться к анализу словоупотреблений.

В других случаях определения слов сформулированы с указанием на практический аспект обучения – приобретение умений и навыков: ленингр. *навыряться* 'приобретать навык, сноровку в каком-н. деле' (*Учись печь скорее, навыйрайся, не стоять же мне с тобой до Святков*) [7, III, с. 305], мурман. *нашпиговаться* и *нашпиковать* 'наловчиться, научиться что-н. делать' [10, III, с. 401], карел. *поднатуриться* 'получить сноровку в чем-н., поднатореть' [7, IV, с. 648], пск. *вызубриться* 'привыкнуть к какому-либо

делу, научиться что-либо делать' [10, V, с. 284]. Обучением можно считать также воспитательное воздействие, попытки оценить и изменить личные качества, привычки человека: диал. (Груз. ССР) *пóрченный* 'с дурными наклонностями, непослушный, невоспитанный, испорченный' [10, XXX, с. 115], перм. *не́ималь* 'люди, отличающиеся невоспитанностью и дурными поступками' [10, XXI, с. 55], мурман. *наковáть* 'научить, показать своим примером' (*Нет, таким людям не научёшь своим манерам, им всё равно*) [7, III, с. 334], карел. *отб́ить* 'заставить отказаться от вредных привычек, отучить' (*А нонь его отбили от этой глупости*) [7, IV, с. 272] и др.

Если личные качества определяют нравственность или безнравственность поступков, то привычки задают соответствие или несоответствие этикетным нормам поведения. Слово *воспитанный* выступает синонимом слова *культурный*, а недостаток культуры проявляется в невоспитанности – грубости, своенравности, нарушении этикета: влад. *кресъя́ш* и *кресья́ш* 'о грубом, плохо воспитанном ребенке' (*Экий кресьяш какой*) [10, XV, с. 237], арх. *необыча́йный* и *необычливый* 'невоспитанный, необходимый, невежливый' [10, XXI, с. 100], волог., ленингр. *нава́дить* 'приучить к чему-н.' (*Что ты его не навадила говорить «Здравствуй»?*) [7, III, с. 297], пенз. *пóрченный люд* 'крикливая, грубая, невоспитанная молодежь' [10, XXX, с. 115].

Наблюдая за другими, человек способен перенять плохие качества. Значение 'научиться плохому' выражается цельнооформленными лексическими знаками: пск., твер. *обазу́риться* 'находясь в среде некультурных людей, стать грубым, огрубеть' [10, XXI, с. 342], карел. *нахитри́ться* 'научиться хитрить, обманывать' (*Нахитрилась и врет-то*) [7, III, с. 396], ленингр. *наточи́ть* 'научиться чему-н.; перенять что-н.' (*Руки-то все украсть хоче, а ведь это всё от матери наточивши*) [7, III, с. 386]. Носитель народной культуры, таким образом, осознает влияние на человека ближайшего окружения, среды. Изменения личных качеств возможны и как результат чьего-либо воздействия: общенар. *подбивать, подговаривать*, новг., ленингр. *натолма́чить* 'научить чему-н.' (*Натолмачить – научить, любому, плохому и хорошему, большинство – хорошему, и про худое говорят*) [7, III, с. 385].

Полнее и детальнее всех других в лексике представлена тема воспитания детей родителями: арх. *поу́ка* 'родительское воспитание' [10, XXX, с. 333], пск., твер. *неотцо́вщина* 'непослушание. неповиновение родителям' [10, XXI, с. 106], карел., волог. *натыка́ть* 'направлять, наставлять, учить' (*Люда-то степенная, хорошая, разговорная; мать и бабушка ее на всё натыка́ли, выучили, воспитали*) [7, III, с. 389], диал. (Латв. ССР) *безба́тьковщина* 'плохо воспитанный человек; ребенок (обычно выросший без отца)' [10, II, с. 181] и др. Воспитание ребенка включает в себя и трансмиссию ценностей, и обучение практическим навыкам, и приобщение к обществу, и коррекцию поведения.

В свою очередь, воспитывающее воздействие на взрослого человека представляет собой исключительно коррекцию его поведения. Учить взрослого человека значит стыдить его, увещевать, укорять, высказывать общественное порицание, одергивать, делать замечания, публично осмеивать. Ср. волог. *кучить* ‘делать замечания, внушения, выговаривать кому-либо’ (*Я много раз кучила ему, что выпивки не доведут до добра*) [10, XVI, с. 190], волог. *зорить* ‘ругать, поучать, стыдить’ (*Зорили меня тогда, в суд вызвали, начали зорить, так зорите*) [7, II, с. 257], перм. *стюнуть, стюнуть счунуть* ‘резким замечанием остановить; призвать к порядку’ (*Кто-нибудь его хоть стюнет, пристыдит, может, бить-то и не стает*) [5, II, с. 414, 428], влад. *воспинать* ‘делать замечания, укорять’ [10, V, с. 140] и др.

Брань и наказание иногда выступают как способы воспитательного воздействия, применяемые и к детям, и к взрослым: смол. *нажури́ть* ‘набранить, сделать выговор, внушение’ (*Матка дочке нажурила*) [10, XIX, с. 273], вят. *мушка́рить* ‘обучая, воспитывая, подвергать суровым наказаниям, муштровать’ [10, XIX, с. 45], карел. *накача́ть пилюль* ‘наказать кого-н.’ [7, III, с. 330], перм. *тори́ть* ‘наставлять, поучать, браня, ругая’ (*Парень от рук отбиватся совсем, уж я торю, торю его – ничё не понимает*) [5, II, с. 441], ворон. *вы́гнать блох* ‘проучить, наказать кого-либо’ [10, V, с. 265], карел. *прочита́ть и́жсицу* ‘отчитать, отругать, вразумить’ (*Я ему прочитала ижсицу, так он больше не сожжет повестку в армию*) [7, II, с. 268] и др. Лексико-семантическая группа глаголов речевой агрессии объединяет огромное количество номинаций, лишь соприкасаясь с полем «обучение», имея область пересечения с ним. Как правило, обучающая функция агрессивного речевого воздействия актуализируется на уровне контекстной семантики и редко бывает зафиксирована в дефиниции слова.

Следующий вид обучающего воздействия на взрослого человека – совет, наставление: общенар. *надоумить*, карел. *натрахтова́ть* ‘научить, надоумить’ (*Я не знала, меня Роза натрахтовала*) [7, III, с. 386]. Идея интеллектуального воздействия, осуществляемого при помощи речи, объединяет глаголы со значением ‘объяснять, растолковывать’: *ростолмова́ть* [СРГСУ, V, с. 89], *втлума́чить* [СРНГ, V, с. 229], *вто́лмить* [СРНГ, V, с. 229], *раствердить* ‘разъяснить’ (волог.) [2]. Лексика фиксирует еще одну особенность речевого воздействия, состоящую в том, что внушение часто осуществляется посредством многократного повторения: смол. *надолба́ть* ‘внушить что-либо частым повторением’ [10, XIX, с. 244], пск., твер. *надолби́ть* ‘повторяя, постараться внушить кому-либо что-либо’ [10, XIX, с. 244].

Наконец, обучение можно толковать как приобретение жизненного опыта – самостоятельное или с участием других людей, вновь посредством советов: карел. *отда́ть мы́сли* ‘рассказать, поделиться жизненным опытом, дать совет’ (*Мысли все я вам отдала*) [7, IV, с. 288], калуж. *выно́сить*

‘приобретать ум, знания в результате длительного опыта’ [10, V, с. 319], арх. *начерпаться* ‘воспринять, усвоить; набраться (знаний, опыта и т.п.)’ [10, XX, с. 284].

Обзор семантических областей, объединенных темой обучения чему-либо, завершим некоторыми выводами, закономерными следующими из наблюдений над значениями слов рассматриваемого лексико-семантического поля.

При анализе дефиниций общенародных и диалектных лексем выявляются две основные пропозиции в соответствии с двумя типами описываемых ситуаций: воздействием обучающего на обучаемого либо самостоятельным приобретением знаний и опыта. Относительно этих пропозиций можно определить место каждого лексического факта в семантической структуре поля. Иначе говоря, семантический центр поля составляют предикаты ‘учить’ и ‘учиться’. Центральную позицию в лексико-семантическом поле, основывающемся на ситуации, границы которого заданы ситуаций, занимает глагол. Роль организующего центра поля предопределена для него, поскольку в самом его значении заложены синтаксические валентности: *учить* – кто, кого, чему; *учиться* – кто, у кого, чему.

Так, глагол *образовывать* называет субъект-субъектное действие: пенз. *образовывать* ‘приучать к чему-либо’ (*Образовывать их к хорошему делу*) [10, XXII, с. 193], перм. *образовать* ‘устыдить образумить’ [10, XXII, с. 192], карел., литв., латв., эст. (рус.) *образовать* ‘образумить; проучить’ (*Я ее так образую, не бивши*) [10, XXII, с. 192]. Сема воздействия содержится и в диал. [без указ. места] *грамотить* ‘вынуждать учиться грамоте’ (*Торговля грамотит мужиков*) [10, VII, с. 111] и др. Цельнооформленные лексемы служат обозначениями воздействующего субъекта (учителя) либо объекта воздействия (ученика): устар. *образователь* ‘воспитатель; просветитель’ [11, VIII, с. 364], моск., пск., ленингр., смол. *обученец* ‘ученик’ (*Это мой обученец в этом деле*) [11, VIII, с. 364].

В свою очередь, слово *образовываться*, имеющее в просторечии значения ‘получать образование, становиться образованным’ и – в совершенном виде – ‘стать рассудительнее, разумнее’ [11, VIII, с. 367], в архангельских говорах означает ‘учиться в школе, техникуме, институте’ (арх. *образоваться* ‘получить образование’ (*Жонка-то моя образовалась в техникуме...*) [10, XXII, с. 193]). Этот возвратный глагол касается преимущественно образа ученика, поскольку наличие учителя и сам акт чьего-либо воздействия слабо актуализированы в дефиниции и в мотивировочном признаке. В подобных случаях акцент делается на усвоении знаний учеником (на изменении субъекта), в то время как обучающий не упоминается: брян. *повиднеть* ‘поумнеть, стать более знающим’ (*Школа меняет: год поучился – и то повиднел*) [10, XXVII, с. 244]. Кроме того, нередко обучение осознается как результат воздействия не человека, а обстоятельств, которые меняют, формируют человека, вынуждая его к приобре-

тению знаний и умений опытным путем: арх. *образовать* ‘изменить к лучшему’ (*Армия-то всех образует...*) [10, XXII, с. 192]. В некоторых языковых фактах семантика, отсылающая к обучающему лицу, отсутствует вовсе, ср. волог. *обумиться* ‘обучиться, научиться, узнать больше’ [2], пск. *в голову бросать что* ‘усваивать, запоминать что-либо’ [6, с. 29].

Моделирование разных ситуаций обучения на основе значений слов и фразеологизмов показывает, что среди актантов, имплицитно содержащихся в семантике глагола *учить*, можно выделить более значимый в сравнении с другими. Им оказывается ученик. Приобретение знаний семантически более важно, чем их передача, потому что приобретение знаний при отсутствии обучающего лица возможно, в то время как обучение при отсутствии приобретающей стороны (ученика, обучающего, познающего) невозможно. Первая валентность глагола *обучать* (обучающий) может оставаться незамещенной в реконструируемой пропозиции, а вторая (обучаемый) – ее обязательный элемент. Безусловно, при характеристике рассматриваемого на языковом материале процесса обучения важен также предмет воздействия, а именно та сторона личности, которая подвергается переработке, совершенствуется: знания, умения, поведение, привычки, нравственные качества, черты характера. Ср. *учиться*: ‘усваивать какие-либо знания, овладевать знаниями, изучать что-либо’, ‘овладевать какими-либо навыками, опытом, умением делать что-либо’; ‘воспитывать, вырабатывать в себе какую-либо привычку, качество, умение’ [11, XVI, с. 1163–1165]; *учить*: ‘предоставлять возможность учиться, давать образование’ (*Везде я одна, как есть: и воспитала-то детей, и учила их, все я...*), ‘быть учителем, преподавать’ (*Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она, быть может, нужна*), ‘воспитывать, вырабатывать, прививать какие-либо качества, привычки, навыки’ (...*учить деликатности*), ‘обогащать опытом, знаниями, пониманием чего-либо’ (*Жизнь учит...*) [11, XVI, с. 1161–1163]. Модель обучения включает в себя, как уже было сказано, динамическую составляющую. Тот, кто учится чему-то, меняется: приобретает знания, которыми раньше не располагал; приобретает мастерство; становится компетентным в какой-либо области знаний; приобретает новые, не свойственные ему ранее черты характера или нравственные качества; накапливает опыт в семейной жизни или в другой области человеческих взаимоотношений. Иначе говоря, больше знает, умеет или иначе ведет себя. Сема ‘изменение’ является здесь базовой. В зависимости от предмета воздействия будут различными результаты: эрудиция и интеллектуальная состоятельность, компетентность в чем-либо и мастерство, мировоззрение и нравственность, жизненный опыт и практическая сметка. Однако значительную часть поля составляют языковые факты, не содержащие динамического компонента в семантике и «статично» характеризующие человека по его поведению, опыту, знаниям, умениям: разг. *не голова, а Дом Советов*; новг. *суровый* ‘необразованный,

не сведущий ни в чем' [3, X, с. 190], костром. *нестрѳганый* 'невоспитанный, необразованный' [10, XXI, с. 166] и др. В последнем примере динамический элемент семантики отчасти сохраняется во внутренней форме слова и в значении (воспитывать – строгать), то есть качество (невоспитанность, недостаток образования) представлено как следствие отсутствия воздействия (обучения) либо его неэффективности. Подобные характеристики человека являются средством фиксации конечного результата процесса познания.

Итак, обучение имеет процессуальный характер и в отображении языка предстает в виде множества ситуаций. Лексические единицы, называющие отдельные объекты, действия, характеристики, вписаны в ситуативный контекст, предполагающий соответствие типовой схеме (модели) этого процесса. Две обозначенные выше пропозиции можно свести к модели еще более высокого уровня обобщения, в основе которой лежит *изменение человека, инициируемое каким-либо субъектом или объектом* (человеком или обстоятельствами). Модель включает актанты, их действия, разнообразные качества (усердие, немногословность и др.) и параметрические характеристики (возраст, способности), а также обстоятельства, результат и некоторые другие элементы, например, ценностные характеристики процесса, образуя прототипическую ситуацию – типизированное представление об обучении в разных его воплощениях.

Думается, при структурировании лексико-семантического поля «обучение» можно идти разными путями. С одной стороны, допустимо делить его на сегменты, соответствующие области приложения обучающих воздействий, в которой ожидаются изменения. С другой стороны, логично считать семантическую структуру лексико-семантического поля изоморфной прототипической ситуации, которая в нашем случае представляет собой развернутую, включающую варианты реализации модель обучения, имеющую место в наивно-языковом сознании русского человека. Описание сегментов позволяет учесть, зарегистрировать все варианты реализации понятия и подробно описать каждый из этих вариантов (ситуаций, моделей: передача знаний в учебном заведении, совет, воспитание детей родителями, обучение ремеслу, вразумление взрослого человека), устанавливая семантически ценные отличия каждого из них от всех прочих. Это плоскостное описание, поэтому возможно установить центр и периферию поля, выявить асимметрию в представлении отдельных семантических сегментов. Описание в логике фрейма дает возможность экспликации представлений носителя языка о взаимосвязях между элементами ситуации действительности, прояснить структуру понятия, его ядерных и второстепенных сем, выявить разнообразие номинативных воплощений отдельных элементов, провести реконструкцию сценария и оценить значимость и место в нем каждого актанта (в широком понимании). При этом надо пони-

мать, что элементы второстепенной важности не являются обязательными элементами модели и, как правило, бывают слабо представлены в языке.

Если метод регистрации разных ситуаций обучения, нашедших отражение в лексической семантике, базируется на дифференциации единого понятия, на явлении асимметрии между единственностью базового понятия обучения и множеством его семантических модификаций (получение образования, воспитание ребенка, обучение ремеслу, освоение практического умения, совет, нравственное воздействие и проч.), то реконструкция модели какого-либо объекта или процесса основывается на явлении конденсации, обобщения, укрупнения частных моделей до общей прототипической.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1981–1982.
2. Картоотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького).
3. Новгородский областной словарь: в 13 т. / отв. ред. В. П. Строгова. – Новгород: Изд-во НГПИ, 1992–2000.
4. Словарь говоров Русского Севера: в 4 т. / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001–2009.
5. Словарь пермских говоров. – Пермь: Книжный мир, 1999–2002. – Вып. 1–2.
6. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2001.
7. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005.
8. Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1999–2006.
9. Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. – Свердловск: Уральский рабочий, 1964–1987.
10. Словарь русских народных говоров. – М.; Л.: Наука, 1965–2007. – Вып. 1–41.
11. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.: Наука; Л.: Изд-во АН ССР, 1948–1965.

Периферийная часть лексикона как показатель литературной манеры писателя (на материале лирических миниатюр В. П. Деткова)

В статье рассматривается своеобразие жанра прозаической миниатюры. Определяются количественные характеристики миниатюр курского писателя В.П. Деткова. На основе анализа периферийной части лексикона писателя выделяются лексико-семантические группы, свидетельствующие об индивидуальных лексических предпочтениях художника-миниатюриста.

In article the originality of a genre of a prosaic miniature is considered. Quantitative characteristics of miniatures of Kursk writer V.P.Detkov are defined. On the basis of the analysis of a peripheral part of a lexicon of the writer the lexico-semantic groups testifying to individual lexical preferences of the author are allocated.

Ключевые слова: миниатюра, количественный анализ, частотный словарь, структурные типы слов, окказионализм, имя собственное, высокочастотная лексика, низкочастотная лексика.

Key words: miniature, quantitative analysis, a frequency glossary, structural types of words, nonce word, proper name, high-frequency lexicon, low-frequency lexicon.

Термин «миниатюра» в жанровую традицию литературы пришел из живописи, где обозначал «исполненную красками небольших размеров картинку, книжную заставку, концовку. Термин происходит от слова «миниум» – название красной краски (киновари или сурика), которой старинные каллиграфы расцветывали инициалы и отмечали рубрики в своих манускриптах» [6]. Чаще всего художники обращались к разнообразным, наиболее подходящим для данного случая, иконографическим образцам, если же необходимого сюжета не было, они использовали жизненные наблюдения. В литературе не всякое произведение небольших размеров носит имя миниатюры. В термине «малые формы» акцент делается только на одну из сторон – форму, тогда как слово *миниатюра* обозначает произведение в целом, причем основой создания эффекта миниатюрности является мысленно осуществляемая операция сжатия, кумуляция больших объемов в малой форме.

При дифференциации понятий необходимо разграничить лирические миниатюры и самый близкий к миниатюре жанр – стихотворения в прозе. Различие содержится в соотношении лирического и эпического компонентов. В современной филологической науке понятия «лирическое» и «эпическое» имеют несколько значений. С одной стороны, «эпическое» и «лирическое» – явления, относящиеся к одному из родов литературы. С другой – «эпическое» и «лирическое» обозначают особую идейно-

эмоциональную настроенность: «величественно спокойное, неторопливое созерцание жизни в ее сложности и многоплановости...» и «возвышенную эмоциональность» [3, с. 61]. В миниатюре корреляция лирического и эпического начал неравноценна: второй элемент ярко выражен и точно дополнен первым; напротив, стихотворения в прозе подчиняются иным законам: здесь акцент делается на лирике, а эпос порой сводится к нулю. В миниатюре, как и в эпосе, катализатором рефлексии служит какое-либо событие внешнего мира. Как и в лирике, субъект речи часто не представлен пластично, зримо, однако, читателю удается создать некий образ по авторским штриховым характеристикам. Переплетение лирического и эпического начал и составляет специфику миниатюры как жанра. В целом, миниатюра вбирает в себя достижения литературы нового времени: она многосубъектна, лирический герой не всегда выражает единственную точку зрения на происходящее. Многосубъектность миниатюры и возможность «расщепления» образа автора связаны с одним из определяющих признаков жанра: напряженной диалогичностью, когда «собеседником» лирического героя становится вся мировая культура или собственное alter ego. Ритмический рисунок прозаических миниатюр весьма рельефный: встречаются тексты с явно выраженным тяготением к метризации, четкая рифмованная проза, традиционные ритмически нейтральные построения. Особенности пространственно-временной организации лирической прозаической миниатюры берут начало в лирике нового времени и одновременно связаны с одним из определяющих типов романного хронотопа, который выделяется М. М. Бахтиным: хронотопом встречи (цит. по: [3, с. 61]).

Существует еще более строгая дифференциация внутри жанра. Лирическая миниатюра – произведение малой формы, в котором чувства, переживания господствуют над рассудочным началом, однако при этом не теряется сюжетное, иногда динамичное начало. Образность, сюжетность, внешний мир, дополненный миром внутренним, специфика пространственно-временной и субъектной структур, ассоциативные связи, концентрация человеческих переживаний – вот доминанты лирических миниатюр.

В последнее время разные писатели все чаще «общаются» с читателем посредством коротких записей-миниатюр – таким образом можно скорее «настичь» бегущего, занятого работой, погруженного в быт современного читателя. Авторская позиция заключена во всем текстуальном пространстве. Мы видим основную мысль в «чистом» виде, не затемненном отражением второстепенных художественных задач. В эпоху быстросменяющихся социальных контекстов становится дорог не только день и час, а минута, мгновение. Зафиксированный автором в миниатюре момент бытия наиболее соответствует истине, правдивости изображения [10]. Появляются «Мгновения» Ю. Бондарева, «Зерна» В. Крупнина, «Лад» В. Белова, миниатюры М. М. Пришвина и «Лирические миниатюры» В. П. Деткова. Од-

нако жанр достаточно сложный в силу своей специфики: автору необходимо наполнить предельно малый объем значительным содержанием, которое концентрируется, сгущается. «Стремясь заключить в тесные рамки миниатюры модель своего мира, писатель сталкивается с неразрешимым противоречием – кризисом содержания и формы. Отдавая дань миниатюризации формы, писатель рискует свести богатство индивидуального, личностного – к общечеловеческому, внеиндивидуальному; мир образов – к системе символов, миниатюру к притче» [9].

Владимир Павлович Детков (23.06.1937 – 04.09.2009) – один из немногих писателей, который работал в этом жанре. В каком-то смысле это признание мастерства автора, его неповторимости: «Из одухотворенных раздумий и откровений состоят миниатюры В. Деткова. Их поэтическая ткань и плоть сознательно уплотнены кропотливой работой над словом, над мыслью, над трепетной сутью самой поэзии» [7, с. 4]. Сам Владимир Павлович старался следовать девизу (палиндрому по сути) «Пишу как живу», извлеченному им из дневников М. М. Пришвина. Позднее, в своей автобиографии, Детков размышлял на эту тему: «Такое отношение к писательскому труду завораживало... И мечта вызревала объемной и цельной, но только не в смысле достижения каких-то «сияющих вершин» творческих, а – на уровне травы... Как можно ближе быть к естеству природы зеленой, чтобы лучше понять природу человеческую... Чтобы слово из тебя исходило единым дыханием чувства и мысли... И если книга случится – пусть она будет живая-живая... и обращена к Другу...» [8, с. 100].

Лирические миниатюры Деткова практически невозможно пересказать своими словами – теряется очарование, создается впечатление примитивности. Концентрированный лиризм, образность, собственное философское видение репрезентированы в каждой миниатюре в виде целостной художественной картины. Сам В. П. Детков сравнивал свои миниатюры с подписями к фотографиям, где на ткань зрительного восприятия накладывается словесный рисунок. Автора интересует суть, скрываемая обыденностью. Самую тонкую характеристику работ В. Деткова дал Е. И. Носов: «Лично для меня природа миниатюр всегда загадочна. Мне кажется, пишут их люди с особым и весьма редким душевным складом, с особо острым зрением и той способностью ферментации изначального материала, к которой прибегает пчела, творя свой мир. Воистину художник-миниатюрист, подобно пчеле, внимательно заглядывая и обследуя каждый уголок нашего бытия, дотошно всматриваясь в так называемые мелочи жизни, благодаря своим философским ферментам обращает подручный <...> материал в нечто необыкновенное, заставляющее нас поражиться, задуматься или озаботиться» [7, с. 4] А в предисловии к книге В. Деткова он сравнивает пятисотстраничный роман и полстраничную миниатюру с удивительными творениями природы: с синим китом и колибри – масштаб и изящество, грандиозность и ювелирность – здесь вечная борьба противоположностей [7, с. 5].

Квантитативный анализ лирических миниатюр В. П. Деткова [5] привел к следующим результатам. Объем словаря писателя составляет 5552 единицы. Общее число словоупотреблений – 17805. Определим среднюю частотность слова, для этого используем опыт Л. Н. Засориной, представленный в «Частотном словаре русского языка» [11, с. 923].

Средняя частота выявляется путем соотношения числа всех словоупотреблений и всех лексем словника в пределах исследуемого авторского словаря:

$$F_{\text{ср.}} = \frac{17805}{5552} = 3,2$$

Это позволяет нам провести границу между высокочастотной и низкочастотной лексикой. Очевидно, что лексемы, у которых абсолютная частота от 4 и выше, – высокочастотные, а лексемы с частотой от 1 до 3 – низкочастотные. Данное соотношение представим в виде следующей таблицы:

Квантитативный анализ словника	Высокочастотная лексика	Низкочастотная лексика
Кол-во лексем	700	4851
Процентное соотношение	12,6	87,4
Число словоупотреблений	11344	6461
Процентное соотношение	63,7	36,3

Языковой вкус автора, его литературные склонности, богатство языковой личности отражает именно низкочастотная лексика. Автор стремится писать в своей манере, говорить своим голосом, выражать себя и свое понимание объективной действительности [2, с. 50]. И если доминантная лексика в большей степени характеризует менталитет целого этноса, то единичная максимально индивидуализирована, специфична.

Выделим несколько моментов в характеристике единичных словоупотреблений. Во-первых, распределение лексики на группы по частям речи позволяет установить некоторые закономерности. Периферийный блок практически не содержит служебных слов, все они заняли верхние позиции частотного словаря. Незнаменательные единицы – повторяющиеся связующие звенья в речевой коммуникации, именно поэтому их количество предельно мало на периферии.

Во-вторых, при анализе было выделено 1147 существительных, 980 глаголов, 558 прилагательных, 279 наречий, 254 причастия, 210 деепричастий. Таким образом, лексика периферии предметна, процессуально

динамична и имеет определенные признаковые характеристики. Отражение социальной жизни сквозь призму языковой личности, а также жанровая форма текста (акцент на эпос, а не на лирику) порождают именно такое соотношение частей речи. Внутри выделенных объединений особый интерес представляют следующие группы.

1. Структурные типы слов. Анализ алфавитного словника лирических миниатюр В. П. Деткова выявил особенности языкового авторского вкуса, проявляющегося в выборе структурных типов лексем. Среди групп, объединенных единым словообразовательным элементом, можно выделить следующие.

Лексемы с префиксами без-/бес- (16/16), *не-* (11), *недо-* (6). Первые две приставки вносят в семантику лексем элементы 'отсутствия чего-либо': *безвременно, бездетный, бездымный, безжизненный, беззвучный, бескорыстный, бескрылый, бескрышный, беспросветный, бессонница, бесцветие, незамеченный, нелюбимый, ненасытный, необозримый* и др.: *Только как опасен он [полет. – Т.Д.] для бескрылых* (Вино, 355). Особый интерес представляет префикс *недо-*. *Недо-* – это сложная приставка, указывающая на неполноту, недостаточность действия или качества, например: *недобить, недоговорить, недоразвитый, недосказанный, недослушать: Шуршит и нашептывает милым голосом о цветах среди зимы, о сказке недосказанной* (Снег, 327). *Недо-* также обусловлено целостным характером культуры, которая положительно оценивает материальные блага и исторические завоевания цивилизации и одновременно дистанцируется от них, относится к ним с долей пренебрежения, равнодушия или даже презрения.

Сложные и составные слова. Эта группа наиболее точно отражает вкус автора, ведь именно здесь свобода языковой игры миниатюриста достигает наивысшей точки. Сложные лексем в миниатюрах В.П. Деткова выстраивают субъективно-абстрактную картину действия. Выбор зависит от авторских ощущений, которых может быть мало-: *малознакомый, малолюдный: ...как смотрела в окно, где в разжиженной апрельской сини проплывала еще малолюдная улица* (Доброе утро, 338) или много-: *многоголосье, многодневный, многообразие, многоэтажье, многоэтажный: Как «летучий Голландец» проступает из пелены многоэтажное здание* (Третий..., 395). Некоторая группа лексем содержит числовую сему: *второклассница, четырехсотметровка: Второклассница Лена глянула утром в окно и застыла в недоумении — ни неба, ни улицы* (Утро туманное, 396). На пересечении вертикального и горизонтального восприятия расположен следующий круг лексем: *глубокомыслие, длинноволосый, длинноклювый: И прежде чем вижу на яблоне у старого скворечника два длинноклювых силуэта, осеняет: это же скворушка для подруги своей напоминает прошлогодние песни* (Прошлогодние песни, 397); степень прозрачности изображаемой действительности: *ясновидный, яснопогодье:*

А эти неразумы, обманутые яснопогодьем мая, гнездились на отшибе и кое-как (Ласточкино гнездо, 389); колоративные_прилагательные, передающие сложную цветовую гамму: бледно-желтый, молочно-белый, оранжево-красный, темно-бурый, темно-глянцевый: Яркий оранжево-красный зонт сиротливо лежит под проливным дождем (Зонт и ветер, 323).

Классифицируем составные лексемы с точки зрения тематики и способа образования:

- лексемы, образованные при помощи повтора: *большой-большой, печальный-печальный* характеризуют градационное представление о состоянии объекта: *Утром увидел женщину со счастливой родинкой-серьгой на левом ухе и с такими печальными-печальными глазами, что даже не по себе стало* (Белая магия, 321);

- составные лексемы, образованные на основе синонимического сближения передают степень сближения и субъективной оценки: *гад-предатель, друзья-подруги: Кровью писано оно в застенке вражьем, чтобы не ушел от возмездия гад-предатель* (Встреча на рассвете, 401); визуальную, акустическую и термическую оценку: *шум-грохот, пыл-жар: Тот еще до солнца с шумом-грохотом влетел во двор на новеньком «Запорожце» и рывкнул зычным сигналом, вызывая своего напарника по рыбалке* (Кирпич, 379); повторяющееся изменение нахождения в пространстве: *закружить-завертеть, спешить-торопиться: Спешили-торопились? Может быть...* (На автостраде, 346); номинацию лица: *летчики-самолетчики: Теперь мы летчики-самолетчики: занимаем исходные позиции – спиной к ветру* (Дождь, 349); состояние: *горе-беда: От горя-беды подкосившей* (Боязно, 397);

- лексемы суммарной семантики: лексемы, образованные на основе антонимичных отношений: *радость-печаль: И впервые посмотрела на меня внимательно и участливо, словно я разделил ее радость-печаль* (Томатный сок, 324); нумеративные слова: *три-четыре, восемь-девять: Девочка лет восьми-девяти закричала испуганно и тревожно: «Мама! Мама!»* (Готовность номер один, 394); слова, обозначающие погодные явления: *град-дождь: Ему еще быть градом-дождем, еще сверкать в этой жизни* (Вишня и град, 363); слова с акустическим элементом в семантике: *петушино-собачий, искра-звук: Но сердце – самый чуткий и необычный локалтор – эти короткие искры-звуки обращает в волнение завершенное («Тук-тук!»)*, 325); слова, содержащие метафорическую или метонимическую оценку: *ветвь-рука, заклепочно-этикеточный: Для меня, настороженно воспринимающего всякое нарочито джинсовое облачение, да еще такое "фирмовое" – вареное-пареное, заклепочно-этикеточное – признаюсь, было внове и приятно наблюдать это обыкновенное волнение влюбленности* (Доброе утро, 340);

• лексемы, созданные по модели «определяемое + определяющее»: *братья-раздорники, дождь-косохлест, дождь-подстега, малышка-сестренка, мальчик-с-пальчик, сосед-мальчишка, ливень-однотучник, работа-забота, тело-пружина, фонарь-невидимка, щуренок-глупыш: Ливень-однотучник набежал внезапно, прямо по солнцу, отшумел крупной, веселой осыпью и пропал вдруг, умолкнув на полуслове* (Однотучник, 341).

2. Оказиональные наименования. В миниатюрах В. П. Деткова присутствуют новые, авторские слова, созданные им самим по определенным русским словообразовательным моделям. Их немного, однако они точно и ёмко отражают ситуативное состояние героев, характеризуют их по определенным признакам и действиям.

• существительные: *автокрикун, неделяшка, неимека, неразумека, неумелка, сердитка: Как ни странно, кирпич оказался убедительным доводом – больше в нашем дворе автокрикун не объявлялся* (Кирпич, 380);

Автор соединяет в человеке природное и техническое, создавая контаминированный образ.

Разломила Маша куколку, а из нее на скатерть стола выкатилась совсем махонькая неделяшка (Матрешка, 336);

Я только смотрел, как пульсирует на ее шее матовый родничок кожи и знал одно – там живет ее голос, который я очень люблю, как и всю ее до последней сердитки (Голос, 347).

• прилагательные: *животогрудастый, облиственный, одуванный, сверхтрезвый: Два-три солнечных дня – и теплым снеговалом обрушивается их одуванный пух* (Тополь, 369).

• глаголы: *вошебить, кришиновать: Ей самой вошебить хочется* (Бремя желаний, 353).

• наречия: *вполсердца: Смерила сердитым взглядом с головы до ног и огрызнулась вполсердца: – Да не лезь ты в чужие дела* (Когда вечер утра мудренее, 357).

Большинство из этих слов имеет прозрачную семантику и потому они понятны читателю XXI века.

3. Имена собственные. Традиционно в лингвистике личные имена трактовались как семантически пустые слова, выделяющие предмет из класса однородных. Однако современные исследователи придерживаются иной точки зрения (которой будем придерживаться и мы): онимы имеют значение, которое формируется под разноаспектным влиянием языковой и неязыковой действительности [1], причем это значение имеет комбинированную структуру, то есть план содержания слова имеет скрытый, неявный характер, который достаточно сложно определить и описать. В онимах аккумулируется информация о предмете: о месте его нахождения, о времени создания, о языке наименования, о народе, давшем ему это имя. В некоторой степени, собственные наименования активизируют в сознании читате-

ля класс представлений о названном предмете, состоящий из собственных знаний и сопутствующих индивидуальных авторских элементов, то есть в онимах суммируются лингвистические и экстралингвистические характеристики. Лингвистическая часть содержит в себе информацию о существовании имени в языке, его восприятии, истории и этимологии нарицательной основы. Экстралингвистическая часть включает условия существования имени в обществе, ассоциации, степень известности носителя имени. Таким образом, четкая граница между нарицательными и собственными существительными размывается.

Среди единичных словоупотреблений класс собственных наименований представлен следующими группами:

- 1) топонимы: *Америка, Северный Кавказ*;
- 2) ойконимы: *Кобылки, Курск, Марьино, Орел, Рыльск, Целина*;
- 3) гидронимы: *Сейм, Снежица, Таруска, Тим*;
- 4) урбанонимы: *Садовая улица, Хуторской проулок, Царскосельский парк*;
- 5) антропонимы:
  - имена: *Алена, Диоген, Женя, Костя, Леночка, Марья-Царевна, Ольга, Сережа, Сережка, Стефан, Тайка, Чебурашка*;
  - отчество: *Иванович*;
  - фамилии: *Андреев, Булгаков, Бунин, Лакеев, Маяковский, Паустовский, Платонов, Пришвин, Стендаль, Толстой, Утесов, Фолкнер, Хемингуэй, Чехов, Шолохов, Шукшин, Экзюпери*;
- 6) прагматонимы: *Ямской мост, автомобиль «Москвич»*.
- 7) идеоним: *Маугли*;
- 8) зооним: *дикая собака Динго*.

Таким образом, представленная онимичная лексика миниатюр В.П. Деткова в некоторой степени отражает менталитет автора, позволяет дать штриховую характеристику среды, где он существовал. Несомненно, выбор гидронимов и урбанонимов обусловлен местом жительства автора, исключение составляют два наименования: реки *Таруска* и *Снежица*: *А над последним перекатом Таруски отозвался ему ликующий возглас мальчишек, изловивших на спаренный спиннинг увесистого лия* (Светлый день, 373); *Днем в потоке, бегущем к Снежице, встретил восторженный бурун* (Потеря, 326).

Две миниатюры, содержащие эти гидронимы, представляют собой небольшие зарисовки из жизни. Это впечатления Деткова, полученные им за пределами Курской области, что позволяет географически расширить ментальную картину автора. Эту же точку зрения подтверждает наличие топонимов *Северный Кавказ* и *Целина* (миниатюра «Стометровка»), где автор намекает на элемент своей биографии, что делает миниатюру более реаль-

ной: *На практике, в Целине – есть такой райцентр на Северном Кавказе, – мы мерили свои первые агроверсты* (Стометровка, 376).

Топоним *Америка* и зооним *Динго* встречаются в одной миниатюре «Зверинец», рисующей эпизод в зоопарке. Именно для номинации экзотической картины и выбраны данные лексемы.

Наибольший интерес представляют антропонимы, разделенные нами на три группы. Имена собственные определяют смысловую и эмоциональную заданность текста. Группа фамилий полностью заимствована автором из уже существующего в европейской культуре ономастикона, причем все фамилии писателей одной миниатюры «Книги» расположены по принципу музыкальной градации: ...*Пушкин... Толстой... Платонов... Стендаль... Достоевский... Хемингуэй... Андреев... Пришвин... Фолкнер... Блок... Шолохов... Роллан... Паустовский... Экзюпери... Маяковский... Булгаков... Цвейг... Шукшин... Чехов... Бунин... Воробьев... Носов...* (Книги, 398). Звуко-графическая оболочка имен и отчеств также заимствована из существующего ономастикона, однако, план содержания является индивидуальным, соответствуя созданным автором образам. При этом семантика онимов не всегда прозрачна, то есть неясна мотивировка выбора того или иного имени. С точки зрения структуры в имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-очк-, -к-* (*Леночка, Олька, Сережка, Тайка*) автор вносит элемент субъективности, собственной оценки, что сдвигает акцент со статичного наблюдателя на активного участника.

Как видим, люди, номинированные представленными онимами, в миниатюрах Деткова чаще пассивны, то есть называют предмет в сочетании с авторскими характеристиками, реже выступают в функции непосредственного обращения к адресату (всего 2 словоупотребления): – *Сережа, попроси лучше* (Урок вежливости, 333); *Почему не даешь ему машину, Леночка?* (Урок вежливости, 333).

Таким образом, лексика периферийного блока неоднородна, содержит как общеязыковые элементы, так и окказиональные наименования. В целом первоначально выявленная многоплановость группы низкочастотных слов не позволяет говорить об особенностях мировоззрения художника-миниатюриста В. П. Деткова, однако последующее исследование всей лексики миниатюр этого автора представит наиболее полную картину.

Список литературы

1. Атанасова С. Онимы и их дериваты в составе русских и болгарских фразеологических единиц. – [Электронный ресурс]: <http://www.russian.slavica.org/article1012.html>
2. Гаспарян С. К. К вопросу об изучении индивидуального стиля автора // Филологические науки. – 2004. – № 4. – С. 50–57.
3. Геймбух Е. Ю. Лирические миниатюры В. Астафьева // Русский язык в школе. – 2004. – № 2. – С. 60–79.
4. Давыдков В. В облаке света // Городские известия. – 2009. – № 110. – С. 6.

5. Детков В. П. Три повести о любви. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1992.
6. Дынник В. Миниатюра. – [Электронный ресурс]: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/>
7. Носов Е. Слова, творящие праздник // Свет мой светлый: Миниатюры, рассказы, повесть. – М.: Современник, 1984.
8. Писатели Курского края: Библиографический справочник / сост. А. М. Кибякова, Е. В. Мазнева, Е. Н. Чурилова. – Курск: Славянка, 2007.
9. Ташлыков С. Жанр миниатюры в творчестве А. И. Куприна. – [Электронный ресурс]: <http://slovo.isu.ru/miniatura.html>
10. Чойнжурова Ю. Ж. Поэтика жанра миниатюры в русской литературе Бурятии второй половины XX века. – [Электронный ресурс]: http://bankrabort.com/work/work_71968.html
11. Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. – М.: Рус. язык, 1977.
12. Эпштейн М. Недо- как понятие и культурный символ. – [Электронный ресурс]: http://www.emory.edu/INTELNET/es_nedo.html

Структура синкретичных концептов в тексте романа М. М. Пришвина «Кашеева цепь»

В статье анализируется структура концептов, составляющих синкрету реально-физического и сакрально-духовного смыслов. Проведено исследование особенностей употребления концептов вода, воздух, земля, огонь в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь». В результате определена сфера представлений, смыслов, образов, с которой связаны эти концепты, выделены изменения в их структуре.

The structure of concepts, which run into the tangible and the spiritual senses is analyzed in the article. The research of peculiarities of concepts “water”, “air”, “earth”, “fire” using in the novel “The Kaschei’s chain” by M.M. Prishvin is carried out. The province, with which this concept is connected, how change its structure, is defined.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, структура концепта, концептуальное поле, М. М. Пришвин.

Key words: cognitive linguistics, concept, structure of concepts, field of concept, M.M. Prishvin.

Когнитивно-ментальное направление в лингвистике опирается на понимание ментальности народа как сущности, воплощенной в категориях и формах родного языка, где «мысль в целом направляется словом» [1, с. 13]. Данное направление, по сути, открывает новый этап изучения языка, «лингвистическую философию», постижение мира и человека посредством «мудрого слова» [2]. Центральной единицей когнитивно-ментальных исследований является концепт, понимаемый нами как «свёрнутая точка потенциальных смыслов» [3, с. 19], «архетип мысли» [2, с. 68], «внутренняя форма слова» [3, с. 54]. Такое понимание концепта делает особенно актуальным и востребованным изучение ментальных сущностей, важнейших нравственных и эстетических категорий, определяющих сакральное пространство мира и вписывающих в него человека. Бóльшая часть таких ментальных констант исследована в лингвистике: концепты «добро», «зло», «красота», «совесть», «честь», «смерть», «любовь» и др.

Гораздо более сложным представляется исследование концептов, являющих собой синкрету реально-физического и сакрально-духовного. Изначальный дуализм подобных концептов значительно увеличивает их семантический объём и усложняет структуру.

В настоящем исследовании мы обратились к синкретичным концептам ВОДА, ВОЗДУХ, ЗЕМЛЯ, ОГОНЬ. Постижение их во взаимосвязи и противоборстве – именно как четверицы первостихий мироздания – представляется наиболее актуальным, поскольку выводит нас к основам наив-

ной картины мира. Первостихии мироздания – неотъемлемая часть быта и бытия человека, константы философской культуры, важнейшие пространственные и нравственные ориентиры.

Чрезвычайно актуальным представляется, на наш взгляд, исследование данных концептов в творчестве М. М. Пришвина, произведения которого исследователи называют «художественной философией» (С. П. Иваненков), «философско-лирической прозой» (Г. Трефилова), «миром художественно-философских идей» (В. Агеносов), «художественно-философским неосинкретизмом мысли» (Э. А. Бальбуров).

Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира, который в творчестве М. М. Пришвина отличается изумительной целостностью, что находит живое воплощение в языке писателя. Базой этой целостности и цельности является мировоззрение автора, опирающееся на постулаты философии русского космизма как «тысячелетней обработки в российской метакультуре мировоззрения живого нравственного Всеединства человека, человечества и Вселенной в их отношении к Творцу и творению» [4, с. 71]. Пришвинское «единение всего со всем» (Ю. С. Мохнаткина), удивительное чувство слияния с природой и шире – Космосом – создало совершенно уникальную концептосферу автора, где на первый план вышли концепты, традиционно формирующие основу наивной картины мира, – ВОДА, ОГОНЬ, ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ. Именно четверик первостихий мироздания, онтологических антагонистов и сакрального единства мира, на наш взгляд, является одним из ключевых концептов концептосферы произведений М. М. Пришвина. Анализ данных концептов производится нами на материале философской прозы писателя – романа «Кашеева цепь».

В тексте романа синкретичность исследуемых концептов, наличие реально-физического и сакрально-духовного компонентов, определила собой и усложнила структуру исследуемых концептов. Проиллюстрируем данные наблюдения на примере концепта ВОДА. При анализе концепта ВОДА в тексте романа «Кашеева цепь» был выявлен реально-физический уровень семантики: вода – это жидкость (МАС: «Вода. 1. Прозрачная бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озёра, моря и представляющая собой химическое соединение кислорода с водородом» [5, с. 191]): «Было однажды весной у колодезя, Павел с Гуськом *воду* качали» [6, II, с. 29]; «В замерзающей реке быстро бегущая *вода* шелестит тонкими, острыми льдинками заберегов ... весенний мороз-утренник схватывает прибережную воду или кончает привольное житье всей твари кузнец-зазимок?» [6, II, с. 427]; «он хотел начать рассказ о преломлении лучей в парах *воды*» [6, II, с. 432].

Лексема *вода* сочетается с существительными меры и степени, таким образом определяется такая её характеристика как количество, объём: «Внизу мыли асфальт и чистили щетками так прилежно, так

много лилось воды, что все пахло водою и камнем» [6, II, с. 262]; «...как бьет *капля воды* с крыши в камень и на камне через множество лет от этого получается углубление» [6, II, с. 398]. Важной характеристикой воды как жидкости является тепловой показатель, вербализующийся путём сочетания лексемы с прилагательными с семами «горячий» или «холодный»: «...пробуждаясь, не сразу расстаешься с видением, а постепенно спускаешься к действительности, как по лесенке в *холодную* воду» [6, II, с. 299]; «Он провалился до шеи в *ледяную* воду» [6, II, с. 435]; «Стало ему на душе, как бывает, когда замерзнет сверху вода, а снизу сбежит, между льдом и водой останется пустое место: внизу бурлит *холодная* черная вода, вверху на пустоте висит лед-тощак» [6, II, с. 244]; «Русский юноша пьет *холодную* воду из ключа, возле которого шли пилигримы» [6, II, с. 302]; «*Тёплая* вода золотой капли лилась с крыш» [6, II, с. 218]; «И это утро пришло обыкновенно, с шарканьем туфель и с глиняным горшком *горячей* воды» [6, II, с. 251]. Наблюдается дифференциация и по таким качественным характеристикам, как грязный – чистый: «На диком болоте, где чахлые елочки стоят по колено в *черной, густой*, как сметана, *воде*» [6, II, с. 481]; «Он поцеловал ее руку: она пахла *свежей* водой» [6, II, с. 382].

Сакрально-духовный компонент семантики вербализуется с помощью текстуальной синонимии: в ментальном пространстве философской прозы, «символизируя творчество, любовь, свободу — все великие проявления духа, вода как бы «лишается своей физической предметности становится символом психических смыслов, а именно: образами источника жизни, находящегося в нашей собственной душе. Одновременно архетипический символ водной стихии олицетворяет живой источник всеобщего родства, Всеединство» [7, с. 209].

Таким образом, можно выделить следующие пары текстуальных синонимов: вода – жизнь и вода – творчество, вода – любовь, вода – родство.

Вода – жизнь: «Вот если бы знать в свои ранние годы, когда встречаешься с *первой волною своей судьбы*, что та же волна ещё придёт» [6, II, с. 82]; «Алпатов проснулся с ужасной *тоской*: как будто кто-то железными ногами ломал лед-тощак и текущую под ним живую воду мешал с болотной грязью» [6, II, с. 244].

Вода – творчество: «Искренно хочу оставаться с теми, кто относится к поэзии, как верблюд, переходящий пустыню, к воде: наливает в себя и, горбатый, потихоньку идет в долгий путь» [6, II, с. 477]; «Такое простое внутреннее чудо, такое обычное, ежедневное, почему-то выходило на картине бесконечно значительным, и вся картина была большая, как *океан*. Похоже было с Алпатовым, как если бы странник, долго, мучительно путаясь в тропинках по тундре, совершенно усталый выбрался на последнюю скалу берега и вдруг увидел *океан*» [6, II, с. 306].

Вода – любовь: «Эта тёплая небесная вода для растений то же самое, что для нас любовь... животным, от букашки до человека, самая близкая стихия — это любовь, а растениям — вода: они жаждут её, и она к ним приходит с земли и с неба, как у нас бывает земная любовь и небесная...» [6, II, с. 308].

Вода – родство, человеческая общность: «Все моховые извилистые *ручейки народностей* ... вошли в одно прямое широкое русло всего *человеческого потока*», «ведь и тростинка в русском потоке не напрасно мерно склоняется, шевелясь в *струе*, тоже и она отмечает, сколько прошло русской воды в общий поток» [6, II, с. 266]; «Каждый перерастает свою нацию и выплывает из нее, из своего ручья, в *океан*» [6, II, с. 138].

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о влиянии синкретичности концепта, понимаемой нами как наличие реально-физического и сакрально-духовного компонентов, на его структуру в процессе развёртывания концепта в художественном тексте.

Традиционное понимание полевой структуры жестко регламентирует функционал и отношения ядерной и периферийной зоны. Наиболее значимой является ядро концепта, периферия – менее значима и полностью подчинена ядерной зоне. Ядро (применительно к концепту) состоит из ядерной лексем (реже – нескольких лексем), опирается на денотативное значение данной лексем и организует периферию концепта. Применительно к синкретичному художественному концепту можно говорить о смещении функций и приоритетов. Так, ядро, образуемое денотативным значением ядерной лексем, её реально-физическим компонентом в художественном тексте оказывается менее актуальным, чем периферия концепта, организованная ассоциативными связями лексем, символическими планами, метафорическими переносами, парами текстуальных синонимов и др., что обусловлено самой природой художественного текста. В свою очередь периферия, представленная сакрально-духовным компонентом, в тексте произведения выходит на первый план, является более значимой в структуре концепта.

Список литературы

1. Звёздова Г. В. Живое слово как воплощение божественного логоса в поэзии XX века // "Живое слово разбудит уснувшую душу...": Материалы Всероссийской научно-практической конференции (12-13 мая 2006 года). – Липецк, 2007. – С. 9-19.
2. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. – СПб., 2000.
3. Колесов В. В. Слово и дело: из истории русских слов. – СПб.: Изд-во СПбГУ 2004.
4. Куракина О. Д. Русский космизм – общее дело Н. Ф. Федорова // Философия космизма и русская культура. – Белград, 2004. – С. 71-82.
5. Словарь русского языка. В 4 т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русск. яз., 1981. – Т. I (А – Й).
6. Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1982-1984.
7. Борисова Н. В. Мифологема пути в художественном мире М. Пришвина // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. 2004. – Вып.3: Филология. – С. 197-221.

Оценка полоролевой референции посредством лексических субстандартных единиц-зоонимов

Анализ лексических субстандартных единиц и их репрезентация в системах европейских языков является одним из актуальных направлений современного языкознания. В данной статье произведена попытка провести анализ лексических субстандартных единиц-зоонимов на основе выборки из русскоязычных и англоязычных социолексикографических источников, устного спонтанного дискурса и телепередач, относительно полоролевой референции.

At the present stage the research of the new scientific anthropocentric paradigm development of substandard lexics gets the basic value. In given article we attempt to carry out the analysis of zoonim lexical substandard units, according to the sample from Russian- and English-speaking sociolexicographical sources, an oral spontaneous discourse and telecasts.

Ключевые слова: лексические субстандартные единицы-зоонимы, субстандартная лексика, сравнительно-сопоставительный анализ, полоролевая референция, оценочная лексика.

Key words: zoonim lexical substandard units, substandard lexics, the contrastive-comparative analysis, gender-role reference, estimated lexics.

По мнению исследователей в области зоолексикологии Д. М. Мордановой, Н. А. Киндря, Я. Скавиньского, Е. А. Невзоровой-Кмеч, Н. В. Солнцева, О. Ю. Семиной, А. В. Дубовской, Г. В. Яновской, Е. Ю. Логиновой, Н. Ю. Темниковой, А. Б. Бушева и др., признаки представителей животного мира могут переноситься на человека. Лексические субстандартные единицы-зоонимы (далее ЛСЕ-зоонимы) являются одной из составляющих субстандартной картины мира, в которой человек является объектом выражения оценки. ЛСЕ-зоонимы помогают за счет исторически сложившихся в разных культурах ассоциаций охарактеризовать человека с различных точек зрения.

Научная новизна настоящего исследования определяется тем, что лексические субстандартные единицы зоонимы в составе лексических субстандартных единиц впервые подверглись комплексному изучению с позиции дефиниционного и семного анализов, которые позволили выявить характеристики исследуемых образов на уровне полоролевой референции. Данные характеристики рассматриваются как универсальные, присущие народам-носителям всех изучаемых языков.

Материалом исследования являются лексические субстандартные единицы, отражающие образы животных (сленгизмы, жаргонизмы, аргон-

тизмы). Исследование оценочных характеристик качеств и поведения человека относительно полоролевой референции в русском и английском субстандарте проводилось нами на основе выборки ЛСЕ-зоонимов из русскоязычных и англоязычных социолексикографических источников [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11], устного спонтанного дискурса (речь русскоязычных и англоязычных студентов – Зап. 2010), телевизионных передач (русскоязычный и англоязычный варианты Comedy Club). Всего было выявлено 1433 лексические субстандартные единицы (различные варианты лексических субстандартных единиц учитывались как самостоятельные). Исследование проводилось с двух ракурсов: 1) привлекательность/ непривлекательность женщины (мужчины); 2) женские (мужские) качества, осуждаемые социумом в целом.

Цель проводимого исследования заключалась в том, чтобы, зафиксировав характеристики, свойственные ЛСЕ-зоонимам русского и английского языков, провести их сравнительно-сопоставительный анализ для определения сходства и различий в картине мира народов-носителей изучаемых языков. По мнению носителей русского языка, физическая и внешняя привлекательность женщины для мужчины кроется в красоте лица, обольстительных формах, умении доставлять удовольствие и дарить наслаждение. Привлекательность женщины главным образом характеризуется с точки зрения сексуальных пристрастий менталитета мужчин: женщина ассоциируется с грациозными повадками *пантеры*, ласковостью *кошки*, страстью *тигрицы*. Ярких, раскованных, независимых, сексуальных женщин мужчины склонны сравнивать с *тёлкой*, *цыпой*, *цыпочкой*, *волчицей*, *тигрицей*, *пантерой*, *сукой* (7 ЛСЕ). Например: В Макаровке Ньюку Кулакову иначе, как *тёлка*, никто не называл. Грудастая, толстозадая, волоокая, она приглянулась Скворцу на танцах. Поскольку ум у нее был короче чем ее мини-юбка, то Борьке не составило труда задурить ей голову [10]; *Классная телка*, да, Макс? [8].

Говоря о физической и внешней непривлекательности женщин, русскоязычные мужчины имеют в виду излишний вес, внушительные или напротив, слишком незначительные формы, грубые, резкие, некрасивые черты лица. Подобные женщины сравниваются мужчинами с *коровой*, *кобылой*, *конем*, *слонихой*, *курицей*, *жабой*, *воблой*, *выдрой*, *крокодилом*, *ишаком* (10 ЛСЕ). Например: Вот *корова* толстая, куда ж ты лезешь прямо по ногам!; Опять Иваныч на вечеринку со своей *коровой* пришел! Юбка на ней по швам трещит!; Ну и баба! Не баба, а *конь* с яйцами!; Да ты знаешь *воблу* эту длинную!; Что ж ты себе в жены *выдру*-то выбрал? [10]; Ну и баба у него, настоящий *крокодил*, увидишь – испугаешься!; Вот если женщина хочет, чтобы ты с ней сблизился, отказать ей в такой малости – большой грех... Ну, разумеется, если не очень старая и не совсем уж *крокодил*; Вчера ко мне такой *ишак* подвалил, без слёз не взглянешь!; *Жабы* – это некрасивые ядовитые бабы, которые не просто отравляют жизнь, но еще что-то,

сука, и квакают постоянно! [12, 2010]; *Курица* – это женщина в 30 – 35 с толстой жопой и короткой стрижкой [10].

Предназначение женщины в глазах носителя русского языка заключается в воспитании детей, хранении семейного очага, поддержания чистоты и уюта в доме. Такие качества, как нечистоплотность, неряшливость, априори не свойственные женщинам, мужчинами не одобряются. В данном случае особенно колоритными являются ЛСЕ-зоонимы: *свинья, хавронья, трясогузка* (3 ЛСЕ). Например: Немытая *трясогузка* непослушными зубами пыталась откупорить бутылку портвейна [10].

Отрицательную оценку получают злые, сварливые, грубые, невоспитанные, мужеподобные, властные, лишённые мягкости и женственности женщины. Наиболее распространены для их характеристики ЛСЕ-зоонимы: *бульдога, бульдожка, волкодавна, ворона, ежесвая маруха, гиббониха, кабаниха, карга, кобра, корова, сколопендра, крыса, щука, сука* (14 ЛСЕ). Например: Аська...по вечерам бегает, как папа Карло, делает массаж состоятельным дамам. Платят нормально, но клиентки – сплошная жуть, *коровы*. Разбогатели, а ни культуры, ни воспитания. Аська жалуется: ведут себя по-хамски, как с прислугой. Барыни новоделанные, из ларечниц; Лариска, такая *сука* злая, не подойдешь!!!! (Зап. 2010 г.).

Легкодоступные, ведущие аморальный образ жизни, порочные женщины резко отрицательно характеризуются обществом, и их оценка в русскоязычной субстандартной лексике также находит свое отражение в ЛСЕ-зоонимах: *бабочка, вол, выхухоль, гадина, дрофа, ежиха, жаба, жучка, камбала, кобра, коза, ласточка, лебедь, мартышка, сука, сучка, телка, тигрица, хорёк, чайка, чернобурка* (21 ЛСЕ). Например: Где ты эту *выхухоль* нашёл?; Водки вмажем – и по *лебедям*; И чего ты об этой *суке* расстраиваешься? Шлюха и есть шлюха!; *Сучка* она конченная – ни одного пацанчика в общаге не осталось, который ее бы не попробовал!; Вчера запил *телку*; Эта *коза* тебя вчера продинамила? [4].

Немаловажную роль для мужчины играют ум или его отсутствие, хитрость и коварство женщины. Наиболее распространенные ЛСЕ-зоонимы для обозначения глупых, хитрых женщин: *бычка, гусыня, индоутка, корова, овца, рысь, кобыла* (7 ЛСЕ). Например: Что за *овцу* ты себе нашёл, сидит, молчит, глаза пустые; Людка-то *рысь* ещё та! Хитровка; В его мужских соленых рассказах всегда присутствовали образы... То – роковая девка... А то необразованная *кобыла*, совершенно не поддающаяся на уговоры, равнодушная к его ухаживаниям [10].

Внешность соблазнительного, привлекательного мужчины, по мнению русскоязычных женщин не должна быть уродливой. Он должен быть атлетически сложен, физически крепок, силен, должен обладать умением привлечь женщину, демонстрируя свои сексуальные способности. Подобные оценки даются посредством ЛСЕ-зоонимов: *волк, волчара, кобель, кот, носорог* (5 ЛСЕ). Например: Это был единственный мужик, превос-

ходство которого Вера Степановна ощущала с непривычным, волнительным женским трепетом. Острый глаз, цепкий ум, могучая волосатая грудь – короче настоящий *волчара*; Я знаю тутошнего военкома. Красивый *кобель*. Похож на Дантеса. Я бы его не вынимала из телевизора, возбуждая любовь к армии [5]; Некоторые слова и выражения, используемые в г. Новороссийске: “пузатый” – блатной, “кот” – человек, которого любят женщины; Этот Санек такой *кот*, у него телок выше крыши! (Зап. 2010 г.)

Непривлекательность мужчины оценивается женщинами с позиции физической слабости, отталкивающей внешности, мужской несостоятельности и передается с помощью ЛСЕ-зоонимов: *обезьяна, кролик, теленок, хряк, боров* (5 ЛСЕ). Например: Да этот перец страшный как *обезьяна*! Вообще не понимаю, чего она в нем нашла?! Ночью увидишь – испугаешься!; Вот *теленок*, она же тебя в постель звала, а до тебя не дошло!; И как она могла замуж выйти за эдакого *хряка*?!; Это же твой бывший, а мой настоящий муж Костик!... Этот лысый, толстый, старый *боров* – Костик! Как же так, мы же одногодки! А где же его роскошные кудрявые волосы?; Никакого толка от него в постели нет, попыхтит две минуты как *кролик* и был таков! (Зап. 2010 г.)

Привлекают женщин состоявшиеся и состоятельные мужчины, с богатым жизненным опытом, властные, с сильным характером, твердой жизненной позицией, интеллектуально развитые, что отражается в субстандартной лексике посредством ЛСЕ-зоонимов: *бобер, грач, сазан, волчара* (4 ЛСЕ). Например: Стас – натуральный *волчара*, у баб при его появлении коленки подгибаются!; Светка познакомилась с таким *бобром*! Одна тачка у него кучу американских долларов стоит! (Зап. 2009 г.)

Для мужчины-носителя английского языка красота, сексапильность, страстность, соблазнительные формы женщины также играют важную роль. Положительная оценка этих качеств в английском субстандарте находит отражение в ЛСЕ-зоонимах: *dog, bearcat, canary, chicken, fox, hammer fox, foxy lady, pigeon, stallion, ass, beetle* (11 ЛСЕ). Например: Man, who was that *fox*?; Monica is quite a *fox*; His older sister is a *fox*; She was a real *foxy chick* with auburn hair.; A couple of *foxy ladies* stopped us on the street; She's really a *stallion*; Who is this *stallion* with that dude? [11].

Отрицательная оценка внешности женщины-носителя английского языка передается ЛСЕ-зоонимами: *bear, buffalo, cow, dog, dog biscuit, swamp donkey, heifer, war horse, moose, butterfly* (10 ЛСЕ). Например: WOW, Jessica Zomb is a *Dog*!!! So ugly she is!!!! [9].

Безнравственное поведение женщины в англоязычных странах также отрицательно оценивается социумом. Среди оценок, даваемых с помощью ЛСЕ-зоонимов, здесь особенно употребительными являются ЛСЕ-зоонимы: *ass peddler, fish, bitch, alley cat, dog, goat-milker, wet hen, horse, moose, otter, pig-meat, rabbit-pie, worm, cow* (14 ЛСЕ). Например: She's got the morals of an *alley cat*; “John found Mary out to be a vicious *bitch*” [7].

Оценка интеллектуальных способностей женщины-носителя английского языка в субстандартной картине мира передается ЛСЕ-зоонимами: *beetle, fox, goose, mare* (4 ЛСЕ). Например: “You silly *mare*! Why did you do that?” [13, 2009].

Оценка характера женщины-носителя английского языка в субстандартной лексике передается ЛСЕ-зоонимами: *bearcat, beetle, bitch kitty(bitchy), down-ass bitch, butterfly, cat, catbird, hellcat, stare-cat, filly, fox, hen, wet hen, war horse, louse, magpie, otter* (17 ЛСЕ). Например: She's a real *cat*, you'd better look out; She can be such a *cat*, you know; She can be such a *louse* [11].

По мнению женщин-носителей английского языка, мужчина должен быть сильным, уверенным в себе (*alligator*), мужественным (*hairy-ass*), “крутым парнем” (*hard ass, heavy cat, cool cat*), состоятельным (*fat cat*), страстным любовником (*wolf*). Например: Mike's gotten the reputation as being a *hard-ass*; He is a *cool cat*. I really like him; He is a *cool cat*. You'll enjoy meeting him [9]. Отрицательная оценка мужских качеств в английском субстандарте передаются ЛСЕ-зоонимами: *ape* (парень, страдающий излишним энтузиазмом, хулиган, задира), *tomcat, educated fox, hound, stallion, wolf, ram, snake, tea hound, gay-cat, ass man* (бабник), *chicken, bird* (женоподобный), *cock* (хвостун), *pussycat, pussy, calf, fish, asswipe* (слабохарактерный), *ox* (амбал, мощный физически, но не интеллектуально), *worm* (ненадежный), *sheep* (сексуально слабый). Например: He's gonna *tomcat* around till he catches something; “Hey, *asswipe*, when are you going to give me back the five bucks you borrowed from me?” [2]; Mike is as hasty as a *sheep* [6].

Как показывают примеры, многие английские ЛСЕ-зоонимы выражают определенное значение посредством нескольких лексем, что придает ЛСЕ-зоонимам дополнительную коннотацию. Например: *goat-milker* – проститутка, где *goat* – коза, по ассоциации с козой-животным, которую не пропускает ни один козел в стаде, *milker* – доярка, что в целом имеет следующее значение: *девушка легкого поведения*, “доющая” мужчин, *alley cat* – буквальное значение: гуляющая по аллеям кошка, в субстандарте – легкодоступная женщина. Подобное явление есть и в русском языке. Например: *мартовский кот* – *бабник*, по ассоциации с котом-животным, который в марте особенно любвеобилен.

В английском языке ЛСЕ-зоонимы также входят в состав устойчивых субстандартных выражений, посредством которых даются характеристики мужчинам и женщинам. Например: *bird of a looker* (молодая сексапильная женщина), *bird's eye maple* (светлокожая, сексапильная мулатка), *chicken with the fixin's* (хорошо сложенная молодая женщина), *bear with the women* (мужчина, любящий женское общество).

Анализ социолексикографических источников, устного спонтанного дискурса, телевизионных передач позволил сделать вывод о том, что среди ЛСЕ-зоонимов, презентующих образ человека, наиболее употребитель-

ными являются субстандартные единицы, отражающие полоролевою референцию. Для характеристики женщины-носителя русского языка наиболее часто используются лексемы “*телка*”, “*коза*”, “*овца*”, “*кобыла*”, “*крыса*”, “*корова*”, “*курица*”, “*сука, сучка*”, “*цыпа, цыпочка*”, “*киска, киса*” и т.д. Для характеристики мужчины-носителя русского языка максимально частотны лексемы “*козел*”, “*баран*”, “*кобель*” “*бык*”, “*кот, котяра*”, “*петух*”, “*ишак*”, “*волк*”, “*волчара*” и т.д.

Для характеристики женщины-носителя английского языка наиболее часто используются лексемы “*dog*”, “*cat*”, “*fox*”, “*chicken*”, “*cow*”, “*bitch*”. Для характеристики мужчины-носителя английского языка наиболее употребительными являются лексемы “*dog*”, “*cat*”, “*ass*”, “*wolf*”.

Таким образом, в ходе сравнительно-сопоставительного анализа русскоязычного и англоязычного социолексикографических источников, устного спонтанного дискурса, телевизионных передач было выявлено, что наибольшим соответствием в толковании обладают такие ЛСЕ-зоонимы как *корова* – *cow*, *кот* – *cat*, *сука* – *bitch*, *теленки* – *calf*, *кобыла* – *mare*, *коза* – *goat*, *конь* – *horse*.

Результаты и основные выводы исследования отражены в таблице 1.

Таблица 1

ЛСЕ-зооним	Буквальный перевод	Основа переноса	Толкование ЛСЕ-зоонима	Русские соответствия
cat	кот	свобода, любвеобильность, страстность	бабник	кот
cow	корова	глупость, неповоротливость	глупая, толстая женщина	корова
bitch	сука	любвеобильность	женщина, беспорядочно меняющая партнеров	сука
calf	теленки	медлительность, слабохарактерность	бессловесный, слабохарактерный, не имеющий своего мнения мужчина	теленки
mare	кобыла	глупость	глупая, необразованная женщина	кобыла
goat	коза	безотказность, постоянная готовность к совокуплению	неразборчивая в сексуальных связях женщина	коза
horse	лошадь	мощность	мужеподобная женщина	лошадь

ЛСЕ-зоонимы наряду с другими лексическими единицами являются носителями культурно значимой информации об объективной действительности, отраженной в изучаемых языках. В состав лексических субстандартных единиц-зоонимов включаются сленг, жаргон, арго, так как в данных единицах заложена информация о культуре народов носителей изучаемых языков – русского и английского. Внутренняя форма, представляющая собой образ, заложенный в основу номинации ЛСЕ-зоонимов, играет принципиально важную роль в конструировании картины мира, отраженной в языке и отражается на всех уровнях лексического значения лексических субстандартных единиц-зоонимов. Образы животных, отраженные в субстандартном лексическом фонде двух разноструктурных языков – русском и английском, имеют как общие, так и различные черты, классификация которых позволяет сконструировать картину мира, заложенную в сознании носителей изучаемых языков.

Список литературы

1. Англо – русский словарь современного сленга и ненормативной лексики. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2008.
2. Байков В. Д., Хинтон Д. Англо–русский, русско-английский словарь. – М.: Эксмо, 2008 (Библиотека словарей).
3. Вальтер Х. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: ок. 5000 слов и выражений. – М.: Астрель: АСТ; Транзиткнига, 2005.
4. Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона. – М.: Эксмо, 2007.
5. Елистратов В. С. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг.: ок. 9000 слов, 3000 идиомат. выраж. – М., 2000.
6. Кудрявцев А. Ю., Куропаткин Г. Д. Англо-русский словарь табуизированной лексики и эвфемизмов: ок. 10 000 слов и выраж. – М.: КОМТ, 1993.
7. Маковцев Н., Шевченко С. Вашу мать, сэр! Иллюстрированный путеводитель по американскому сленгу. – СПб.: Питер, 2004.
8. Никитина Т. Г. Молодежный сленг: Толковый словарь: более 12000 слов; свыше 3000 фразеологизмов. – М.: Астрель; АСТ, 2004.
9. Ротенберг Т., Иванова В. Англо-русский словарь американского сленга. – М.: Инфосерв, 1994.
10. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004.
11. Dangerous English 2000. An Indispensable Guide for language Learners and others by Elizabeth Claire. Delta Publishing Company 1400 Miller Parkway McHenry, IL 60050 – 7030 Printed in the USA.
12. <http://comedyclub.tnt-online.ru/>
13. <http://standupcomedyclubs.com/AmericanComediansForYourEvent.html>

Способы введения в высказывание неутверждаемых компонентов с целью скрытого воздействия (на материале рекламных текстов)

В статье анализируются неассертивные компоненты высказываний, которые могут использоваться умышленно с целью предотвращения критического восприятия суждения. Исследуются пути перевода неассертивных компонентов высказываний из утверждения в неутверждаемый компонент путем смещения, свертывания и включения в другое суждение. Эти способы преобразования суждения в разной мере удаляют его от ассерции, что дает основание говорить о градационном характере неассертивности и о различной степени скрытости суждения от прямого восприятия реципиентом.

Non-assertive components of a statement may be used on purpose in order to prevent critical interpretation of the judgement. It may be transformed from a statement into a non-assertive component by ways of displacement, wrapping or making it a part of another judgement. These ways of judgement transformation, each to a different extent, remove it from assertion, which lets us point out the graded character of non-assertiveness, as well as different degree of judgement secrecy from recipient's direct interpretation.

Ключевые слова: неассертивный компонент высказывания, ассерция, суждение, утверждение, манипулятивное воздействие.

Key words: Non-assertive component of a statement, assertion, judgement, statement, manipulative effect.

Неассертивный компонент высказывания – суждение, которое не утверждается говорящим, но присутствует в смысле высказывания. Наличие неассертивных компонентов – естественное свойство языка, обусловленное самой его знаковой природой. Кодирование информации языковыми знаками подразумевает ее концентрацию, причем неравную на разных уровнях системы кодирования. Каждый языковой знак несет область значений бóльшую, чем достаточно для каждого конкретного употребления, и эта область значений неизбежно включается в смысл языковой единицы, в состав которой входит данный знак. В современной лингвистике безоговорочно выделяется два вида неассертивности – пресуппозиции и импликации. Пресуппозиции всегда обусловлены второстепенностью выражаемого ими смысла: лексические – второстепенностью какого-то компонента значения в данном контексте, синтаксические – второстепенностью синтаксической роли, выполняемой теми словами, которые указывают на пресуппозицию. Пресуппозиция возникает за счет того, что в высказывании что-то остается на заднем плане: *Цените себя* (вы себя не цените: повелительная форма глагола несет значение призыва к действию, и это означает, что действие до настоящего момента не выполнялось). Имплика-

ция тоже порождается значениями, которые находятся за пределами основного смысла высказывания, но эти значения возникают именно потому, что основной смысл высказывания таков, какой он есть. *Вам будет удобно встретиться завтра или на следующей неделе?* (Вы встретитесь с говорящим еще раз.) Очевидно, что эти явления неизбежны в естественной речи. «Органическое тяготение языка к сокращению состава связанных с ними актов сознания оборачивается возможностью выразить не прямой смысл» [5, с. 437]. Однако свойство языка выражать «незапланированные» смыслы может быть использовано и умышленно, поскольку включает в себе значительный потенциал воздействия, в том числе манипулятивного. «Манипулирование, или манипуляция – это вид скрытого коммуникативного воздействия адресанта на адресата с целью изменить его намерения в нужном для адресанта направлении вопреки интересам адресата» [7, с. 224]. Особенность такого воздействия в том, что истинная интенция говорящего не ясна реципиенту. Передача суждения в неутверждаемой форме как нельзя более отвечает этой задаче, поскольку суждение, выводимое из не-ассертивного компонента, лишено модальности, а значит, не связывается реципиентом с автором высказывания и воспринимается как данность. Наличие этой прагматической функции делает неассертивные компоненты высказывания важным объектом исследования.

Можно выделить три вида неассертивности по соотношению неутверждаемых компонентов высказывания и утверждаемой формой выражения заключенного в них суждения. Это смещение суждения путем введения другого, свертывание внутри имени или непредикативного сочетания и включение в другое суждение. Проанализируем данные виды неассертивных компонентов на материале рекламных текстов, в которых они часто используются в целях скрытого воздействия.

Смещение утверждения – способ изменения утверждения, наименее влияющий на его смысл и значимость в высказывании. Форма смещенного суждения может не изменяться по сравнению с той, в которой оно является утверждением, если рассматривать ее безотносительно к форме всего высказывания. Оно сохраняет двухкомпонентную структуру, и в высказывании легко обнаруживаются его субъект и предикат, даже если они меняют свои свойства. В результате смещения утверждение становится упомянутым, утверждением «между прочим», и его смещенная позиция в высказывании позволяет в значительной мере избежать критического восприятия.

Смещение может происходить либо на уровне семантики, либо на уровне грамматической структуры предложения. В первом случае смещенное утверждение остается на том же месте, как в предполагаемом исходном предложении, его компоненты выполняют те же синтаксические функции. Оно остается ассерцией высказывания, но за счет добавления дополнительных смыслов центральное утверждение теряет в значимости, а, следовательно, воспринимается более естественно: *Пожалуй, лучшее пиво в мире*. Утверждение в этом случае даже не смещается на второй план, а

только «притесняется» дополнительными смыслами, становится менее видимым на их фоне, а значит, менее подверженным отрицанию.

Фоновыми компонентами, смещающими внимание с утверждения, могут являться неполнозначительные и служебные слова. *Ведь только неповторимый вкус пива Holsten имеет значение.* Частица *ведь* вносит смысл общеизвестности, доказанности сделанного с ней утверждения. Используются частицы с усилительным значением: *В нем учтены все пожелания наших друзей и партнеров, и именно это делает ее такой удобной и красивой.* Здесь частица указывает на достоверность следующего за ней определения. Для смещения могут служить и союзы. *Это кремообразное средство не только отчистит любую посуду, но и придаст ей удивительный блеск. Этот парфюм завоевал сердца не только мужчин, но и женщин.* Союз *не только, но и* со значением расширения ограничения придает утверждаемому под первой частью союза статус неоспоримого и общеизвестного факта.

Формулы усиления со словами *по-настоящему, в действительности, действительно* также перетягивают внимание с собственно утверждения на выражаемую ими оценочную составляющую высказывания, не имеющую принципиального значения для утверждения и не меняющую его суть: *Благородство формы и гламурность стиля барокко делают это Колье по-настоящему торжественным. Действительно эффективное средство для мытья стекол.* Слова *по-настоящему, действительно,* во-первых, указывают на то, что говорящий убедился в истинности утверждения, т.е. выполняют функцию «снятия сомнений» [4, с. 465]. При этом отсутствие аргументации делает сообщение диалогичным, что вообще свойственно рекламным сообщениям. Во-вторых, они указывают на то, что аналогичные товары, которым приписываются те же свойства, в действительности не имеют их, то есть возникает пресуппозиция исключительности товара.

Утверждение может смещаться за счет изменения модальности. Таким образом в рекламном тексте часто создается презумпция исключительности. Предикат смещаемого утверждения при этом остается в предикативной части и выражается инфинитивом, к которому присоединяется модальное слово: *Вы можете заказать изысканное белье по каталогу. Теперь вы можете одним движением сделать вашу кожу безупречной* (здесь, кроме того, частица создает презумпцию новизны утверждаемого). Упоминание возможности что-то сделать или получить именно рецепиентом сообщения указывает на то, что это действие не всеми и не всегда может быть совершено. Часто в подобных конструкциях добавляется указание на время, которое может быть понято как ограничение времени действия уникальной возможности: *Вы можете позвонить нам прямо сейчас. Сегодня Вы можете приобрести уникальный пылесос на выгодных для Вас условиях.*

Рассмотренные случаи в строгом смысле следовало бы назвать смещением ассерции. В случае смещения суждения на уровне семантики оно остается ассертивной частью высказывания, но в некотором смысле притесняется его дополнительными компонентами. В случае же со смещением в грамматической структуре субъект и предикат меняют свои позиции, но прочитываются в высказывании: *день, когда я впервые сел за руль (я когда-то сел за руль)*; *книга, научившая меня понимать себя (я научился понимать себя, книга научила меня понимать себя)*. Утверждение смещается за счет включения другого утверждения, которое позиционируется автором речи как его основная мысль. При таком смещении суждения в неассертивный план его предикативность может либо сохраняться (придаточные предложения), либо ослабевать (причастные и деепричастные обороты).

Сама структура сложноподчиненного предложения подразумевает наличие неассертивного компонента: в них «лишь одна часть утверждает нечто, а другая составляет пресупозицию этого утверждения» [1, с. 86]. Наиболее распространенный вариант сложноподчиненных предложений в рекламных текстах – предложения с определительными придаточными. В них субъект и предикат трансформируемого утверждения сохраняются в полном виде, но субъект обычно теряет субъектность, становясь объектом главного предложения, а предикат характеризует этот объект: *Мы предлагаем набор самой необходимой мебели, за которой вам будет удобно*. При этом главное предложение чаще всего устанавливает между субъектом и объектом отношения включения: *Компактная пудра содержит микро-частицы и пигменты, которые защищают кожу от вредного воздействия окружающей среды. Крем содержит липосомы, которые стимулируют синтез коллагена*. Так свойства объекта, выраженные придаточным предложением, переносятся на субъект главного предложения. Таким образом, важное для рекламного текста утверждение о товаре делается именно в придаточном предложении, но за счет смещения в неассертивный план оно избегает пристального внимания. Реципиент сосредотачивается на реме высказывания, в позиции которой оказываются непривычные, научные и даже экзотические понятия. Они воспринимаются как термины, а поскольку незнакомая терминология всегда производит впечатление научности, такие высказывания кажутся реципиенту авторитетными и вызывают доверие.

Утверждение может смещаться в придаточное предложение полностью, например, в случае с придаточными дополнительными: *Вы знаете, что горбуша «Пять морей» изготовлена из отборной свежей рыбы, не содержит консервантов*. Предикат главного предложения в таких конструкциях часто имеет значение истинности: *Наши исследования доказали, что....90% домохозяйек подтвердили, что...* Смещение утверждения в придаточное может быть и неполным. Например, в сложном предложении с придаточным цели субъект скрытого утверждения становится объектом в главном предложении, а предикат приобретает признаки главного члена односоставного инфинитивного предложения в придаточном: *После душа*

нанесите пару капель Успокаивающего бальзама, чтобы расслабиться и настроиться на волну гармонии. Потрясающая, тонкая находка, чтобы легко и в то же время метко подчеркнуть и дополнить свой образ.

Для рекламного текста характерно также смещение суждения в причастный или деепричастный оборот. В этом случае субъект смещенного высказывания совпадает с субъектом утверждения, играющего роль ассерции, а предикат ослаблен до полупредикативности: *Мусс содержит микрочастицы и пигменты, защищающие кожу от вредного воздействия окружающей среды. Крем повышает защитные функции кожи, препятствуя ее преждевременному старению.* При этом причастия и деепричастия могут вносить пресуппозиции. Например, обозначая приобретение признака, они тем самым утверждают его отсутствие прежде: *Тональный крем полностью адаптируется к цвету кожи, создавая идеально ровный, естественный тон,* – или на данный момент: *Крем увлажняет кожу, возвращая ей жизненную силу.* Часто используются производные глагола *дарить*, которые помимо значения приобретения вносят пресуппозицию безвозмездности: *Кремовая пена очищает и увлажняет кожу, даря ей ощущение необыкновенного комфорта и мягкости.*

Суждение, смещенное на уровне структуры предложения, следует характеризовать как дополнительную ассерцию [6], поскольку ассерцией высказывания становится другое утверждение, но и смещенное суждение не теряет утверждаемости полностью. Основным критерием, позволяющим отличить смещение от других способов создания неассертивности, следует считать, таким образом, сохранение предикативности (в полном или ослабленном виде) утверждением, которое подвергается редукции.

Свертывание утверждения заключается в сокращении средств его выражения. Характерная для суждения двучленная структура преобразуется в одночленную, то есть суждение превращается в понятие. Отличительная черта суждения в том, что оно может быть оценено как истинное или ложное. Таким образом, свертывание утверждения приводит к тому, что оно избегает оценки с точки зрения истинности/ложности, что вполне соответствует цели манипулятивного воздействия.

Свернутым может быть суждение о самом товаре (*Пора пить настоящую воду*). В этом случае часто происходит подмена собственно имени товара на некое понятие (*Роскошь в золотом исполнении*). Свертывается также суждение о качестве продукта (*Улучшенная текстура в новой упаковке*) или об эффекте от его применения (*Индивидуальный подход к сохранению молодости, Уникальная формула увлажнения*), при этом скрывающее суждение понятие выступает как самостоятельный предмет речи, т.е. позиционируется как данность.

Утверждение может быть свернуто до непредикативного сочетания, в котором признак происходит из предиката скрытого высказывания. Суждение, лишённое предикативности, утрачивает способность устанавливать отношение к реальному предмету, то есть теряет определенную референ-

цию, превращаясь в общее понятие. Например, понятие, выраженное существительным с зависимым определением *натуральная косметика*, не может быть приравнено к суждению *косметика является натуральной*, поскольку для того, чтобы усвоить и понять первый знак, не требуется понимать его связь с реальным объектом, тогда как второй знак указывает на реальный объект. Поэтому преобразование утверждения в непредикативное сочетание мы будем также относить к свертыванию, а не смещению, несмотря на то, что субъект и предикат остаются при этом выражены отдельными словами, поскольку они образуют при этом одно сложное понятие. Главное слово такого сочетания соответствует субъекту свернутого утверждения, а зависимое – чаще всего согласованное определение – его предикату. *Фабрика «Столлит» предлагает качественную, многофункциональную, современную и доступную по цене корпусную мебель эконом-класса. Пора пить настоящую воду.*

Употребление словосочетания *натуральная косметика* позволяет избежать прямого утверждения, что косметика является натуральной, в то же время словосочетание передает этот смысл. При этом добавление предикативного признака к этому понятию – например, *натуральная косметика появилась в Швеции* – делает еще менее вероятной возможность критического восприятия свернутого утверждения. «Как только сообщаемое сосредотачивается на признаках объекта, существование самого объекта как носителя признаков начинает приниматься как данное, т.е. отодвигается в область предпосылок сообщения». [2, с. 27] Чем больше при этом вводится предикативных компонентов, тем больше степень неассертивности скрытого в определении суждения: *Как вы думаете, случайно ли то, что натуральная косметика Орифлейм появилась именно в Швеции?* Часто определение не несет никакой информации, кроме экспрессии: *Цепочка с кулоном покрыта эксклюзивным напылением. Любимые очищающие средства. Искрящийся коктейль ароматов пробуждает чувства.* Определение нацелено на то, чтобы вызвать нужные ассоциации, т.е. оно выполняет прежде всего художественную функцию, выступает эпитетом: *гламурные ресницы, аромат роскоши, энергичный кофейный аромат.* Благодаря коннотативному полю этих слов возникает некая область значений, которая легко привязывается к предмету речи. И высказывание воспринимается естественно, несмотря на то, что свернутое в нем утверждение, например, что аромат *энергичен* – просто недопустимо в русском языке.

К предмету речи рекламного текста часто прикрепляется признак, то есть на протяжении всего текста или всех текстов о нем имя предмета употребляется только вместе с признаком и никогда не встречается без него. Таким прикрепленным признаком часто выступает принадлежность реципиенту (*Получите Вашу парфюмерную воду в подарок*) или свойство предмета (*натуральная косметика, безопасные средства, экологически чистый продукт*).

Другой вариант свертывания – переход предиката в существительное (будем называть это здесь номинализацией): *Лаконичность форм и невероятный блеск*. Имя существительное всегда несет в себе отчасти утверждение, по словам С. Булгакова, «онтологический жест *это есть*» [3, с. 48]. «Имя существительное есть экзистенциальное суждение, в котором подлежащим является некоторая точка бытия, то, что само по себе не может выразиться в слове, но именуется, а сказуемым является имя» [3, с. 57]. При этом субъект свернутого высказывания может быть назван зависимым словом при существительном: *Светлые тона в расцветке и эргономичность этой мебели позволяют ей оставаться хитом в нашем модельном ряду*. Но субъект может и не называться вообще, то есть от скрытого суждения остается фактически только свернутый предикат, отнесенность же выражаемого им признака к предмету речи определяется контекстом: *Прикоснитесь к волшебству, Когда хочется чего-то особенного, Прикосновение стиля*. Здесь имеет место своего рода прагматическая метафора, которая не основывается на каком-то сходстве, а устанавливает его. В качестве основания для сравнения берется, как правило, абстрактная оценочная лексика: *Свободу удовольствию, Свежесть притягивает, Если дарить, то самое лучшее, Переходи на лучшее*. В этом случае предикативный признак положен в основание номинализации, которая заменяет настоящее имя предмета (название марки), то есть референция объекта высказывания идентифицируется с номинацией приписываемого ему признака. При этом существительное может быть распространено зависимыми словами, образующими с ним одно понятие: *Волнующее переплетение древесных нот и тягучих пряных бликов в жгучей ауре амбры. Окунитесь в волну эмоций, которые дарит Вам Dove. Красивые волосы: просто, как все гениальное. Благородство формы и гламурность стиля барокко делают это кольцо по-настоящему торжественным*.

Имя, в котором свернуто суждение, и при котором нет указания на субъект свернутого суждения, часто заменяет собой имя товара (*Защита для всей семьи. Наслаждение свежестью. Нежная текстура в новой упаковке*) или называет производимый им эффект. Причинно-следственная связь между подразумеваемым предметом и названным качеством или следствием его применения устанавливается по умолчанию, следует из общего рекламного контекста: *Гладкая матовая кожа всегда в моде. Ваша одухотворенная чувственность пленяет сердца и приковывает взгляды. Блеск и сияние придадут Вашим губам праздничный и гламурный вид*. В этих случаях товар как таковой может не упоминаться вообще, не считая заголовка или названия иллюстрации. Утверждение делается о каком-либо факте или явлении, которые благодаря контексту воспринимаются как следствие применения товара. При этом утверждение часто бывает очевидно верным, то есть таким, с истинностью которого согласились бы все: *Ровная область вокруг глаз делает вас моложе. Красивые волосы: просто, как все гениальное*. Подобного рода высказывания особенно часто исполь-

зуются в сильных позициях – в качестве вступления или заключения к рекламному тексту.

Еще один вид неассертивности – включение. Неассертивный компонент значения может передаваться глаголом. Смысл скрытого суждения не выражается собственно значением глагола, актуальным для данного высказывания, а скорее включен в это значение, неотделим от него. Это принципиально отличается от свертывания суждения, хотя на первый взгляд кажется тем же приемом. В случае свертывания суждение все же имеет собственные средства выражения в скрывающем высказывании. Непредикативное сочетание сохраняет значения субъекта и предиката и их отношения предмета и его признака. При свертывании в существительном предикат свернутого высказывания только подвергается изменению, занимая другую логическую позицию, а его субъект либо исключается вообще – определяется контекстом, – либо совпадает с субъектом или объектом основного утверждения. В случае же включения скрытого утверждения в значение предиката другого высказывания ни субъект, ни предикат скрытого суждения не имеют самостоятельного выражения. Смысл скрытого высказывания является пресуппозицией глагола. *Вы этого достойны* – в глаголе свернуто суждение о товаре: он настолько хорош, что обладание им нужно заслужить. Свертывание утверждения в глаголе наиболее удаляет его от утверждаемости из всех рассмотренных приемов создания неассертивности. Если в непредикативном сочетании и в имени хотя бы сохраняется лексическая основа свернутого предиката, то здесь предикативный признак вообще лишается лексического выражения, передается косвенно. Кроме того, непредикативный признак – это все же некий признак предмета, имя – это суждение о существовании предмета, т.е. в них заведомо скрыто суждение. Глагол же прежде всего представляет собой некое суждение о предмете, и не предполагает в себе скрытого суждения о другом предмете. И если такое суждение все же обнаруживается в нем, то оно может выражаться только тонкостями собственного значения глагола. *Светлые тона в расцветке и эргономичность этой мебели позволяют ей оставаться хитом в нашем модельном ряду. Что вас пленяет в технике Миле? Что касается цены, я имею возможность предложить ее вам сегодня за 120 рублей.*

Глаголы в повелительном наклонении вообще нежелательны для рекламы, поскольку делают ее навязчивой. Но если их значение не подразумевает прямой директивы (*купи*), то реципиент не «спотыкается» о них при восприятии текста. *Побалуйте* ваше лицо *живительной маской*. *Угостите* вашу кожу. *Спасите* ваши ногти. *Сэкономьте* до 42%. Во-первых, в таких глаголах выступает на первое место положительная коннотация – *побалуйте*, *угостите*, то есть доставьте себе удовольствие, поэтому их повелительность не агрессивна. Во-вторых, истинный смысл их употребления – вносимое ими презумпциональное значение. Опишем эти презумпции. *Побалуйте*: средство, предлагаемое для совершения этого действия, пред-

ставляет собой нечто труднодоступное или в каком-то смысле даже запретное. *Угостите*: предлагаемое средство сопоставимо с лакомством, т.е. обладает свойством вызывать положительные эмоции. *Спасите*: объект, на который направлено действие, в беде и нуждается в помощи. *Сэкономьте*: вы собираетесь потратить большую сумму на аналогичную вещь.

Рассмотренные случаи различны не только по способу, но и по степени преобразования суждения. При смещении суждение остается суждением. Его ассертивность лишь ослабевает за счет вторжения других компонентов, перетягивающих на себя акцент высказывания. Суждение остается в логическом центре. Это наименьшая степень неассертивности. В случае свертывания суждение преобразуется в понятие, то есть позиционируется как сущность, а не состояние. При свертывании в непредикативном сочетании высказывание сохраняет значения субъекта и предиката. При номинализации в существительном сохраняется только значение предикативного признака свернутого высказывания, субъект которого либо определяется контекстом, либо совпадает с субъектом или объектом основного утверждения. В случае же включения утверждения в значение глагола не имеют собственного средства выражения ни субъект, ни предикат скрытого суждения. Смысл свернутого высказывания является пресуппозицией. Он не выражается никаким компонентом высказывания, а может быть лишь извлечен из него. Таким образом, последовательно рассмотренные три вида преобразования суждения в неутверждаемый компонент высказывания располагаются по мере усиления степени неутверждаемости, или по возрастанию трудности извлечения свернутого высказывания. Это позволяет говорить о некоей шкале неассертивности, на которой каждый отдельный случай будет располагаться более или менее отдаленно от ассерции. По мере отдаления от нее возрастает потенциал воздействия компонентов высказывания, потому что чем более они скрыты от критического внимания реципиента, тем вероятнее будут приняты им как данность.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // ИАН ОЛЯ. Серия литературы и языка. – 1973. – Т. XXXII. – Вып. 1. – С. 84-89.
2. Арутюнова Н. Д. Референция имени и структура предложения // Вопросы языкознания. – 1976. – № 2. – С. 24-35.
3. Булгаков С. Философия имени. – Париж, YMCA – PRESS, 1953.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира. – М., 1996.
5. Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. – М.: Языки славянских культур, 2006.
6. Падучева Е. В. Эффект снятой утвердительности. – [Электронный ресурс]: www.dialog-21.ru/Archive/2004/Paducheva.htm
7. Пирогова Ю. К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования // Проблемы прикладной лингвистики – 2001. – М., 2001. – С. 209-227.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

УДК 81'42

А. В. Голоднов

Коммуникативно-прагматическая характеристика риторического метадискурса

В статье уточняется определение и дается коммуникативно-прагматическая характеристика риторического метадискурса, выявляются его основные характеристики. Риторический метадискурс рассматривается как особая дискурсивная практика, интегрирующая различные коммуникативные сферы (рекламную, политическую, судебную и т.п.) на основе общности персуазивной интенции субъекта дискурса, выступающего в коммуникативной роли адресанта.

In this article the rhetorical meta-discourse is more precisely defined, its communicative-pragmatical description is given. The rhetorical meta-discourse is described as a discursive practice, which integrates some communicative spheres (advertising, politics, justice etc.) on the basis of the persuasive intention of message sender.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная практика, риторический метадискурс, персуазивность, персуазивная интенция.

Key words: discourse, discursive practice, rhetorical meta-discourse, persuasion, persuasive intention.

Термин «риторический метадискурс» был введен нами для обозначения совокупности текстов разных коммуникативных сфер (политической, научной, юридической, рекламной, публицистической, религиозной), объединенных установкой на персуазивное (риторическое) воздействие с целью добиться от реципиента принятия самостоятельного решения о необходимости, желательности либо возможности совершения / отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта (см. подробнее: [2]).

В данной статье понятие риторического метадискурса уточняется с акцентом на социально-деятельностный характер этого явления, а также дается коммуникативно-прагматическая характеристика риторического метадискурса. При определении риторического метадискурса мы обращаемся к понятию дискурсивной практики, которое является одним из ключевых в современном дискурс-анализе. Согласно трехмерной модели дискурса Н. Фэркло, дискурсивная практика есть процесс производства и восприятия текста, включенный в более широкую социальную практику, которой при-

надлежит коммуникативное событие [6, с. 110-111]. Основываясь на данном определении и развивая его с опорой на основные принципы дискурсивной онтологии, мы определяем дискурсивную практику как культурно-исторически сложившуюся форму преимущественно (но не исключительно) вербально экстерииоризованного ментально-коммуникативного социального взаимодействия индивидов и/или групп (субъектов дискурса). Дискурсивная практика включает широкий диапазон явлений – субъекты дискурса (как индивидуальные, так и группы, сообщества), институты, ритуалы, идеологические системы, установки (мнения, убеждения, оценки), носителей информации и т.д.

Под риторическим метадискурсом мы понимаем особый вид дискурсивной практики, реализуемый на базе определенных типов текста (речевых макроактов), которые относятся к разным коммуникативным сферам (см. выше), но обладают совокупностью когнитивных, коммуникативно-прагматических, структурных и лингвостилистических признаков, общность которых обусловлена персуазивной интенцией одного из субъектов дискурса, выступающего в коммуникативной роли адресанта. Риторическим метадискурсом мы также называем саму совокупность текстов, порождаемых и воспринимаемых в риторической метадискурсивной практике.

Коммуникация в риторическом метадискурсе имеет дистантный характер, причем дистантность в данном случае должна рассматриваться двояко: 1) традиционно понимаемая дистантность коммуникации как разрыв между коммуникантами (субъектами дискурса) во времени и пространстве. Общение в данном случае опосредовано (большой частью) средствами массовой информации (СМИ). В этой связи адресант должен учитывать преимущества и недостатки различных СМИ и связанных с ними кодов. Такой тип дистантности характерен, например, для рекламного дискурса; 2) квазидистантность, при которой в коммуникативной ситуации одновременно присутствуют адресант и реципиент, однако практически отсутствует возможность непосредственного обмена репликами и смены коммуникативных ролей (адресант на протяжении всего коммуникативного акта остается адресантом, а реципиент – реципиентом). Квазидистантность типична для публичного выступления. Следует отметить, что даже при диалогическом характере общения в риторическом дискурсе (например, в дебатах) всегда присутствует или подразумевается внешний реципиент (аудитория), по отношению к которому оба субъекта диалога выступают как адресанты.

В обоих случаях успешность риторического дискурса зависит от степени знания адресантом своей аудитории либо представления о ней.

Для описания риторического метадискурса может быть использована следующая модель.

Модель риторического метадискурса

$$\begin{aligned}
& [K_A \rightarrow [РиС (Ап) \overset{РиТ}{\text{Ап(Р+Кр)}}]] \leftarrow - \rightarrow [[\overset{РиТ}{\text{Р(Ап+Ка)}} РиС (Р)] \leftarrow K_{P1}] \rightarrow K_{P2} \\
& \quad \quad \quad \vdots \\
& (Ап <> K_{Ап}; Ап <> / \geq Р; Ап <> / \geq K_{P1}; Ап \geq K_{P2}) \pm (Р <> K_{P1}; Р < \\
& \quad \quad \quad > / \geq K_{Ап}; Р <> / \geq Ап(РиТ); Р <> \overset{РиТ}{\text{Р(Ап+Ка)}}; Р \geq K_{P2}),
\end{aligned}$$

где K – широкий социальный контекст, частью которого является РиС – риторическая коммуникативная ситуация (ситуация свободного выбора), в которой субъекты дискурса адресант, имеющий персуазивную интенцию (Ап), и реципиент (Р) соответственно производят и воспринимают риторический текст (РиТ).

Пояснения к схеме 1.

1. Противопоставление $K_A \leftrightarrow K_P (K_{P1} / K_{P2})$ отражает дистантность либо квазидистантность между адресантом и реципиентом риторического метадискурса и, соответственно, различие их широких социальных контекстов, включающих в себя риторическую коммуникативную ситуацию и, соответственно, субъектов дискурса и производимый и воспринимаемый ими риторический текст (отношения включения обозначены квадратными скобками). В квазидистантной коммуникативной ситуации адресант и реципиент находятся в одном широком контексте, но по-разному представляют и оценивают его, то есть когнитивные модели контекста у адресанта и реципиента различаются.

2. Противопоставление $K_{P1} \leftrightarrow K_{P2}$ (прекоммуникативный контекст реципиента $\leftrightarrow$ посткоммуникативный контекст реципиента) отражает изменения контекста реципиента в результате развертывания дискурса. Адресант риторического метадискурса прогнозирует изменения контекста реципиента ($Ап \geq K_{P2}$), которые собственно являются целью его персуазивной деятельности (изменение посткоммуникативного поведения: перлокутивный эффект в терминах теории речевых актов).

3. Прерывистая разнонаправленная стрелка $\leftarrow - \rightarrow$ показывает, что, несмотря на дистантность / квазидистантность общения, оно является интеракционным. Интерактивность достигается посредством активной интерпретации и прогнозирования реципиентом всех элементов риторического метадискурса.

4. Знак $< >$ означает интерпретацию субъектами дискурса широкого контекста, условий коммуникативной ситуации, включая интенции, настроение и поведение партнера, а также интерпретацию получаемого текста.

5. Знак $\geq$ означает прогнозирование возможных изменений в интенциях, настроении и поведении партнера, прогнозирование использования партнером тех или иных интерпретативных стратегий и т.п.

6. $R_{\Pi T}^{A_{\Pi}(P+K_P)}$ означает, что адресант риторического метадискурса продуцирует текст, ориентируясь на реципиента, активируя свои знания и / или представления о нем и создавая его гипотетический образ ($A < > / \geq P$), а также привлекая свои знания и / или представления о контексте реципиента ($A < > / \geq K_{P1}$).

7. $R_{\Pi T}^{P(A_{\Pi}+K_{\Pi})}$ означает, что реципиент риторического метадискурса интерпретирует текст, строит его «лично-актуальный смысл-образ» [цит. по: 5, с. 73], ориентируясь на созданную адресантом в тексте систему средств прагматического фокусирования ($P < > R_{\Pi T}^{P(A_{\Pi})}$) с учетом своих знаний и / или представлений об адресанте (создание гипотетического образа адресанта на основе полученного текста ($P < > / \geq A_{\Pi}(+R_{\Pi T})$), а также с привлечением знаний и / или представлений о контексте адресанта и о ситуации порождения текста ($P < > / \geq K_{A_{\Pi}}$).

Дальнейшая характеристика риторического метадискурса требует выявления типичных для него дискурсивных параметров.

1. Пространственные координаты дискурса. Как было указано выше, риторический метадискурс полностью или частично интегрирует различные коммуникативные сферы – политическую, юридическую, рекламную, публицистическую, религиозную, научную и т.д. Частичная инклюзивность объясняется тем, что риторическая метадискурсивная практика реализуется в этих коммуникативных сферах в случае наличия у адресанта коммуникативного акта персуазивной интенции, которая во многих выше-названных коммуникативных сферах является лишь одной из возможных.

2. Субъекты дискурса. Учитывая гетерогенность категории субъекта, субъекты риторического метадискурса рассматриваются нами:

- а) с позиции своей коммуникативной роли в дискурсе;
- б) с позиции своей социальной роли в дискурсе;
- в) с позиции типа отношений между субъектами дискурса;
- г) с позиции когнитивно-психологических характеристик субъектов дискурса.

Рассмотрим каждую из позиций. С позиций коммуникативной роли в дискурсе первичные коммуникативные роли субъектов риторического дискурса – адресант и реципиент (аудитория).

Риторическая коммуникативная ситуация рассматривается как вариант побудительной ситуации, в которой адресант принимает вторичную коммуникативную роль источника побуждения, а реципиент – роль исполнителя каузируемого адресантом действия. По количественному параметру выделяют следующие виды субъектов риторического метадискурса: 1. адресант – моноадресант: а) конкретно-индивидуальный; б) неопределенно-индивидуальный, который обычно конкретизируется реципиентом «для себя» при моделировании «образа адресанта» при восприятии текста); полиадресант: а) конкретно-коллективный (напр., политическая партия); б) неопределенно-коллективный (напр., «мы»), который обычно конкретизи-

зируется реципиентом «для себя» при моделировании «образа адресанта» при восприятии текста; 2. реципиент. В зависимости от типа реципиента А. А. Брудный и Э. Д. Шукуров выделяют 2 типа коммуникации: аксиальную (точно адресованную) и ретиальную (неопределенно-адресованную, например, в средствах массовой информации) [1, с. 28]. Риторический метадискурс представляет собой смешанный тип, так как его реципиентом могут быть как конкретный индивидуум или группа индивидуумов, так и аудитория с гипотетическими характеристиками. Реципиент риторического дискурса может быть: монореципиентом: а) конкретно-индивидуальным; б) неопределенно-индивидуальным (гипотетическим реципиентом, представляющим для адресанта определенную группу, например, «ты» в рекламном объявлении); полиреципиентом: а) конкретно-коллективным (аудиторией, релевантные характеристики которой известны адресанту, например, парламентская фракция или студенческая группа); б) неопределенно-коллективным (аудиторией, релевантные признаки которой точно неизвестны, но предполагаются / моделируются адресантом, например, обращение к потомкам или «вы» в рекламном объявлении);

Можно противопоставить неопределенного и неопределенно-индивидуализированного реципиента. Под неопределенным реципиентом понимается аудитория, существование которой предполагается, но ее признаки неизвестны (например, обращение ко всем людям Земли). Неопределенно-индивидуализированный реципиент представляет собой аудиторию, о которой адресанту известен лишь ее коммуникативный статус (например, различные виды обращений к отдельным слоям общества).

Мы считаем нецелесообразным такое разделение, так как адресант в любом случае создает гипотетическую модель коллективного реципиента, приписывая ему определенные характеристики. Даже обращаясь к людям всей Земли, адресант конкретизирует в тексте с помощью определенных языковых средств те характеристики аудитории, которые он считает оптимальными для реализации своей интенции.

В риторическом метадискурсе субъекты могут выступать как собственно адресант или собственно реципиент, так и как адресант-посредник (например, псевдопокупатель, от имени которого составлено рекламное объявление, по отношению к фирме-производителю рекламируемого продукта) или реципиент-посредник (например, интервьюируемый по отношению к читательской аудитории газеты или журнала).

Социальные роли субъектов риторического метадискурса являются переменными, обусловленными особенностями коммуникативной сферы, в котором субъекты функционируют. Например, в политическом дискурсе адресант может выступать в позиции политического деятеля, а неопределенно-коллективный реципиент представляет собой избирателей. В судебном дискурсе адресант-адвокат обращается к присяжным и т.п. Социальные роли субъектов риторического метадискурса могут рассмат-

риваться как с точки зрения адресанта, т.е. его социальной самопрезентации и его знаний или представлений о социальной роли реципиента, проявляющихся в гипотетических образах адресанта и реципиента в тексте, так и с точки зрения реципиента, который может воспринимать текст одновременно с различных социальных позиций – как сторонник определенной партии, как «отец семейства», как безработный и т.п.

С позиций типа отношения между участниками дискурса можно выделить следующие когнитивно-психологические характеристики субъектов дискурса: 1) между субъектами риторического метадискурса существует реальное или предполагаемое разногласие (диссенс или конфликт) по поводу необходимости / желательности / возможности совершения реципиентом определенного посткоммуникативного действия; 2) один из субъектов риторического метадискурса (адресант) вступает в общение с доминирующей персуазивной интенцией; 3) адресант искренне заинтересован в реализации своей интенции и убежден в возможности ее осуществления. Реципиент верит в искренность намерений адресанта реализовать свою интенцию; 4) в сознании субъектов риторического метадискурса содержатся когнитивные представления о себе, друг о друге, о параметрах коммуникативной ситуации, о типовых моделях развертывания речевых действий (Handlungsmuster), максимах общения Г. Грайса, коммуникативных стратегиях и тактиках и т.п.; 5) субъекты риторического метадискурса пользуются одинаковым языковым и параязыковым кодом и имеют – в случае дистантного общения - равный доступ к физическому носителю текста (медиуму); 6) субъекты риторического дискурса обладают общими энциклопедическими, прагматическими и социокультурными знаниями. Степень общности знаний у адресанта и реципиента может быть различной, что должно учитываться адресантом при выборе тактик аргументации и языковых средств их реализации.

Тип отношений между субъектами риторического метадискурса мы, вслед за Л. С. Чикилевой, характеризуем как отношения сотрудничества [8, с. 57] как в собственно коммуникативном (интерактивность общения, учет фактора реципиента), так и в социальном плане (ориентация на устранение диссенса). Адресант и реципиент риторического дискурса находятся в отношениях реального либо относительного, симулируемого (прежде всего адресантом) равноправия. Относительность равноправия субъектов дискурса обусловлена установкой адресанта на воздействие, а также возможным антропологическим, социокультурным, социально-экономическим и др. неравенством адресанта и реципиента. Тем не менее, поддержание отношений равноправия выгодно адресанту для достижения его цели. Равноправие коммуникативных партнеров исключает из риторического метадискурса (в идеальном случае) вербальные и невербальные действия, направленные на давление на реципиента, подчинение его воли. Риториче-

ская ситуация – это ситуация свободного выбора реципиента, в которой он принимает самостоятельное решение о необходимости / желательности / возможности совершить определенное действие в интересах адресанта.

Модус общения, для характеристики которого используются бинарные оппозиции официальность ↔ неофициальность (интимность) общения, стандартность ↔ нестандартность общения, нейтральный характер общения ↔ экспрессивность общения не может быть однозначно определен для риторического метадискурса.

Реализация персуазивной цели адресанта требует варьирования модуса общения в зависимости от параметров коммуникативной ситуации. Это обусловлено типичной для риторического метадискурса дихотомией рационального убеждения и эмоционального «обольщения». Очевидно, что при доминировании эмоциональной аргументации увеличивается степень нестандартности и экспрессивности общения.

Риторический метадискурс, понимаемый как коммуникативное событие, объективируется в форме текста, который может быть назван риторическим. Риторический текст следует рассматривать как инвариантную модель, «схему построения и восприятия аналогичных текстов (Textbildungsmuster, Textschemata, Textentfaltungsmuster) <...>, по образцу которого могут создаваться другие тексты с различным содержательным наполнением» [7, с. 57-58]. Принимая во внимание тот факт, что риторический текст производится и воспринимается в метадискурсе, интегрирующем различные коммуникативные сферы, он является прототипом для текстов, относящихся к различным коммуникативным сферам, но имеющих общие коммуникативно-прагматические, структурные, лингвостилистические и другие признаки, общность которых обусловлена единой персуазивной целеустановкой.

Данные тексты, точнее, типы текста (рекламное объявление, публичное политическое выступление, проповедь, обвинительная и защитительная речь и др.) образуют особую риторическую текстовую сеть, класс текстов или подсистему (Subsystem, термин К. Адамчик [9, с. 109]), трансцендентную по отношению к другим текстовым подсистемам – рекламной, включающей рекламное объявление, рекламный плакат, рекламное письмо и др., судебной (защитительная и обвинительная речи, протокол допроса и др.), политической и т.д. Использование термина «подсистема» подчеркивает включенность дискурсоспецифических классов текстов в глобальную текстовую систему (Textsortennetz).

Подводя итоги, назовем основные коммуникативно-прагматические характеристики риторического метадискурса: социальность; гетерогенность (интеграция различных коммуникативных сфер); интересубъективность, интерактивность; персуазивная интенциональность субъекта дискурса, выступающего в роли адресанта; конфликтность.

Список литературы

1. Брудный А. А., Шукуров Э. Д. Мир общения. – Фрунзе: Кыргызстан, 1977.
2. Голоднов А. В. Риторический метадискурс: к определению понятия // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Научный журнал. – 2008. – № 2 (13). Серия Филология. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина. – С. 7-18.
3. Голоднов А. В. Персуазивная стратегия текстообразования в риторическом дискурсе // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Научный журнал. – 2008. – № 4 (18). Серия Филология. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина. – С. 113-125.
4. Голоднов А. В. Дискурс и речевой акт (на примере риторического (риторико-персуазивного) метадискурса) // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Научный журнал. Серия Филология. – 2009. – № 1. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина. – С. 121-132.
5. Филиппов В. С. Текст: на все четыре стороны // Чествуя филолога (К 75-летию Ф. А. Литвина. – Орел: Орловская правда, 2002. – С. 66-74.
6. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков: Монолог, 2004.
7. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. – М.: Либроком, 2009.
8. Чикилева Л. С. Риторический дискурс: когнитивно-прагматический и структурно-стилистический аспекты. – М.: Наука, Флинта, 2005.
9. Adamzik K. Was ist pragmatisch orientierte Textsortenforschung? In: K. Adamzik (Hrsg.): Textsorten. Reflexionen und Analysen. – Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2007. – SS. 91-112.

Уровни актуализации личностной концептосферы в президентском дискурсе

В статье изучается проявление социальной стороны языковой личности, а именно, специфика деятельности президента и реализация его институциональной роли через взаимодействие в нем характеристик личностного и политического дискурсов на разных уровнях: рациональном – за счет использования аргументативных тактик и стратегий; апелляции к прецедентным историческим событиям, именам и другим знакам и кодам культуры и личностно-эмотивном уровне – использование метафор, аффективов и других единиц эмотивного кода.

This paper studies the manifestation of the social side of the language identity, namely, specifics of the president and the implementation of his/her institutional role through the interaction of the characteristics of personal and political discourses on different levels: rational – through the use of argumentative tactics and strategies; appeal to precedent historical events, names and other signs and codes of culture, and personal-emotional level – the use of metaphors, affectives and other units of the emotive code.

Ключевые слова: политический дискурс, президентский дискурс, политическая речь, социализация, институциональная роль, топосы.

Key words: political discourse, presidential discourse, political communication, socialization, institutional role, topics.

Современных лингвистов продолжает интересовать вопрос, связанный с исследованием в разных научных дисциплинах различных аспектов языковой личности. Принимая во внимание теорию Ю. Д. Апресяна о разноипостасности образа человека (*homo vivus*, *homo sentiens*, *homo loquens* и т.д.), мы обсуждаем проявление ипостаси человека *Я-социальное* (*homo socialis*) в президентском дискурсе.

Понятие социосферы относится к социолингвистике, объектом которой является «характер и механизм отношений» языка и общества. В. В. Наумов данный процесс традиционно рассматривает как дихотомию: с одной стороны, язык является средством воздействия государства на общество, с другой, – это аморфное образование, генеральная совокупность индивидов, так называемые носители языка, спонтанно, непреднамеренно насыщающие языковую систему речевыми образцами, которые, в свою очередь, формируют ряд правил реализации языковых единиц, называемых нормой [10, с. 7].

Взаимовлияние человека и общества происходит в различных видах дискурса, но особенно ярко проявляется эта связь в политическом дискурсе, поскольку он оказывает влияние на общественное сознание. Вследствие этого основное внимание уделяется проблемам языка как

способу контроля над обществом, а тема «язык и власть» становится ведущей. В описании феномена политического лидерства принято выделять два уровня: макроуровень и микроуровень. Макроуровень – это ситуационные факторы, в которые политик оказывается вовлеченным «волею судьбы». Микроуровень – это область исследования, связанная с личностью политика и спецификой его деятельности [4, с. 9]. Для нас представляет интерес микроуровень, на котором языковая личность проявляет себя в полной мере в результате своей деятельности в определенном обществе. Согласно авторитетному мнению В. И. Карасика, языковая личность в политическом дискурсе представляет, прежде всего, определенную организацию, конкретный «институт»: правительство, партию и т.д. Поэтому политическая речь, являясь результатом языкового творчества политика, рассматривается как продукт деятельности того "института", который данный политик представляет [9, с. 89]. Другими словами, он выполняет институциональную роль, поскольку наделен властью, причем он передает информацию не только от имени определенного института, но и от себя лично. Другой известный ученый Т.В. Юдина рассматривает политическую речь не только как процесс коммуникации, но и как один из видов социального действия, как само политическое действие, за которым стоят достаточно широкие группы общества [15, с. 172]. Это дает основание утверждать, что сфера общественной деятельности политика является одной из главных составляющих языковой личности.

Речь политика изобилует символами, а ее успех предопределяется тем, насколько эти символы созвучны массовому сознанию: политик должен уметь затронуть нужную струну в этом сознании; высказывания политика должны укладываться во «вселенную» мнений и оценок (то есть во все множество внутренних миров) его адресатов, «потребителей» политического дискурса [5, с. 38]. При этом политический деятель интуитивно выбирает из обширного инвентаря возможных лингвистических средств те средства, которые для него наиболее привычны, а значит, наиболее, на его взгляд, подходящие в данной ситуации. Этот интуитивный выбор, так или иначе, характеризует говорящего как личность [11, с. 130]. Одними из таких лингвистических средств являются средства аргументации (метафоры, прецедентные имена и события, символы и др.), поскольку политический дискурс обладает высокой степенью аргументации для отстаивания точки зрения, оправдания или опровержения мнения, либо для получения одобрения от аудитории. Интересам нашего исследования отвечает следующее определение, приведенное А. А. Ивиным: «Аргументация – это приведение доводов с целью изменения позиции или убеждений другой стороны (аудитории)» [6, с. 6]. Именно способы убеждения адресата с помощью речевого воздействия, изучаемые теорией аргументации, находятся в сфере интересов проводимого нами исследования. Аргументация составляет

наиболее важную, фундаментальную компоненту убеждения, так как она опирается на рациональные основы убеждения, на разум, а не эмоции, которые трудно контролировать, а тем более анализировать. Как в свое время отмечал А. Шопенгауэр, искусство убеждения состоит в умелом использовании едва заметно соприкасающихся понятий человека. Именно благодаря этому и совершаются неожиданные переходы от одних убеждений к другим, иногда вопреки ожиданиям самого говорящего [17, с. 58]. Во-вторых, в самой сути рационального убеждения лежит рассуждение, т.е. процесс преобразования одних мыслей в другие, которые поддаются контролю со стороны субъекта. В-третьих, аргументация стремится раскрыть реальный механизм рационального убеждения, т.к. он происходит в ходе диалога, полемики, принятия практических решений и т.д. В-четвертых, аргументация приобретает упорядоченный, целенаправленный и организованный характер. Целенаправленность и упорядоченность аргументации находят воплощение в последовательности определенных фаз, или стадий. На первой стадии формулируется основная цель аргументации, та задача или проблема, которую предстоит обосновать и тем самым убедить аудиторию в ее истинности. Вторая стадия аргументации связана с поиском, оценкой и анализом фактов, свидетельств, наблюдений и т.д. Третья, заключительная, фаза аргументации связана с установлением и обоснованием логической связи между данными и полученным на их основе результате [8].

Существуют жанровые разновидности политических текстов: инаугурационное обращение, предвыборная кампания, политические дебаты и т.д. Исходя из известной классификации текстов Дж. Серля (ассертивы, директивы, комиссивы, декларативы и экспрессивы), известный лингвист Е. И. Шейгал рассматривает данные жанры как политический нарратив-сверхтекст, под которым понимается совокупность дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события. Политическому нарративу-сверхтексту присущи такие характеристики, как общественная значимость сюжета, сюжетная двуплановость (денотативный прототип нарратива и сам нарратив как коммуникативное событие), сочетание содержательного единства с множественностью модальных установок [14, с. 76]. Особый интерес представляет общественная значимость сюжета политического нарратива-сверхтекста, в котором используются определенные языковые средства, нацеленные на формирование у общества определенного мнения: прецедентные имена, метафоры, аффективы и т.д. Каждый политик реализует свои коммуникативные стратегии с помощью данных средств, формируя тем самым свой образ в сознании того или иного общества, или свой имидж. Как утверждает О. С. Иссерс, именно имидж в такой области как политика обладает силой, приводящей в движение весь механизм [7, с. 72]. Важную роль в создании имиджа политика играет «личностный нарратив», выполняющий презентационную функцию, т.е. умение

рассказывать истории (автобиография, демонстрация непрерывности опыта, подведение итогов и т.д.) [14, с. 89]. Другими словами, политик нуждается в аффилиации, или в одобрении внутри собственной страны у референтных для него лиц или в одобрении других стран [1, с. 38]. В.К. Харченко называет это «социализацией», под которой понимается личная забота о соответствии ожиданиям общества в его конкретной общности. Кроме того, считает ученый, социализация должна быть соотнесена с индивидуализацией, под которой понимается личная забота о реальном воплощении неповторимого «я», что также находит отражение в разговорной речи, в появлении индивидуальных черт, особенностей речевого поведения, причем на различных уровнях и по большей части бессознательно [13, с. 26-27].

Одной из основных характеристик имиджа лидера является социальная характеристика, связанная с требованиями реальности. В зависимости от ситуации политик использует те или иные топосы в публичной речи, или *loci communes* – «общие места, под которыми подразумеваются содержательно определенные места, служащие для эмоционального усиления уже имеющихся доводов...» [12, с. 4]. Наибольший интерес представляют топосы, относящиеся к социальной сфере. Материалом для исследования послужили выступления американского президента Барака Обамы по поводу окончания войны в Ираке, в которых находит отражение его авторская позиция по отношению к проблемам социального характера [16]. Центральным топосом, преобладающим в его речи, является *окончание войны*. Данный топос, по мысли Э. В. Будаева, А. П. Чудинова, является ключевым для политического дискурса, поскольку война может наилучшим образом послужить политическим целям, как государства, так и его лидера [2, с. 79]. В своем выступлении Барак Обама делает акцент на справедливый характер войны, так как она оправдана исполнением долга перед своим «союзником» (Ираком) – ликвидировать источник военной опасности, очаг возникновения терроризма: *A war to disarm a state became...a fight against an insurgency. Terrorism and sectarian warfare threatened to tear Iraq apart.* Одновременно правительство США призвано было, по мнению президента, начать военные действия не только для сохранения единства и цельности страны, но и защиты человечества от угрозы терроризма: *In fact, over the last 19 months, nearly a dozen Al Qaeda leaders and hundreds of Al Qaeda's extremist allies have been killed or captured around the world.* Используя метафоры природы *in the midst of these storms, the rough waters, the darkest of human creations,* а также многочисленные повторы предложения *It is time to turn the page (4 раза)*, Б. Обама подчеркивает кризисное состояние общества в этот исторический момент, выход из которого он видит в развитии новых отношений между государствами: *....out of the ashes of war, a new beginning could be born in this cradle of civilization.. Through this remarkable chapter in the history of the United States*

and Iraq...., it is time to turn the page. Это свидетельствует о том, что у 44-летнего президента США рационалистический склад мышления совмещается с метафорическим [3, с. 196].

Идея построения нового будущего общества носит сквозной характер и прослеживается в других специфических топосах. Например, похвала в адрес американцев, участвовавших в войне в Ираке, и их семей, а также признание их заслуг перед страной являются реализацией топоса *patriotизма*: *At every turn, America's men and women in uniform have served with courage and resolve...The Americans who have served in Iraq completed every mission they were given.* Развитие данного топоса подкрепляется его использованием в речи таких аффективов, как *благодарение, гордость, жертва*, что способствует созданию имиджа руководителя, который гордится своим народом, демонстрируя, тем самым, единение с ним: *As Commander-in-Chief, I'm proud of their service. Like all Americans, I'm awed by their sacrifice, and by sacrifices of their families.*

Патриотизм американского народа подтверждается апелляцией к прецедентным историческим событиям: *Every American who serves joins an unbroken line of heroes that stretches from Lexington to Gettysburg; from Iwo Jima to Inchon; from Khe Sanh to Kandahar - Americans who have fought to see that the lives of our children are better than our own.* Кроме того, президент демонстрирует свое стремление следовать принципам, выработанным его предшественниками: *From this desk, seven and a half years ago, President Bush announced the beginning of military operations in Iraq. Much has changed since that night. A war to disarm a state became...a fight against an insurgency.* Завершается данный топос метафорой могущества своей страны, которая сможет решить все проблемы: *Our troops are the steel in our ship of state. And though our nation may be travelling through rough waters, they give us confidence that our course is true and that beyond the pre-dawn darkness, better days lie ahead.* Понимание своей ответственности перед страной как лидера государства реализуется в топосе *президентских обязательств*, ключевыми словами которых являются *responsibility, commitment*: *As President, my greatest responsibility is the security and safety of the American people. As I've said before, that is the first thing I think about when I wake up in the morning, it's the last thing that I think about when I go to sleep at night.* Частота апелляции к словам *responsibility (14 раз), commitment (5 раз)* объяснима тем, что президент подчеркивает свою легитимную правомочность, что он может защитить нацию от врагов и вывести ее из кризиса, который является глобальной мегазадачей. Пытаясь вызвать одобрение не только у своих сограждан, но и получить поддержку в мире за развязанную войну в Ираке, он обязуется решить проблемы социального характера и в своей стране, и в Ираке: *Our most urgent task is to restore our economy and put the millions of Americans who have lost their jobs back to work. To strengthen our middle class, we must give all our children the education they deserve, and all our workers the skills that they need to compete*

in a global economy....Our combat mission is ending, but our commitment to Iraq's future is not. Кроме того, многократное повторение слова *our* (79 раз) является эксплицитным маркером топоса *патриотизма*, который естественным образом сопрягается с топосом *единства нации* как условия успешного решения проблем, стоящих перед страной.

Таким образом, институциональная роль в президентском дискурсе реализуется через взаимодействие в нем характеристик личностного и политического дискурсов, что позволяет говорить о двух уровнях актуализации личностной концептосферы автора: рациональном уровне – за счет использования аргументативных тактик и стратегий, апелляции к прецедентным историческим событиям, именам, ситуациям и другим знакам и кодам культуры и личностно-эмотивном уровне – использование метафор, аффективов и других единиц эмотивного кода.

Список литературы

1. Абашкина Е. и др. Имидж политического лидера. – М., 1994.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. Монография. – М.: Флинта, Наука, 2008.
3. Генералова С. Н. Уровни пространства индивидуальной концептосферы // Языковые измерения: пространство, время, концепт. – М., 2010.
4. Гуцал А. Ф., Недбаевский С. Л. Портрет политического лидера в историческом интерьере. – [Электронный ресурс]: <http://www.niurr.gov.ua/ru/publication/methodology/90914/portret.htm>
5. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32 – 43.
6. Ивин А. А. Риторика: Искусство убеждать. – М., ФАИР ПРЕСС, 2002.
7. Иссерс О. С. Что говорят политики, чтобы понравиться своему народу // Вестник Омского государственного университета. – Омск, 1996. – Вып. 1. – С. 71 – 74.
8. Искусство аргументации. – [Электронный ресурс]: http://revolution.allbest.ru/psychology/00077592_0.html.
9. Карасик В. И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009.
10. Наумов В. В. Государство и язык. Формулы власти и безвластия. – М.: КомКнига, 2010.
11. Нефедова Л. А., Полякова Л. С. Разграничение понятий «политический язык» и «язык политика» // Единицы языка в когнитивно-семиотическом и лингвокультурологическом аспектах. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2009. – Часть I.
12. Онлайн Энциклопедия Кругосвет. Риторика. – [Электронный ресурс]: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/linguistica/RITORIKA
13. Харченко В. К. Современная повседневная речь. – М.: ЛКИ, 2010.
14. Шейгал Е. И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып. (2) 22. – С. 86 – 93.
15. Юдина Т. В. Дискурсивное пространство политической речи // Актуальные проблемы теории коммуникации. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 172 – 185.
16. President Obama's Oval Office speech on Iraq – text. August 31, 2010. – [Электронный ресурс]: <http://latimesblogs.latimes.com/washington/2010/08/oval-office-makeover-obama-iraq-speech-text.html/>.
17. Schopenhauer A. Die Welt als Wille und Vorstellung. – Leipzig: Brokhaus, 1891.

Фактор реципиента в новостном радиотексте

В статье рассматривается дискурсивный подход применительно к исследованию медиатекстов. С этих позиций анализируется влияние фактора реципиента на содержательное наполнение и выбор композиционно-речевых форм, реализующих функцию речевого воздействия, в текстах сообщений в новостных передачах информационных и музыкальных радиостанций.

The article considers the discursive approach to the study of the media texts. From this perspective, it analyzes in what way the factor of the recipient influences the contents and the choice of the language means that realize the function of the speech influence in the message body in the newscasts of information and music stations.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, радиодискурс, функция речевого воздействия, фактор реципиента.

Key words: media discourse, media text, radio discourse, function of speech influence, factor of recipient.

В последнее десятилетие при изучении функционирования языка средств массовой коммуникации наметилась смена исследовательской парадигмы и переход от текстологического к дискурсивному подходу. Новая область лингвистического знания, медиалингвистика, рассматривает медиатекст как часть и продукт медиадискурсивной деятельности [6; 19]. В данной работе под медиадискурсом вслед за М. Р. Желтухиной мы будем понимать связный устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте и отражающий механизм сознания коммуникантов [8, с. 23-24]. Иначе говоря, анализируя медиатексты как продукты дискурсивной деятельности в сфере массовой коммуникации, исследователь должен учитывать всю совокупность экстралингвистических факторов, сопровождающих процесс их порождения, восприятия и интерпретации.

В последнее время при исследовании медиатекстов делается упор не на структурные текстовые характеристики, а на коммуникативные экстралингвистические факторы, обуславливающие оформление текстов в рамках коммуникативной ситуации. Одним из важнейших параметров коммуникативной ситуации является реципиент [11; 19]. Радиодискурс в силу технических особенностей канала и исторически сложившихся условий развития в большей степени ориентирован на целевого адресата, чем другие разновидности медиадискурса [12; 17]. Адресант, осуществляя функцию речевого воздействия в рамках радиодискурса, выбирает такие языковые средства, которые наиболее эффективно донесут его интенцию

до целевого адресата. Под реализацией функции речевого воздействия в радиодискурсе мы будем понимать устную, технически опосредованную речевую деятельность, при помощи которой передаётся определённое содержание и посредством отбора языковых средств оказывается воздействие на реципиента [11, с. 69-71; 13, с. 72].

Цель настоящего исследования – проанализировать влияние фактора реципиента на содержательное наполнение и реализацию функции речевого воздействия при помощи выбора композиционно-речевых форм в информационных сообщениях. Последние представляют собой содержательный центр новостного радиотекста [14, с. 158]. Материалом данного исследования послужили тексты 125 информационных сообщений из новостных выпусков за 2010-2011 гг. на радио Германии «Deutsche Welle» и «Jumpr». Для подтверждения сделанных выводов привлекались также тексты 103 сообщений из новостных выпусков за 2010-2011 гг. близких по формату радиостанций России «Голос России» и «Европа плюс».

Для дальнейшего анализа представляется целесообразным обозначить характеристики формата и дать паспорт реципиента указанных радиостанций. «Deutsche Welle» (далее «D.W.») – это немецкая иновещательная радиостанция информационного формата. Радио как информационный ресурс интересует слушателей, прежде всего, старшего поколения [5, с. 31-33]. Речевое воздействие здесь базируется на приёмах убеждения, апеллирующих к богатому жизненному опыту слушателей, их умению сопоставлять различные факты и мнения и анализировать предлагаемую информацию [16, с. 209-211]. Информационные материалы ориентированы на иностранных слушателей, что задаёт, соответственно, общий тон и специфику вещания [18]. Новости служат своеобразным «стержнем» всего вещательного дня радиостанции, многие аналитические и информационные передачи строятся на основе новостной информации.

Формат радио «Jumpr» (далее «J.») можно определить как разновидность развлекательного музыкального направления «Топ 40» с ориентацией на современную популярную рок-музыку. Канал работает для целевой аудитории слушателей в возрасте 20-40 лет, проживающих в трёх федеральных землях Германии: Саксонии, Саксонии-Ангальт и Тюрингии. Радиостанция «J.» ориентирована, главным образом, на интересы молодых радиослушателей с учетом их психологических характеристик, ценностных предпочтений, интересов и пр. [9, с. 363-366; 16, с. 283]. Информационные программы занимают здесь 13% эфирного времени, при этом большая часть этого времени приходится на долю новостей [20].

Для верификации выводов привлекались тексты новостей российских радиостанций «Голос России» и «Европа плюс». Выбранные станции наиболее близко по направленности на потенциальную аудиторию стоят к вышеуказанным немецким радиоканалам. «Голос России» (далее «Г.Р.») – государственная иновещательная информационно-музыкальная радиостанция, цель которой – представить Россию иностранным слушателям.

Хотя в эфире данной станции присутствуют различные музыкальные композиции, тем не менее, информационные программы занимают здесь заметное место и выходят в эфир каждый час [4]. «Европа плюс» (далее «Е.п.») – развлекательное музыкальное радио с ориентацией преимущественно на современную танцевальную музыку категории «Тор 40». Целевая аудитория здесь – молодые люди 20-35 лет. Новости выходят в эфир в будние дни в утренние и вечерние часы [7]. Проследим, каким образом фактор реципиента сказывается на содержательном наполнении и реализации функции речевого воздействия в информационных сообщениях как части новостного радиотекста.

Для речевого жанра информационного сообщения характерно тематическое разнообразие, объединённое актуальностью и оперативностью новостной информации, то есть объективное отображение последних событий, важных для жизни общества и отдельного индивида [3]. Содержание новостных сообщений анализировалось в двух направлениях: по дихотомической категории «local news – foreign news» («события местного масштаба» – «события за рубежом»); а также с целью выделения устойчивых тематических блоков типа политика, общество, чрезвычайные происшествия, культура и т.д.

Большую часть новостных текстов на «D.W.» занимает информация об отношениях Германии с другими странами ближнего и дальнего зарубежья. Ср.: *Bundeskanzlerin Angela Merkel ist zu einem zweitägigen Besuch in die Türkei gereist. In Ankara wird Merkel mit Regierungschef Recep Tayyip Erdogan und Staatspräsident Abdullah Gül zusammentreffen. Gesprächsthemen werden die schleppenden Beitrittsverhandlungen der Türkei mit der EU, die Lage in der Region mit Blick auf den Iran und den Nahen Osten sowie die Integration der in Deutschland lebenden Türken sein* («D.W.», 29.03.2010). К основным темам в новостном эфире «D.W.» относятся внешняя политика и отношения между странами. Приведённое сообщение является ярким тому примером. Его тема – отношения между Германией и Турцией. Наименьшее место в новостном эфире данной станции занимают сообщения о событиях, произошедших в Германии. Это вполне закономерно, т.к. «Deutsche Welle» – иновещательный ресурс, ориентированный, прежде всего, на иностранного слушателя. Таким образом, в новостях «D.W.» сообщения категорий «local news – foreign news» представлены в равной степени; основные темы здесь – внутренняя и внешняя политика и международные отношения.

Подобным образом наполнены новостные тексты и российской иновещательной радиостанции «Голос России». Информация, представляющая Россию в международных отношениях, занимает более трети эфира «Г.Р.». Ср.: *Киргизия обратилась к России с просьбой включить представителя республики в качестве наблюдателя в Таможенный союз. Об этом сообщил в интервью радиокomпании «Голос России» премьер-министр Киргизии Алмазбек Атамбаев. Он сказал, что видит будущее Киргизии в*

едином Таможенном союзе с Россией, Казахстаном и Белоруссией и едином экономическом пространстве («Г.Р.», 28.12.2010). Сообщения категорий «local news – foreign news» представлены здесь, как и в «D.W.», в равной степени. Политика и международные отношения – преобладающие темы. Существенное место в новостях «Г.Р.» занимает также информация о чрезвычайных ситуациях.

Данному содержательному плану в новостном тексте на радио «D.W.» соответствует выбор композиционно-речевых форм, реализующих функцию речевого воздействия и подобранных в соответствии с интересами и потребностями целевого реципиента. В сообщении, приведённом ниже, наличествует композиционно-речевая форма «рассуждение». Ср.: (1) *Belgien hat einen zweifelhaften Weltrekord aufgestellt.* (2) *Die Regierungskrise dauert nun 249 Tage an.* (3) *Damit zieht das Land an dem Irak vorbei, wo im Dezember nach 249 Tagen ohne Regierung eine Einigung zwischen Kurden, Schiiten und Sunniten gelang.* (4) *In Belgien ist jedoch, vor allem wegen des Sprachenstreits zwischen Flamen und Wallonen, noch immer keine Lösung in Sicht.* (5) *Nach den Wahlen im Juni blieben alle Anläufe für eine neue Regierung und die damit zusammenhängende Staatsreform erfolglos.* (6) *König Albert II. ernennt seit Monaten immer neue Vermittler, die aber keinen Erfolg haben* («D.W.», 17.02.2011).

В данном примере суждение в предложении (1) получает разъяснение и подтверждение с помощью высказываний в последующих предложениях. Рассуждение – это композиционно-речевая форма логического мышления [1, с. 10]. Оно направлено на выявление связей, свойств, качеств, относящихся к тому или иному проблемному явлению, и в его основе лежит каузативная последовательность высказываний, подтверждающих первоначальное суждение [2, с. 89]. Каузативность в данном примере носит косвенный характер, так как она отражает не прямые взаимосвязи между предметами и явлениями, существующие вне субъекта и его деятельности в форме объективной данности, а отношения между мыслями в процессе «коммуникации содержания». Предложения (2)-(6) придают развитию мысли комментирующий и аргументативный характер и служат обоснованием истинности суждения в первом предложении. Каузативные отношения выражаются в предложении (2) с помощью наречия времени *nun*, которое относит слушателя к общей ситуации на момент прослушивания и придаёт предложению комментирующий характер; местоименного наречия *damit* в предложении (3), соотносящее последнее с предыдущим высказыванием, противительного союза *jedoch* в предложении (4), противопоставляющего данное утверждение высказыванию в предыдущем предложении. Логическая спаянность предложений (5) и (6) с предложениями выше не находит эксплицитного выражения в языке. Они автосемантически и соединены перечислительной связью. Тем самым создаётся констатирующий характер высказывания. Их доказательность по отношению к предыдущим предло-

жениям передаётся через семантику высказываний, и коммуникативную нагрузку целостно несут все предложения в составе аргументативно-результативного комплекса данного сообщения. Целью композиционно-речевой формы «констатирующее рассуждение» в данном сообщении служит убедить реципиента в правильности вывода в первом предложении через построение логической цепи в предложениях (2)-(4) и приведении дополнительной информации в (5), (6).

Такое распределение языковых средств обусловлено во многом особенностями восприятия новостной информации целевым радиоконтингентом. Преимущественно информационный формат «D.W.» направлен в первую очередь на слушателей старшего возраста, у которых экспрессивная образная речь в новостной передаче вызывает меньше доверия [15, с. 209-211]. Таким образом, названная композиционно-речевая форма служит цели убеждающего воздействия – «убеждения через информирование» [10, с. 31-32], которое предполагает рациональное обоснование сказанного, рассчитанное на способность слушателя сопоставлять отдельные факты, соотносить предлагаемую информацию со своим личным опытом.

Новости на радиостанции «J.» также соответствуют возрастным психологическим особенностям и предпочтениям предполагаемого реципиента – молодого слушателя. Направленность на определённую слушательскую группу обусловлена, в частности, территорией проживания целевой аудитории, на которой вещает данный радиоканал. Ср.: *Experte vom Landesamt für Geologie in Sachsen-Anhalt untersuchen heute einen Erdfall in Eisleben. Auf dem Gelände eines Autohauses hatte sich gestern ein Loch aufgetan. Ein Kunde versank bis zu den Hüften dahin. 21-jährige blieb unverletzt. Möglicherweise wurden Salzablagerung unter der Erde ausgespült, so dass sich ein Hohlraum bildete* («J.», 20.01.2011).

В приведённом примере речь идёт о происшествии в одном из регионов вещания данной радиостанции – земли Саксонии-Ангальт. В таких сообщениях рассказывается о событиях, затрагиваемых различными сторонами жизни простых людей – слушателей данной станции. Тема указанного сообщения должна привлечь внимание молодого реципиента, т.к. имеет утилитарный характер и рассчитана на фактор человеческого интереса. Такие интересные факты приводятся, как правило, в конце выпуска и ориентированы на молодого слушателя, не имеющего специального стремления получить информацию. Что касается представленности категории «local news – foreign news» на российской музыкальной станции «Е. п.», то событиям в России посвящается больше новостей, чем происходящему за рубежом. Здесь больше находит место описание событий, важных для многих регионов России; сообщения об отдельных регионах и городах немногочисленны. Это объясняется тем, что территория вещания «Е. п.» охватывает всю Россию, поэтому ориентирование на слушателей отдельных городов явля-

ется нецелесообразным. Ср.: *В Челябинске, Нижней Новгороде, Липецке и Перми закрыты школы. Это связано с эпидемией гриппа. В Москве школы закрыты для посещения детей с 1 по 8 классы. По словам руководителя Роспотребнадзора Геннадия Онищенко, превышение эпидпорога связано в основном с заболеваемостью детей от 3 до 6 лет и от 7 до 14 лет. По итогам минувшей недели превышение недельного эпидпорога зафиксировано в 59 регионах России* («Е. п.», 01.02.2011). В тематическом отношении обращают на себя внимание сообщения, рассчитанные на человеческий интерес. Кроме того, заметное место занимают здесь также сведения о чрезвычайных ситуациях, катастрофах, пожарах и т.п.

Эффективность речевого воздействия на «J.», которое в соответствии с возрастными психологическими особенностями целевого реципиента направлено на создание выразительности и эмоциональности речи, достигается в новостном тексте данной радиостанции также через выбор композиционно-речевых форм. С помощью формы «сообщения» в приведённом ниже примере передаётся определённый ряд событий: (1) *Behinderungen gibt es auch im Luftverkehr.* (2) *In Frankfurt am Main fielen bisher 216 Flüge aus.* (3) *Betroffen sind auch Verbindungen von Leipzig und Dresden.* (4) *An vielen Flughäfen kommt es zu Verspätungen, darunter in Berlin und München.* (5) *In Nürnberg rutschte am Abend eine Maschine von «Air-Berlin» von der Rollbahn.* (6) *Verletzt wurde niemand.* (7) *Der Flughafen muss jedoch zeitweise gesperrt werden* («J.», 09.01.2010).

В предложениях (2)-(7) передан ряд определённых завершённых действий, характеризующих в общем сложную дорожную ситуацию. Отдельные предложения и группы предложений обладают здесь автосемантической связью между предложениями осуществляется скорее не с помощью логического построения, а перечисления, в результате чего всё сообщение приобретает констатирующий характер. Переплетение настоящего и прошедшего времени в течение всего сообщения придаёт изложению особый динамизм и подвижность, что создаёт «разговорность» при передаче фактов. Использование в (5)-(7) глаголов конкретной семантики передаёт образную картину происходящего, увлекает за собой слушателя.

Как видим, в новостном тексте, направленном на молодого слушателя, с помощью композиционно-речевой формы «констатирующее сообщение» создаётся особая выразительность и имитация «разговорности» речи с целью привлечь внимание выбранной группы реципиентов и убедить в необходимости дальнейшего прослушивания, как новостной передачи, так и данной радиостанции в целом.

Таким образом, анализ содержательного наполнения и композиционно-речевых форм, представленных в информационных сообщениях на радиостанциях различного формата и направленных на реализацию функции речевого воздействия, выявил влияние фактора реципиента на особенности оформления текста указанного жанра. Реципиент оказывает

ся той инстанцией, которая воздействует не только на тексты сообщений, но и на другие компоненты новостного радиотекста и на всю передачу в целом как медиатекстовое единство. Поэтому требует отдельного изучения особенности влияния фактора адресата на другие составляющие текста радионовостей.

Список литературы

1. Асмус В. Ф. Логика. – М.: Госполитиздат, 1947.
2. Брандес М. П. Стилистика текста. – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004.
3. Бубукин А. В. Эфирные тайны. – Новосибирск: FM-реклама, 2003.
4. Голос России // Википедия. Свободная энциклопедия – 2011. – [Электронный ресурс]: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Иновещание>.
5. Грибкова Е. И. Реализация категории «объективность» в медийном дискурсе // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы II Междун. научно-практ. конф. / под ред. проф. Л.А. Миловановой. – Волгоград: Парадигма, 2009. – Т. 2. Актуальные проблемы лингвистики. – С. 52-58.
6. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная радиодискурсанглийская медиаречь. – М.: Флинта: Наука, 2008.
7. Европа плюс // Википедия. Свободная энциклопедия – 2011. – [Электронный ресурс]: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Европа+>.
8. Желтухина М. Р. Медиадискурс: структурная специфика // Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / под ред. Л. И. Гришаевой, А. Г. Пастухова, Т. В. Чернышовой. – Орёл: Горизонт, 2010. – С. 19-31.
9. Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н. Возрастная психология. – М.: Сфера, 2001.
10. Леонтьев А. А. К психологии речевого воздействия // Материалы четвертого Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: АН СССР, 1972. – С. 28-41.
11. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования; отв.ред. М. Н. Володина. – М.: МГУ, 2003. – С. 66-88.
12. Нестерова Н. Г. Радиодискурс и радиотекст: к вопросу о специфике // Системное и асистемное в языке и речи: мат-лы Междунар. научн. конф. (Иркутск, 10 – 13 сентября 2007 г.) / под ред. М. Б. Ташлыковой. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос.ун-та, 2007. – С. 377-382.
13. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Полиграф, 2003.
14. Ступина Т. Н., Грибкова Е. И. Тексты радионовостей как медиальный нарратив // Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / под ред. Л. И. Гришаевой, А. Г. Пастухова, Т. В. Чернышовой. – Орёл: Горизонт, 2010. – С. 153-160.
15. Харитонов М. В. Психология современных массовых коммуникаций. – СПб.: Изд-во СПбАУЭ, 2010.
16. Шаповаленко И. В. Возрастная психология. – М.: Гардарики, 2005.
17. Шерель А. А. Аудиокультура XX века. – М.: Прогресс-традиция, 2004.
18. Aus der Mitte Europas / Verant. J.Hoffmann. – Bonn: Deutsche Welle, 2005.
19. Burger H. Mediensprache: Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2005.
20. Jump (Hörfunksender) // Wikipedia. Die freie Enzyklopädie – 2010. – [Электронный ресурс]: [http://de.wikipedia.org/wiki/Jump_\(Hörfunksender\)](http://de.wikipedia.org/wiki/Jump_(Hörfunksender)).

Психологические функции интериоризованного дискурса

В предлагаемой статье рассматривается типология функций интериоризованного дискурса, который представляет собой модель внутренней речи героя художественного произведения, создаваемую автором данного произведения. Подробно анализируются психологические функции интериоризованного дискурса (функции собственно внутренней речи, представленные в интериоризованном дискурсе).

In the given article types of functions of interior discourse are considered. Interior discourse presents a model of inner speech of a character in a piece of fiction, created by the author of this work. Psychological functions of interior discourse (functions of inner speech itself, represented in interior discourse) are analyzed in detail.

Ключевые слова: интериоризованный дискурс, внутренняя речь, внутренний монолог, художественно-композиционные функции, психологические функции, функции самоидентификации, функции саморегуляции, функции самопонимания.

Key words: interior discourse, inner speech, inner monologue, artistic- compositional functions, psychological functions, functions of self-identification, functions of self-regulation, functions of self-understanding.

В данной работе рассматривается интериоризованный дискурс как разновидность типов дискурса, выделяемых на основании психологического критерия. Интериоризованный дискурс в нашем понимании представляет собой модель внутренней речи персонажа, созданную автором художественного произведения. Под интериоризованным дискурсом мы понимаем не только собственно внутренний монолог, но и внутренние образы, частично произносимые высказывания героя, шепотную речь, эмоциональные переживания, находящие то или иное выражение в структуре текста. Основным признаком и, одновременно, критерием выделения интериоризованного дискурса является его эгоцентричность, то есть направленность сознания субъекта на себя (общение с собой) в отличие от экстериоризованного дискурса, где сознание субъекта направлено на другой объект. Другими признаками интериоризованного дискурса, на наш взгляд, следует считать искренность, спонтанность, минимизацию лингвистических и социальных норм, отсутствие игры и театральности, интимность и низкую степень самоконтроля, преимущественно монологическую форму речи, специфическую информативность о внутреннем состоянии субъекта, смысловую неопределенность, эмотивность, отсутствие стереотипности, личную оценочность и побудительность.

Интериоризованный дискурс сочетает в себе особенности собственно внутренней речи и специфические особенности, характерные только для

интериоризованного дискурса – такие, как, например, монтажность, влекущую за собой усиление воздействия на читателя, усиление смысловой насыщенности по сравнению с внутренней речью.

Интериоризованный дискурс строится на определённом языке моделирования внутренней речи, внутренних эмоций, переживаний, образов и т. д. Внутренние психические процессы личности трудно моделировать при помощи средств естественного языка. «Ограничения языков моделирования обычно преодолеваются путем разработки новых языков и развития используемых» [9, с. 14]. Креолизованные, гибридизированные формы языка внутренних психических процессов и состояний персонажа и автора одновременно представляют собой пример создания своеобразного нового языка с очень индивидуальными, общественно не устоявшимися значениями и смыслами.

В. П. Серкин говорит о разработке субъект-субъектного подхода в отличие от применяемого сейчас и применявшегося ранее субъект-объектного подхода к изучению психических явлений и утверждает, что «...при использовании метода интроспекции исследователь пытается работать одновременно как два субъекта <...>. Получаемый интраспекционистом продукт, таким образом, является результатом взаимодействия деятельности двух субъектов, и именно так и должен анализироваться» [9, с. 143-144]. На наш взгляд, интериоризованный дискурс должен изучаться с позиций субъект – субъектного подхода, где необходимо учитывать тесное единство автора художественного произведения, который путем метода интроспекции пытается создать внутреннюю речь персонажа, самого персонажа, чей интериоризованный дискурс представлен в произведении, и читателя, которому адресовано произведение.

В интериоризованном дискурсе наблюдается смешение видов образности, реализуется попытка вербально передать живописные детали, предметные образы, психологические состояния. С. Хоружий, например, указывает на то, что в «Улиссе» Джойс не просто описывает чувственные образы, а передаёт впечатления от них через словесные эквиваленты [10]. В интериоризованном дискурсе автор также использует словесные эквиваленты для передачи внутреннего психического состояния не только персонажа, но и отчасти своего.

Мы разделяем мнение В. П. Серкина о том, что «модель явления, описываемого через свои отражения, практически всегда строится как функциональная» [9, с.146] и считаем, что такое сложное многомерное явление, как интериоризованный дискурс, естественно, требует построения функциональной модели в рамках субъект-субъектного подхода.

Мы считаем, что интериоризованному дискурсу присущи разные группы функций:

1) общеречевые (присущие языку-речи вообще и, в частности, собственно внутренней речи и интериоризованному дискурсу),

2) художественно-композиционные (направленные в большей степени на раскрытие замысла художественного произведения),

3) психологические (функции собственно внутренней речи, представленные в интериоризованном дискурсе, связанные с отображением внутреннего состояния субъекта).

Естественно, что такое выделение групп функций весьма условно, так как в отдельных моментах функции разных групп могут пересекаться.

Различные психические явления находят своё отражение в языке индивида, в особенности в его внутренней речи, формой выражения которой является рассматриваемый нами интериоризованный дискурс. Вслед за М. М. Бахтиным эти функции мы рассматриваем как функции первичного порядка, то есть как функции, принадлежащие собственно внутренней речи, нашедшей своё выражение в художественном произведении в виде интериоризованного дискурса [1, с. 161]. Функциями вторичного порядка мы считаем художественно-композиционные функции, которые направлены на раскрытие замысла художественного произведения.

Рассмотрим психологические функции интериоризованного дискурса, то есть такие функции, которые направлены на реализацию внутреннего потенциала личности. Человек от природы способен к самосовершенствованию; каждого человека надо изучать как единое, уникальное, организованное целое; центральной характеристикой личности является её единство и общность. Такие потребности, как физиологические, потребности безопасности и защиты, потребности принадлежности и любви, потребности самоуважения, потребности самоактуализации (потребности личного самосовершенствования) располагаются иерархически в структуре личности и являются мотивационными процессам развития личности [11, с. 510].

Исходя из этого утверждения, функции интериоризованного дискурса можно условно разделить на три группы:

1) функции, связанные с удовлетворением физиологических потребностей личности;

2) функции, связанные с удовлетворением элементарных эмоциональных потребностей личности;

3) функции, связанные с удовлетворением высших духовных потребностей личности.

Нами было отмечено, что интериоризованный дискурс в большинстве случаев реализуется в ракурсе бытового или бытийного общения, что связано с реализацией упомянутых выше физиологических, элементарных эмоциональных и высших духовных потребностей личности. Например, в следующем отрывке главная героиня романа задумывается о том, что такое счастье и как его найти в жизни: *«День, ночь и утро, просыпаешься, а ощущения счастья нет, – вздыхала Наташа Тупицина, правя роман. – Просто нет ощущения счастья. Сладкий сон и суровая реальность так*

далеки друг от друга! – отвечала она себе, прислушиваясь к крепкому храпу супруга из приоткрытой спальни. – *Пожалуй, радуется лишь забавное каре с косичкой, которое изобрёл для меня стилист Годчук*» [3, с. 235]. Здесь прослеживаются функции, связанные с удовлетворением высших духовных потребностей личности (в данном случае – поиск счастья) и функции, связанные с удовлетворением элементарных эмоциональных потребностей (радость героини по поводу своей новой причёски).

А. Ф. Лосев, рассуждая о понятии «личность», указывает на несомненные ее характеристики – самосознание, «интеллигенцию», ядро и акцентные самопроявления. Личность всегда есть противопоставление себя внешнему, окружающему и противопоставление себя себе же в акте самонаблюдения. В личности всегда есть два неделимых плана – внешний и внутренний, которые часто отождествляются [6]. Во внутренней речи индивида особенно четко прослеживается взаимодействие внешнего и внутреннего планов личности, а также взаимодействие личности с окружающей средой.

Известный психолог А. Бандура в своей социально-когнитивной теории отводит большое место способности человека к саморегуляции. Ученый считает, что именно посредством вербальных и образных репрезентаций мы производим и сохраняем опыт таким образом, что он служит ориентиром для будущего поведения. Способность человека формировать образы желаемых будущих результатов и выливаться в поведенческие стратегии, направленные на то, чтобы вести человека к определённым целям.

Используя способность к оперированию символами, в том числе и языковыми, субъект может решать проблемы, не обращаясь к личному поведению проб и ошибок, человек может предвидеть последствия различных действий и соответственно изменять, моделировать своё поведение. Люди формируют когнитивный образ определённой поведенческой реакции через наблюдение поведения другого человека, и эта закодированная информация служит ориентиром в их поведении.

А. Бандура полагает, что существуют две основные внутренние репрезентативные системы, с помощью которых поведенческая модель сохраняется в памяти человека. Первая – образное кодирование. Виртуальные образы играют решающую роль в научении через наблюдение на ранних стадиях развития человека, когда отсутствуют лингвистические навыки.

Вторая репрезентативная система заключается в вербальном кодировании. При помощи невокализованных речевых описаний (кодов) оно проявляется в мысленном проговаривании того, что и как лучше сделать. Человек может молча повторять последовательность выполнения моделируемой деятельности. По мнению А. Бандуры такие вербальные коды в большой степени способствуют научению через наблюдение [11: 374-409].

Таким образом, можно утверждать, что мотивационной основой интериоризованного дискурса является стремление индивида к самоактуализации, или самореализации, то есть к воплощению в жизнь того потенциала, который заложен в человеке. Ведь именно во внутренней речи, моделью которого является интериоризованный дискурс, основным концептом которых является концепт «Я», наиболее ярко прослеживается стремление человека к самореализации, самоактуализации, самоэффективности. Эти психологические термины предполагают реализацию высших духовных потребностей человека, проявление которых в большинстве случаев, за некоторым исключением, невозможно без удовлетворения физиологических и эмоциональных потребностей.

Тематически интериоризованный дискурс связан с определением индивида в мире, в социуме. Поэтому можно условно выделить интериоризованный дискурс, направленный в большей степени на анализ определённой ситуации субъектом и интериоризованный дискурс, направленный на анализ своего места в определённой ситуации. Даже если предметом интериоризованного дискурса является другой субъект или объект, то так или иначе основной и конечной целью интериоризованного дискурса является осознание субъектом своего места в социуме и в мире вообще и улучшение этого положения с точки зрения субъекта.

Можно отметить определённую иерархию психологических функций интериоризованного дискурса.

1) Функции самоидентификации, которые включают в себя группу подфункций самонаблюдения, самовосприятия, самосознания.

2) Функции саморегулирования (самоконтроля), которые включают в себя группу подфункций самопланирования, самооценки, самоощущения, самозащиты, самоподдержки, самоутешения, самооправдания, самоиронии, самообвинения, самоответа, самоупрека, самокритики, самокоррекции.

3) Функции самопонимания, которые включают в себя группу подфункций саморефлексии и самопознания.

Например, в приведённом ниже отрывке представлена функция самовосприятия и самоосознания субъектом себя как физического лица: *«Здоровой рукой она пощупала повязку. Не гипс. Слава богу, значит не перелом. И вообще – она жива! Прямо чудо какое-то. Отныне будет пристёгиваться даже на заднем сиденье автомобиля. Раньше за рулём не беспокоилась о такой мелочи, теперь будет наукой»* [8, с. 8]. После автомобильной аварии главная героиня Женя приходит в сознание и в первую очередь к ней приходит ощущение себя как физического тела, что отражено в её внутренней речи, которая находит своё выражение в интериоризованном дискурсе. В приведенном ниже отрывке можно проследить реализацию функции самопланирования (*но придётся, видимо, начинать жизнь с чистого листа...*), самонаблюдения и самокритики главной героини романа (*Это постила какая-то, а не ноги. – Зефир какой-*

то в шоколаде, а не руки). После измены мужа Наташа понимает, что жизнь надо менять: *«Слабость сильного человека – его семья, – думала Наташа, стоя в бабушкиной ванной под холодным душем. – Всю жизнь чувствовала себя сильной, но придётся, видимо, начинать жизнь с чистого листа... Эх, попросила я у Ионы нескромной судьбы, так муж сразу любовницу завёл...»*; – *Это пастила какая-то, а не ноги. – Наташа рассматривала себя в зеркало в ванной бабушки Морковкиной. – Зефир какой-то в шоколаде, а не руки. – И Наташа с отвращением отвернулась от зеркала»* [3, с. 92].

В приведённом ниже отрывке прослеживается реализация функций самооценки, самоощущения, самоподдержки. Главная героиня романа привыкла действовать на людей при помощи сверхъестественных способностей. В этот раз она бросает своеобразный вызов себе – воздействовать на понравившегося ей молодого человека при помощи естественного женского обаяния: *«Я привыкла пользоваться возможностями Иной. К месту и не к месту, даже когда можно было обойтись обычным разговором или просьбой. Странно было бы не привыкнуть. Но раз уж так сложилось, что я на время лишена сверхъестественных сил – почему бы не проверить себя? Могу я что-то без магии или нет? Хотя бы такую элементарную вещь, как соблазнить понравившегося мне мужчину? Ведь я молодая, красивая, умелая... море, летний вечер, костёр... надоедливые детишки улеглись спать... неужто я не могу обойтись без всякой магии? Грош мне тогда цена!»* [7, с. 153].

В приведённом ниже отрывке можно наблюдать реализацию функции самоупрека, самоиронии и самокритики. Главная героиня полностью лишилась сверхъестественных способностей в схватке с неравным врагом и сильно сожалеет об этом: *«А про меня словно уже и забыли... Будь на моём месте Жанна или Ленка – я бы тоже себя так вела. Ну не вешаться же, в конце концов, из-за чужого ротозейства? Кто меня просил отдавать всё, до конца? Так нет, захотелось геройствовать! Это всё из-за Семена и Тигрёнка. Когда я поняла, с кем мы столкнулись, – решила взять реванш. Доказать что-то, кому-то, зачем-то... Ну и что теперь? Доказала. И стала калекой. Куда большей, чем после схватки с Тигренком»* [7, с. 83].

В следующем отрывке представлена функция самоответа главной героини романа Жени. Она даёт себе отчёт о том, что она успела сделать в своей жизни к тридцати семи годам и приходит к выводу, что сделано очень мало: *«Женя подумала о том, что Кристина немало успела в своей жизни. Помогла многим нуждающимся, родила сына, встретила любовь. А что ж она, Женя? Да, нашла Дело Своей Жизни, да, стала профессионалом, добилась признания. Но когда тебе тридцать семь и ты чуть не умерла, этого кажется мало. Слишком мало. Невыносимо мало»* [8, с. 15].

В приведённом ниже отрывке представлена функция самозащиты, самоутешения и самооправдания главной героини романа, которая случайно

уничтожила электронные документы своего жениха: *«В панике принялась искать документы в «журналах», на дисках – нигде нет. Что ж делать-то? Неужели так трудно было установить защиту или пароль? Поразительное легкомыслие! «Хотя...если Влас не установил защиту и с такой легкостью можно влезть в его документы, вероятнее всего, они не представляют никакой ценности», – решила я и успокоилась»* [2, с. 78].

В следующем отрывке можно наблюдать функцию самопоощрения. Один из героев романа, футбольный игрок Нычкин, поселил свою невесту в гостиницу, находящуюся недалеко от их спортивной базы. Он радуется по поводу того, что ему не приходится далеко ходить после тяжелых тренировок: *«Слава богу, до гостиницы было идти совсем недалеко – всего три квартала. Не первый раз за границей – знал, куда её поселить»* [5, с. 85].

В следующем отрывке представлена функция самоупрека и самокоррекции главной героини романа Вари, молодой девушки, которая работает помощником следователя и испытывает чувство симпатии к подозреваемому в убийстве парню: *«Она испытала дикий приступ эйфории: она так подцепила его, добила, раскрутила! Но тут же охладила собственный пыл: "Он подозреваемый по делу об убийстве, а я, дура, его кадрить вздумала!"»* [5, с. 106].

В приведенном ниже отрывке можно наблюдать реализацию функций саморефлексии и самокоррекции одной из главных героинь романа, которая стоит перед выбором – вернуться к бывшему мужу, либо бороться за новую любовь: *«Он никогда не называл меня Наташенькой. Сразу зацепило где-то под подбородком. Нет, нельзя поддаваться! Нас с Филиппом, конечно, многое связывает. Я всегда к нему по-доброму относилась, но... Я не смогу его любить так, как люблю Валеру. То есть я вообще не смогу его любить, потому что уже... А единожды вкусивши этой отравы под названием любовь, без неё уже ничего и никогда... Пожалуй, он прав – я счастливая, потому что у меня есть моя несчастная любовь»* [4, с. 152 – 153].

Функции саморефлексии и самопознания представлены в следующем отрывке, где главная героиня пытается понять, чего ей не хватает в жизни: *«Какая-то я хитрая дура получаюсь?.. Вдруг одёрнула она себя. – А чего мне собственно-то не хватает?.. Муж и сын, квартира на улице Цандера, сказки про собак вот ещё пишу и детективы про кошек, и что мне ещё надо?.. Ну, романов моих не печатают, да и чёрт с ними! Всё же хорошо, чего же я ещё хочу?..»* [3, с. 86].

Таким образом, нами были рассмотрены психологические функции интериоризованного дискурса, которые присущи практически всем его жанровым разновидностям. Можно говорить, что функции самоидентификации, саморегулирования и самопонимания являются базовыми для этого типа дискурса.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986.
2. Богданова А. Самая шикарная свадьба. – М.: Эксмо, 2008.
3. Борминская С. Вы просили нескромной судьбы? или Русский фатум. – М.: Эксмо, 2008.
4. Демидова С. У счастья ясные глаза. – М.: Эксмо, 2008.
5. Литвиновы А. и С. Трансфер на небо. – М.: Эксмо, 2008.
6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. – М.: Академ. проект, 2008.
7. Лукьяненко С., Васильев В. Дневной Дозор. Посторонним вход разрешён: Фантаст. роман. – М.: АСТ; ЛЮКС, 2005.
8. Муратова Н. Кольцо океанской волны. – М.: Эксмо, 2008.
9. Серкин В. П. Методы психосемантики: пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2004.
10. Хоружий С. С. «Улисс» в русском зеркале // Джеймс Джойс. Собрание сочинений: в 3 томах. – М.: ЗнаК, 1994. – Т. 3. Улисс: роман (часть III); перевод с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. – С. 363-605.
11. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2003.

**«Точность» и «неопределенность» как формы представления знания
о переводе в метапоэтике К. И. Чуковского**

В статье идет речь о сложной структуре познания перевода, включающей иерархию правил для описания элементов познаваемого целого. Система правил строится по принципу дополнительности: от точных показателей (эквilinearность, эквиритмия) к неопределенным (впечатление, ощущение).

The article is devoted to a complex cognitive structure of the translation, including the hierarchy of rules for the description of elements of the cognizable whole. The system of rules is constructed by a complementarity principle: from the exact indicators (equal number of lines, identical rhythm) to the uncertain ones (impression, sensation).

Ключевые слова: метапоэтика, точность перевода, эквilinearность, эквиритмия, впечатление, ощущение.

Key words: metapoetics, accuracy of the translation, equal number of lines, identical rhythm, impression, sensation.

Сложнейшая из филологических проблем – проблема перевода – рассматривается К. И. Чуковским с предельным приближением к истине: основным критерием точного перевода становится, на первый взгляд, неточный показатель – впечатление. К. И. Чуковский считает, что впечатление от перевода, которое получает русский читатель, должно соответствовать впечатлению от подлинника, которое получает англичанин, француз, немец и т.д. [6, с. 89].

Подход К. И. Чуковского к проблеме перевода не буквалистский, а творческий, так как впечатление – '1. Образ, след, отражение, оставляемые в сознании человека предметами и явлениями внешнего мира'; '2. Влияние, воздействие на кого-л.'; '3. Мнение, оценка, сложившиеся после знакомства, соприкосновения с кем-, чем-л.' [2]. Актуализация всех трех значений здесь будет уместна: впечатление складывается из оставшегося в сознании образа, под влиянием произведения, которое оказало воздействие на мнение, оценку читателя. В результате взаимодействия этих трех факторов и складывается общее впечатление. К. И. Чуковский делает установку на некоторую неопределенность, неуловимость, которые отображают понятие «впечатление».

Казалось бы, это парадокс, так как переводчик стремится к строгой, точной передаче языка оригинала. Но этого, считает К. И. Чуковский, недостаточно, так как помимо строгого прочтения важны другие составляющие: понятие стиля, общее впечатление, воссоздание оригинала,

перевоплощение переводчика. И, тем не менее, К. И. Чуковский говорит о точности перевода, противопоставляя точный перевод буквалистскому.

Что же такое художественная точность? Художественно точным, по мнению К. И. Чуковского, может называться только тот перевод, в котором воспроизводится стиль оригинального текста [6, с. 123]. Однако воссоздание стиля подлинника в переводе еще недостаточное условие точности: «Истинно точным может быть назван только тот из поэтических переводов, – пишет К. И. Чуковский, – в котором помимо смысла, стиля, фонетики, ритмики передано также интонационное своеобразие подлинника» [6, с. 173].

Точность, по Чуковскому, – понятие изменчивое, диалектическое. Ученый вводит еще один критерий – время создания перевода: «...вы никак не можете предугадать, что будет считаться точным переводом в 1980 или в 2003 году. Каждая эпоха создает свое представление о том, что такое точный перевод» [4, с. 561]. К. И. Чуковский говорит и об особом «советском» стиле переводческой техники, который направлен на точное воспроизведение не только смысла, но и формы иноязычного подлинника – его ритмов, звукописи, эмоциональной окраски. К. И. Чуковский считает, что С.Я. Маршак – один из создателей этого труднейшего стиля [4, с. 461].

В работах о переводе К. И. Чуковский не раз пытается определить критерии наиболее точного перевода. Один из критериев – передача интонации, которую К.И. Чуковский называет «душой человеческой речи» [3, с. 662]. Так, говоря о переводе комедии, он утверждает, что можно самым тщательным образом переводить ямбы комедии ямбами, но если переводчик не переведет «улыбок — улычками», «смеха — смехом», то перевод будет «ложью»: «Среди критериев, которыми мы должны измерять точность перевода стихотворных комедий, должны быть не только строфика, ритмика, система рифмовки, но также смехотворность, шутливость, улыбочатость. А это качество немислимо без воспроизведения живых интонаций, присущих оригинальному тексту» [3, с. 662].

Казалось бы, что здесь говорится не о точности, а о размывании критериев точности, так как «смехотворность, шутливость, улыбочатость» – это трудноуловимые по смыслу понятия.

Смехотворный - '1. Вызывающий смех; смешной, веселый' [2].

Шутливый - '2. Представляющий собой шутку, имеющий характер шутки, совершаемый не всерьез, ради шутки' [2].

Улыбчивый - 'Выражающий улыбку, улыбающийся' [2].

В основе значений каждого из этих слов есть сема 'действие': 'вызывающий' (смех), 'совершаемый' (ради шутки), 'выражающий' (улыбку). Все это содержится, конечно же, в языке перевода, который должен быть живым и приведен в такое состояние, что делает перевод «высоким искусством». Основной тезис К. И. Чуковского: перевод – это особое искусство, имеющее свои собственные характеристики, черты, но именно искусство –

’творческая художественная деятельность’ [2]. Этим искусством владеют только творческие, талантливые люди.

К. И. Чуковский восхищается хорошими переводами, высоко характеризует их. По его характеристикам можно составить представление о признаках хорошего перевода, в первую очередь, языковых. В числе лучших переводчиков К. И. Чуковский называет А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. И. Введенского, Н. А. Заболоцкого, Б. Л. Пастернака, А. А. Ахматову, С. Я. Маршак, Т. Г. Гнедич, В. В. Левика, В. М. Топер, Н. А. Волжину, Н. Л. Дарузес, Р. Я. Райт-Ковалеву.

К. И. Чуковский отмечает следующие признаки хорошего перевода.

1. Перевод – живой организм [4, с. 620]; перевод дает воссоздание органической цельности подлинника [4, с. 620]; в «органическую цельность» входят: точное воспроизведение тематики, фонетики, стилистики, поэтического очарования, своеобразия, прелести подлинника, обаятельности формы [В. Курочкин, Н. А. Заболоцкий, 5, с. 61; 4, с. 620]; воспроизведение динамики подлинника [5, с. 37]; воспроизведение не буквы – буквой, не слова – словом, но смеха – смехом, улыбки – улыбкой, юмора – юмором, красоты – красотой, вдохновения – вдохновением, музыки – музыкой, душевной тональности – душевной тональностью [С.Я. Маршак, В. Левик, 5, с. 50, 61, 76, 92]; воссоздание интонаций, афористичности, мыслей, эмоций подлинника [С. Я. Маршак, 5, с. 61-62]; полное тождество целого при отсутствии сходства между отдельными его элементами: верная передача смысла, чувства, стиля, духа, красоты, изящества подлинника [В. Потапова, 5, с. 89].

2. Перевод – творческий акт [4, с. 620], который отличают: обаятельная легкость [4, с. 487]; прелесть формы [5, с. 73]; светлое искусство [4, с. 487]; дыхание самого автора, свободное дыхание каждой строфы [Н.А. Заболоцкий, Н. Гребнев, И. Введенский, 5, с. 37; 4, с. 476, 557]; свободная дикция, живая человеческая дикция, эмоциональная, естественная, непринужденная, безошибочно верная дикция подлинника [В. Левик, Т. Гнедич, С. Липкин, 5, с. 73, 77, 119; 4, с. 492]; звуковая экспрессивность [5, с. 73]; воспроизведение не лексики, а интонаций [М. Лорие, 5, с. 134]; естественность интонаций, живые разговорные интонации [В. Левик, Т. Гнедич, там же, с. 77; 4, с. 491]; богатство душевных тональностей [И. Введенский, Н. Волжина, 5, с. 50, 84]; живое, творческое отношение к родному слову [С.Я. Маршак, 5, с. 65]; магическая власть над синтаксисом [Н.А. Заболоцкий, 5, с. 37]; легкий и свободный стих, отсутствие опухолей и вывихов синтаксиса [В. Потапова, 5, с. 91]; живая, одушевленная речь [Т. Гнедич, 4, с. 493]; точное воспроизведение стилистического своеобразия подлинника, его тональности [Н.А. Заболоцкий, 5, с. 39]; точное воспроизведение духовной сущности подлинника [В.С. Лихачев, 5, с. 60]; воспроизведение психологической сущности каждой фразы [Р. Я. Райт-Ковалева, 5, с. 88].

Органическая цельность – главная виталистическая посылка К.И. Чуковского. Органический - '1. Касающийся внутреннего строения органов человека или животного'; '2. Внутренне присущий кому-л., обусловленный самой сущностью его природы' [2]. Органический, по К.И. Чуковскому, – целостный, связанный с жизнью, жизнеспособностью перевода.

Эта идея К. И. Чуковского имеет сходство с идеями неовитализма. Основатель неовитализма Г. Дриш в работе «Витализм. Его история и система» (1911) рассматривал живой организм как гармоничное целое, в котором все части, независимые в развитии, функционируют в строгой гармонии друг с другом. Целостный организм, по Дришу, остается жизнеспособным благодаря особому свойству всего живого – сохранять нормальную форму и функции при воздействии внешних факторов, не превышающем критического уровня. Организм, например, может лишиться какой-либо своей части и все-таки восстанавливает типичную форму «путем простой перестановки наличных частей или изменения их свойств, так называемая «передифференцировка» их, или, наконец, путем распада и исчезновения некоторых составных частей, за которыми иногда следует вторичное их возникновение в другом масштабе или на других местах организма» [1, с. 205].

В метапоэтике перевода К. И. Чуковского находят отображение виталистические идеи о целостности, «функциональной гармонии», регуляторной способности живого организма. К. И. Чуковский отмечает, что текст подлинника в переводе может лишиться «десятков второстепенных деталей» [5, с. 64], отдельные элементы текста перевода могут утратить те функции, которые имеют соответствующие им элементы текста подлинника, но перевод представляет собой полное тождество целого при отсутствии сходства между отдельными элементами текста.

По Г. Дришу, «той нормой, которая должна быть восстановлена регуляцией, является движущийся к определенной цели организм со включением именно этой цели» [1, с. 205]. В переводе главная цель – сохранение общей гармонии текста: воспроизведение поэтического очарования, своеобразия, прелести подлинника, обаятельности формы. На первый взгляд, это нечто неопределенное, но опытному переводчику ясно, что такой перевод способствует преодолению буквализма, созданию текстового пространства как органической целостности, свободно функционирующей и адекватно передающей весь комплекс формальных и содержательных элементов оригинала.

В живой метапоэтике К. И. Чуковского ярко выражается реакция на хорошие переводы. Стихи «переведены виртуозно», – пишет К.И. Чуковский [5, с. 37], называет переводы «блистательными» [5, с. 83], переводчики выполняют «долг чести» [5, с. 117], проявляют в работе «сильную волю к творческому преодолению» трудностей [5, с. 117], в лучших переводах

совершается «чудо» [5, с. 139], работа советских переводчиков – это «подвиг» [5, с. 493].

Важно использование слова «чудо». «Чудо» совершается каждый раз, когда все элементы текста оригинала соответствуют в целом элементам текста подлинника, и воздействие перевода на русскоязычных читателей адекватно воздействию подлинника на англичан, французов, американцев и др. Не случайно, характеризуя мастерство переводчика, К. И. Чуковский использует лексику с высокой степенью оценки: «виртуозно», «блистательные», проявить «сильную волю», выполнить «долг чести», совершить «подвиг».

Виртуозно - 'в высшей степени искусно, мастерски' [2].

Блистательный - 'выдающийся, замечательный, превосходный' [2].

Воля - 'сознательное стремление к осуществлению чего-л.; упорство, настойчивость в достижении чего-л.' [2].

Честь - 'совокупность высших морально-этических принципов личности' [2].

Подвиг - 'героический, самоотверженный поступок, важное по своему значению действие, совершаемое в трудных условиях' [2].

Хороший текст перевода – это результат большого напряжения сил переводчика, упорства, настойчивости в преодолении трудностей. Это действительно героический и самоотверженный поступок, характеризующийся благородными устремлениями, в которых проявляются высшие морально-этические принципы личности. Оценочные лексемы «виртуозно», «блистательный» говорят о том, что результат должен отличаться всеми признаками того, что перевод – это произведение «высокого искусства».

В характеристиках перевода К. И. Чуковским важное значение имеет то, что это именно творческий акт. В таких переводах чувствуется жизнь: «дыхание самого автора», «свободное дыхание каждой строфы», «живая» свободная эмоциональная, естественная человеческая дикция [5, с. 37, 73, 77]. К.И. Чуковский обращает внимание не столько на звуковую и лексическую точность (они должны быть), сколько на преодоление буквализма, приведение в такую гармонию звукописи, лексики, синтаксиса, чтобы в результате появилась целостность, связанная со звуковой экспрессивностью, живыми разговорными интонациями, богатством душевных тональностей. То есть текст перевода должен стать живым гармоничным целым.

К. И. Чуковский точно определил и признаки плохого перевода.

1. Перевод – «мертвецкая» [5, с. 67]: уничтожены колорит и эпоха страны - родины автора подлинника [Б.Г. Герна, 5, с. 126]; совершено убийство автора подлинника [М. Фелл, 5, с. 17]; полностью уничтожена творческая личность автора оригинального текста [М. Фелл, 5, с. 17]; художник заменен «туповатым и сонным субъектом», который бормочет нудные фразы [М. Фелл, 5, с. 17]; живое лицо автора заменено самодельной маской [5, с. 18]; живые, живокровные люди превращены в тексте перевода в бездушные восковые фигуры [5, с. 131]; текста подлинника

обескровлен, лишен живого дыхания, живой красоты [В.Д. Меркурьева, 5, с. 67, 81]; разрушено художественное своеобразие подлинника [Р. Паркер, 5, с. 124]; уничтожены живые и естественные интонации речи [А. Радлова, 5, с. 165, 166]; живой язык подлинника превращен в речевые обрубки, словесные обрубки, обескровленных и бездыханных калек человеческой речи, у которых обрублены руки и ноги; кульпяки человеческой речи, мертвую мозаику, отрывочные, бессвязные фразы [В.Д. Меркурьева, А. Радлова, 5, с. 67, 165, 166, 169, 170; 4, с. 620]; умерщвлена речь подлинника: мертвенная гладкопись [Б.Г. Герни, 5, с. 125, 144]; безжизненные формы речи [Б.Г. Герни, 5, с. 125]; искоренены полнокровные речения, заменены плоской, худосочной банальщиной [М. Фелл, 5, с. 16]; заменены свежие, сверкающие народные краски речи банальными и тусклыми [Р. Паркер, 5, с. 123]; из текста подлинника вытравлены особенности его стиля, образные, колоритные фразы, живые интонации [М. Фелл, 5, с. 16]; подлинник исковеркан до смерти [В.Д. Меркурьева, 5, с. 67].

2. Перевод – механическая работа. Механистический (буквалистский) перевод определяется К. И. Чуковским следующим образом: «перевод-информация», «перевод-опреснение», «перевод-дистилляция», «перевод-протокол» [Р. Паркер, Б. Г. Герни, А. Оран, Г. Люстерник, 5, с. 124, 144]; перевод, который можно поручить электронной машине [В. Д. Меркурьева, 5, с. 68]; перевод с богатого языка на нищенски бедный [Р. Паркер, 5, с. 124]; ремесленничество [Г. Шенгели, 4, с. 487].

Особенности механистического перевода: механистичность переводческой работы, калькирование слова за словом, фразы за фразой, строку за строкой без творческих раздумий; механистическая, мнимая точность; механическое воспроизведение формальных особенностей поэтического текста в ущерб его поэтической прелести [А. А. Фет, А. В. Кривцова, Е. Ланн, В. Шпет, И. Аксенов, Б. Ярхо, А. А. Смирнов, Г. Шенгели, 5, с. 49, 74; 4, с. 448, 487]; фетиш эквилинарности и эквиритмии выше живой человеческой дикции, звуковой экспрессивности [А. А. Фет, 5, с. 73]; нищенски убогий словарь [5, с. 81]; скудные запасы синонимов [5, с. 81]; тяжеловесность неудобочитаемых фраз [Г. Шенгели, 4, с. 487], барабанный характер речи [А. Радлова, 5, с. 169]; анемичная, серая, тусклая гладкопись, не имеющая ни цвета, ни запаха, ни каких бы то ни было индивидуальных примет [М. Фелл, 5, с. 16, 17]; химический чистый без всякого цвета и запаха язык учебников и классных упражнений [Р. Паркер, 5, с. 124]; язык, лишенный всяких простонародных примет [А. Оран, Г. Люстерник, 5, с. 129]; пресный, бесцветный и скаредный стиль дрянного самоучителя [М. Фелл, 5, с. 16]; затемнение ясного смысла речи: английский текст для русского читателя доступнее перевода [А. А. Фет, А. Радлова, 5, с. 74, 166].

К. И. Чуковский рассматривает плохой перевод как результат деструктивной деятельности переводчика. Действия переводчика характеризуются лексемами «убийство», «уничтожение», «искоренение», «вытравление».

Убийство - 'действие по глаг. убить - убивать (в 1 знач.); преступное лишение жизни кого-л.' [2].

Убить - '1. Лишить жизни, умертвить'; '2. *перен.* Уничтожить, погубить, разрушить' [2].

Уничтожить - 'прекратить существование кого-, чего-л.; истребить' [2].

Искоренить - 'совершенно устранить, уничтожить, истребить' [2].

Истребить 'полностью уничтожить' [2].

Вытравить - 'искоренить, уничтожить бесследно' [2].

Плохой перевод – преступление, он разрушает «органическую цельность» подлинника, после чего произведение искусства полностью уничтожается, бесследно исчезает, прекращает свою жизнь, существование. Плохой перевод, по К. И. Чуковскому, не является гармоничным целым, это «мертвая мозаика» отрывочных, бессвязных фраз, которые К. И. Чуковский описывает в медицинских терминах: обрубки, культяпки, калеки. Использование в тексте медицинской терминологии подчеркивает организмические тенденции в метапоэтике перевода К. И. Чуковского. Цельность, гармоничность живого организма подлинника в плохом переводе заменяется механическим набором бессвязных частей. Главный критерий, по которому К. И. Чуковский определяет качество перевода, – наличие или отсутствие жизни в языке, тексте перевода, в самом субъекте деятельности – переводчике. Плохой перевод – это перевод, лишенный души, крови, живого дыхания, живой красоты, живых интонации речи. Его текст – это мертвенная гладкопись, механический набор безжизненных форм речи.

На жизнь текста перевода, по мнению К. И. Чуковского, большое влияние оказывает языковая жизнь и языковое здоровье самого переводчика. К смерти перевода приводят, по мнению К. И. Чуковского, болезни языка переводчика: малокровие мозга, которое делает текст худосочным [5, с. 81]; глухота к стилю, очарованиям ритма, интонациям подлинника [Ф. Зелинский, М.А. Шишмарева, Вороний, Соколовский, А. Радлова, 5, с. 97, 146, 153]; глухота и слепота одновременно: переводчик не улавливает интонации подлинника ни слухом, ни зрением [М. А. Шишмарева, 5, с. 154]; словесная анемия, худосочие [5, с. 81]; астма: вместо связных, логически четких фраз в тексте появляются «коротышки» [А. Радлова, 5, с. 163-164]; опухоли, вывихи синтаксиса [5, с. 91].

Организмический подход к языку К. И. Чуковский переносит и на перевод. Он считает, что болезни, связанные с переводом, нужно лечить – принимать меры наподобие медицинских к прекращению болезни. К. И. Чуковский, как врач, называет лекарства. Главные – хорошо разработанный эстетический вкус, расширение словарного запаса: «Даль – вот кого переводчикам нужно читать, а также тех русских писателей, у которых был наиболее богатый словарь: Крылова, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Сергея Аксакова, Льва Толстого, Тургенева, Лескова, Чехова, Горь-

кого. Перечитывая русских классических авторов, переводчики должны запоминать те слова, которые могли бы им при переводе пригодиться, они должны составлять для себя обширные коллекции этих слов – не вычурных, цветистых, областных, а самых простых, заурядных, которые хоть и употребляются в русской обыденной речи, но переводчикам почему-то не свойственны» [5, с. 81].

При этом переводчик должен сохранить в языке перевода оттенки живой человеческой речи подлинника. Задача переводчика, считает К. И. Чуковский, заключается в том, чтобы постоянно находить такие соответствия иностранного и русского слова, какие не могут вместиться ни в одном словаре. Запущенные языковые болезни, по Чуковскому, приводят к утрате эстетического вкуса и «смерти» самого переводчика [5, с. 97].

Качество, которым К. И. Чуковский характеризует переводчиков, утративших жизнь, – «могильное равнодушие» [4, с. 563]. Таких переводчиков К.И. Чуковский сравнивает с электронной машиной, которая переводит с богатого языка на нищенски бедный, анемичный, серый, тусклый, химически чистый, пресный, бесцветный язык, то есть язык, лишенный крови, живости, живых красок. Переводчики, страдающие языковыми болезнями, или «мертвые» переводчики располагают убогим словарем, скудными запасами синонимов. Результат их работы – «перевод-информация», «перевод-опреснение», «перевод-дистилляция», «перевод-протокол» [5, с. 124, 144]. Метод работы – калькирование слова за словом, механическое воспроизведение формальных особенностей оригинального текста.

Обо всем этом К. И. Чуковский пишет с болью, очень озабоченно, точно называя проблемы, связанные с плохим переводом, и старается определить средства преодоления этих проблем.

Обращает на себя внимание то, что в живой метапоэтике К. И. Чуковского реакция на плохие переводы выражена особенно ярко. Пишет он о них в терминах деструктивности, смерти, некрофилии («могильное равнодушие», «убийство», «уничтожение», «умерщвление» и т.д.). Такие переводы приводят к ощущению мертвого, больного текста, превращенного из живого в неживой, механистический, неорганический.

Реакция на буквалистские, механистические переводы в живой метапоэтике К. И. Чуковского – резко отрицательна. Он называет такого рода переводы «клеветой на писателя» [5, с. 18, 47], переводчик часто характеризуется как враг, предатель, совершивший жестокую расправу с текстом, автором, в результате которой автор может быть зверски убитым, стать жертвой переводчика. Приведем примеры такого рода характеристик: переводчик – «враг переводимого автора» [5, с. 18], «злостные отклонения от подлинника» [5, с. 19], «творческое лицо Уолта Уитмена будет в них искажено самым предательским образом» [5, с. 22], «перевод превратился в борьбу переводчика с переводимым поэтом, в беспрестанную полемику с ним» [5, с. 22], «порочная теория» [5, с. 49], «порочный метод» [5, с. 171],

«прежние переводы были порочны по самому своему существу» [4, с. 545], «зловредная теория» [4, с. 487], «непоправимо уродливые» переводы [5, с. 49], о «Пиквикском клубе»: «Получилась тяжеловесная, нудная книга, которую нет сил дочитать до конца» [5, с. 50], о переводе Мольера Лозинским: «Все как-то накрахмалено, тяжеловесно, натянуто» [5, с. 60], о переводах Шекспира, которые сделал А.А. Фет: «Фет рабски воспроизвел эту чушь» [5, с. 74], «презрительное отношение к народу» [5, с. 114], «жестокая расправа с Лесковым» [5, с. 129], «жестокая расправа» с русскими авторами за рубежом [4, с. 500], переводчик «сокрушительно расправляется с фразеологией Шекспира» [5, с. 165], «расправа Федотова с Бернсом» [4, с. 474], «почти кулачная расправа с английским писателем» [4, с. 552], «Гоголь зверски убит переводчиками» – цитата из письма С. Монаса [4, с. 503], сочинения Флобера, изданные в 1890-х годах, – «хлам» [4, с. 545], «сплошное издевательство над Диккенсом» [4, с. 552], Шекспир – «жертва свирепствовавшего тогда формализма» [4, с. 658].

Такое живое, страстное неприятие плохой работы переводчиков связано с борьбой за жизнь языка и перевода, так как хороший перевод открывает окно в мир, плохой – мешает узнавать культуру других народов. Переводчику, утверждает К. И. Чуковский, необходимы творческое отношение к родному слову, «магическая» власть над синтаксисом, которая дает ощущение живой, одушевленной речи. К. И. Чуковский много писал о живом слове, «живом как жизнь» языке. Во всех своих работах он опирается на жизненные потенции языка, которые должны приобрести высшие эстетические функции в художественном тексте. Живое в языке должно остаться живым в тексте. Только в опоре на живую жизнь языка возможно воспроизведение духовной сущности подлинника, психологической сущности каждой его фразы. В тексте перевода должно сохраниться живое ощущение стиля подлинника, которое дает ему живой язык перевода. Только тогда перевод станет по-настоящему «высоким искусством».

Список литературы

1. Дриш Г. Витализм. Его история и система. – М.: ЛКИ, 2007.
2. Словарь русского языка: в 4 т. – М.: АН СССР, Институт русского языка, 1957 - 1961 (МАС).
3. Чуковский К. И. Бесплодные усилия любви // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1966. – Т. 3. – С. 631-665.
4. Чуковский К. И. Высокое искусство // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1966. – Т. 3. – С. 239-627.
5. Чуковский К. И. Высокое искусство // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. – М.: Терра, 2001-2009. – Т. 3. – С. 3-320.
6. Чуковский К. И. Чудотворство любви // Литературная газета. – 26 июня 1965. – С. 3.
7. Чуковский К.И. Обновление без ущерба // Литературная газета. – 9 февраля 1965. – С. 5.

УДК 81'1

Л. О. Шарычева

Лингвокультурологическое описание потенциальных компонентов в значениях слов

В настоящей статье рассматриваются потенциальные компоненты в семантических структурах имен прилагательных и причастий, выражающих эмоциональное состояние. Речевая актуализация подобных компонентов значения регистрируется на материале национальных корпусов современного русского и английского (его британского варианта) языков. Проводится сопоставительная лингвокультурологическая характеристика восприятия и переживания эмоциональных состояний носителей разных этноязыковых сообществ.

The article deals with the potential components in the semantic structures of Russian and English adjectives and participles denoting emotional state. On the basis of national corpora (Russian and British) discourse realization of such components is observed. The comparative lingvocultural characteristics of perception and experiencing different emotional states are presented.

Ключевые слова: семантическая структура слова, семантический анализ, потенциальные компоненты, речевая актуализация, корпусная лингвистика.

Key words: a semantic structure of a word, the semantic analysis, potential components, context actualization, corpus linguistics.

В рамках настоящей статьи предпринимается попытка обозначить с точки зрения лингвокогнитивного подхода актуализированные потенциальные компоненты в семантических структурах русскоязычных и англоязычных имен прилагательных и причастий (употребляемых как изолированно, так и в составе причастных оборотов), выражающих эмоциональное состояние удивления, страха и интереса. Определение и описание потенциальных компонентов лексического значения имен прилагательных проводится в результате комплексного структурно-семантического анализа лексического материала русского и английского языков. Под комплексным семантическим описанием мы понимаем подробный анализ значения лексической единицы на языковом и речевом уровнях. Анализ семантики лексической единицы на собственно языковом уровне подразумевает определение ее семантической структуры и вычленение ее конститутивных компонентов на основе информации, представленной в авторитетных лексикографических источниках. Речевой

(дискурсивный или конкретно-смысловой) уровень проведения семантического анализа позволяет установить дополнительные компоненты в структуре лексического значения исследуемой единицы, появление которых происходит в результате ее контекстуального употребления. По словам А.-Ж. Греймаса, «дискурс, рассматриваемый как проявление речи, выступает единственным источником сведений о значениях, присущих данной речи» [2, с. 55].

Подобное исследование семантики имен прилагательных и причастий, выражающих обозначенные эмоциональные состояния, проводится на материале национальных корпусов современного русского и английского (его британского варианта) языков. Не подлежит сомнению тот факт, что на современном этапе развития лингвистической науки корпусная лингвистика является не только отдельным ее разделом, но и представляет собой основную эмпирическую парадигму изучения функционирования языка [1; 4; 9; 10; 11; 12]. Языковой корпус – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов в электронной форме объемом более 140 млн. словоупотреблений в русском языке и более 100 млн словоупотреблений в английском языке. Таким образом, подобные электронные собрания текстов позволяют получить точные сведения относительно речевой организации семантических структур исследуемых лексических единиц.

Исследование речевого употребления в рамках метода контекстологического анализа служит цели определения потенциальных сем в семантических структурах исследуемых лексических единиц и описания их актуальных лексических значений. Актуальное лексическое значение слова понимается нами как проявленное значение в конкретном вербальном контексте, которое «при прямом его употреблении является стандартной контекстуальной модификацией (актуализацией) узуального лексического значения» [4, с. 85]. Данное определение обусловлено мнением, что «способность непосредственно указывать на объекты и явления мира дискурса, т.е. иметь актуальный денотат, слово обретает, будучи употребленным в речи. В отличие от словоупотребления, лексема как единица лексической системы языка актуального денотата не имеет. Лексема обретает его в составе предложения-высказывания (превращаясь при этом в словоупотребление)» [4, с. 85].

Итак, непременным условием полного раскрытия значений языковых единиц должен рассматриваться контекст, так как ни одна номинативная единица не существует изолировано, вне контекста. По справедливому замечанию Г.В. Колшанского, «большинство лексических единиц находится в связи с другими единицами, и поэтому значения этих единиц часто могут раскрываться только благодаря связи с другими единицами» [5, с. 15]. Таким образом, значение лексической единицы задается семантическими параметрами конкретного текстового отрезка. Здесь важно отметить, что

семантическая настройка лексической единицы в определенном контексте происходит на уровне мельчайших компонентов ее значения. Таким образом, в результате синтагматических отношений имен прилагательных и причастий, влияния контекстного окружения происходят изменения в организации их семантических структур по модели количественных преобразований, в соответствие с которой в семном составе увеличивается число компонентов значения.

Процессы актуализации потенциальных компонентов лексического значения имен прилагательных и причастий, выражающих эмоциональные состояния удивления, страха и интереса происходят как в русском, так и в английском языках. Однако, несмотря на то, что перечисленные эмоции, согласно теории дифференциальных эмоций К. Э. Изарда [3, с. 33], представляют собой фундаментальные или базовые эмоции человека, при всей своей универсальности, в разных языках они проявляют определенную специфику вербализации, что представляет несомненный интерес для сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии.

Проследим возможные контекстуально обусловленные преобразования семантической структуры, а именно актуализацию потенциальных компонентов лексических значений, на примерах ситуативно-контекстных употреблений имен прилагательных и причастий со значением выражения эмоциональных состояний удивления, страха и интереса в русском и английском языках, полученных из фондов национального корпуса русского языка [8] и британского национального корпуса [2].

В приведенной ниже группе примеров получает актуализацию потенциальная сема «*интенсивность (переживаемого эмоционального состояния)*», которая не была репрезентирована в семантических структурах имен прилагательных и причастий на уровне лексикографического описания. Наличие подобной потенциальной семы, как в русском, так и в английском языках, обусловлено сочетаемостью имени прилагательного или причастия, выражающего эмоциональное состояние страха с наречиями (adverb / participle + adjective):

1. *Человек, в общем-то, неплохой. Но, прежде всего, чрезвычайно напуганный* [Кио И. Э. Иллюзии без иллюзий, 1999].

2. *Что-то важное и тревожное выражало его лицо, и Апенушкин, чуть напуганный, невольно глянул назад, на дорогу: уж не катит какой-нибудь начальник?* [Азольский А. Лопушок // Новый мир, № 8, 1998].

3. *Через час появился владелец, слегка напуганный неожиданно скоротечным ремонтом!* [Вайсман А. Широко зажмурясь... // За рулем, 15.04.2004].

4. *Страшно напуганный яростной атакой, он вяло пытался отцепить меня от рубахи* [Синицына В. Муза и генерал, 2002].

5. *Не шибко пугливый Семен, иначе давно б уж помер* [Астафьев В. Царь-рыба, 1984].

6. *И вот я, немножко напуганный грозящим нашествием буйного дяди, но гордый поручением, возложенным на меня, торчу в окне, осматривая улицу* [Горький М. Детство, 1912 – 1913 гг.].

7. *Перепуганный насмерть Кадыр-бей явился в Палермо к Ушакову и умолял его восстановить дисциплину* [Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море, 1798 – 1800].

Как показывают примеры контекстуальных употреблений исследуемых лексических единиц, в русском языке вербальными показателями речевой объективации дифференциальной семы «интенсивность» выступают такие наречия, как: *чрезвычайно, страшно, насмерть, чуть, слегка, не шибко, немножко*. В русской языковой традиции данная сема представлена двумя переменными: сильной и слабой.

Обратившись к англоязычным примерам речевого употребления анализируемых лексических единиц, выражающих эмоциональное состояние страха, следует заметить, что в английском языке дифференциальная сема «интенсивность» представлена тремя переменными: сильной, средней, слабой. Лексическими репрезентантами подобной семы являются английские наречия: *excessively* (*чрезвычайно, чрезмерно*), *very* (*весьма, очень, сильно*), *most terribly* (*страшно, ужасно, в наивысшей степени*), *half* (*наполовину; неполностью, недостаточно*), *a little* (*немного, совсем не, вовсе не*), *a bit* (*немного, чуть-чуть, слегка*), *slightly* (*мало, незначительно, несущественно, немного, слегка; еле-еле*).

8. *He was most terribly **afraid** of the ferret, but he loved it with all his heart* [Walton J. Tooth and claw, 2003] (Он страшно боялся этого хорька, но любил его всем своим сердцем) [здесь и далее перевод наш. – Л. III].

9. *Children with emotional problems may, for instance, be excessively **afraid** of strangers or of separating from their parents* [Newton J. Preventing mental illness, 1992] (Дети с эмоциональными расстройствами могут, например, крайне испугаться незнакомых людей или разлуки со своими родителями).

10. *Lambert was now very **afraid*** [Robinson D. Goshawk squadron, 1971] (Сейчас Ламберт был очень напуган).

11. *She gazed up at him, still half **afraid** to believe what was happening* [Richmond S. Winter challenge, 1992] (До сих пор несколько напуганная, чтобы поверить в то, что происходит, она пристально смотрела на него).

12. *I was a little **afraid**, but this was something really important; nobody could make me get married after I had discovered something as strange as this* [Gilbert H. The star zoo, 2000] (Я был немного напуган, но это было чрезвычайно важно; никто не мог заставить меня связать себя узами брака после того, что я узнал).

13. *Chris was looking a bit **alarmed*** [Morrell J and McCarthy J. Some other rainbow, 1993] (Крис выглядел слегка встревоженным).

14. *Even Mr. Bean looked slightly **apprehensive*** [Peyton К.М. Who, sir? Me, sir?, 1988] (Даже Мистер Бин выглядел немного испуганным).

Количественное различие в переменных интенсивности эмоционального состояния страха также репрезентировано контекстуализированными лексическими единицами, входящими в состав лексико-семантической группы имен прилагательных и причастий со значением выражения эмоционального состояния интереса. Проиллюстрируем данное положение следующими примерами:

15. *Москвин жутко азартный человек. Долгое время он гонялся на яхте класса «Финн»* [Бестемьянова Н. Пара, в которой трое, 2001].

16. *Как игрок господин с полномочиями – полный «лох», но обычно азартный до невозможности* [Степаков В. Роковые страсти // Поле чудес, 15.01.2000].

17. *По правде говоря, я человек очень азартный* [Склярова Н. Если бы у медведя было ружье// Вечерняя Москва, 02.07.2002].

18. *Крайне заинтересованный рассказом, я не имел оснований не верить художнику, но в то же время не мог подыскать никакого объяснения чудесным явлениям, запечатлённым в красках его произведения* [Ефремов И.А. Озеро горных духов, (1942-1943)].

19. *Настолько фальшивую, что следовательно, минимально заинтересованный в поиске истины, мог без особого труда обнаружить это* [Боровик Г. Послесловие к книге «Дело Кольцова», 1989].

20. *Весьма заинтригованный, я прибыл туда минут за 10 до начала* [Шкловский И.С. Эшелон // Химия и жизнь, 1984].

21. *Заинтригованный и заинтересованный сверх меры, я дал ей слово* [Соломон (Исецкий) Г.А. Среди красных вождей, 1930].

Наличие подобной потенциальной семы обусловлено сочетаемостью имени прилагательного и причастия (или причастного оборота) с такими наречиями в русском языке, как: *жутко, очень, крайне, минимально, весьма, сверх меры* и с именем существительным в союзе с предлогом – *до невозможности*. В русской языковой традиции данная сема представлена двумя переменными: сильной и слабой.

Обратившись к англоязычным примерам речевого употребления имен прилагательных и причастий, выражающих эмоциональное состояние интереса, следует заметить, что в английском языке дифференциальная сема «интенсивность» представлена двумя переменными: сильной и средней. Лексическими репрезентантами подобной семы являются английские наречия: *so (настолько, так, до такой степени, так, чрезвычайно), utterly (весьма, крайне, очень, чрезвычайно), too (излишне, слишком, чересчур), immensely (безмерно, весьма, очень, сильно, чрезвычайно), a shade (немного, незначительно, несущественно, слегка; еле-еле)*.

22. *'I was utterly **absorbed** in my book,' explained Lydia, wondering where she had left it* [Ellis A. Unexplained laughter, 1985] («Я была чрезвы-

чайно увлечена книгой», – объяснила Лидия, думая (размышляя), где она ее оставила).

23. *Sergeant Bramble was so engrossed in mousing along with the Daily Express that he did not notice the opening of the door* [Richmond S. A classic English crime, 1990] (Сержант Брембл был так увлечен, цитируя Дейли Экспресс, что не заметил, как открылась дверь).

24. *Many inexperienced pilots get so thoroughly engrossed in what is going on elsewhere that they are temporarily 'switched off' of how they are flying* [Piggott D. Gliding safety, 1991] (Многие неопытные летчики становятся всецело увлечены тем, что происходит где-то в другом месте, что они временно отключаются от того, как они летят).

25. *Thankfully they were all too engrossed to notice her, and she gained the door unmolested and slipped through it, closing it softly behind her* [Bailey E. Hidden flame, 1993] (К счастью, все они были слишком увлечены, чтобы заметить ее, и ей в безопасности удалось добраться до двери и проскользнуть в нее, тихо закрыв ее за собой).

26. *She'd been so engrossed that she hadn't heard him come in* [Wilkinson L. Joy bringer, 1992] (Она была так увлечена, что не услышала, как он пришел).

27. *We are immensely keen to help consolidate democracy in Nepal* [Lucas K. Bishop's Castle Railway Society Journal, 1990] (Мы безмерно заинтересованы в том, чтобы помочь укрепить демократию в Непале).

28. *Luckily Ven seemed to be a shade preoccupied* [Steele J. West of Bohemia, 1993] (К счастью, Вен казался немного занятым).

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что в русском и английском языках интенсивность переживания эмоций ранжируется от сильной до слабой. Однако только в английском языке была установлена средняя переменная интенсивности, что позволяет сделать следующие выводы. Степень вовлеченности субъекта в состояние, источником которого послужила какая-либо эмоция, является неодинаковой. В английской языковой традиции допустимо срединное, неполное погружение в эмоциональное состояние, что позволяет говорить о большей активности субъекта, его управлении ситуацией и переживаемыми эмоциями. Характеризуя эмоциональные состояния страха и интереса в русском языке, следует отметить два диаметрально противоположных полюса степени участия субъекта, две крайности, детерминированные наличием в семантических структурах исследуемых лексических единиц потенциального компонента «интенсивность».

Компонентом, заслуживающим лингвокультурологического описания, является потенциальная сема «*темпоральность / протяженность во времени*», объективируемая в ряде контекстуальных употреблений имен прилагательных и причастий обозначенных групп. Русскоязычные контекстуальные примеры употребления лексем со значением выражения

эмоционального состояния интереса (15, 16, 29), удивления (31) и англоязычные контекст-ситуации (24, 30, 32) довольно эксплицитно репрезентируют потенциальную сему «темпоральность». Лексическими репрезентантами данного факта в русском языке выступают словосочетание – *долгое время*, наречие частоты совершения действия – *обычно* и наречие – *давно*. В английском языке о присутствии данной потенциальной семы следует судить по наречию *temporarily* (*временно, на время*), союзу *until* ((до тех пор) пока (не)) и сочетанию *for about [thirty] seconds* (*на протяжении [тридцати] секунд*). В русскоязычной традиции данная потенциальная сема представлена переменной – длительность, тогда как в английском языке, доминирует переменная кратковременности или кратности пребывания в состоянии, источником которого послужила эмоция интереса или удивления.

29. *Российский консул в Париже, Леонтий Дмитриевич Кандауров, давно интересующийся масонством, решает воспользоваться оказией* [Г. Орлов. Галерея масонских портретов // Лебедь (Бостон), 23.06.2003].

30. *He was intrigued, and sat still until she approached him* [Peyton K.M. Who, sir? Me, sir?, 1988] (Заинтригованный он сидел неподвижно до тех пор, пока она не подошла к нему).

31. *Он стоял с сознанием неизбежной бедности отдельного человеческого сердца; давно удивленный зрелищем живых разнообразных людей* [Платонов А.П. Счастливая Москва, 1936].

32. *I was dumbstruck for about thirty seconds and went as red as a radish* [Hadwick J. Owl light, 1991] (Онемев от внезапных чувств секунд на тридцать, я покраснел, как редиска).

С точки зрения лингвокультурологического подхода могут быть обозначены такие характеристики эмоциональных состояний у носителей русского языка, как: устойчивость или постоянство; а у носителей английского языка – изменчивость, т.е. эмоциональное состояние удивления или интереса является преходящим.

Достаточно распространенным потенциальным компонентом выступает «внешнее проявление эмоционального состояния». Анализируемые текстовые фрагменты позволяют сделать вывод о том, что переживание эмоций удивления, страха и интереса сопровождается каким-либо внешним отличительным признаком, например мимикой, особым выражением лица (см. ситуацию 2), движением тела и т.п.

Так, например, контекст-ситуация 32 объективирует данную потенциальную сему таким контекстуальным окружением, как *went as red as a radish* – *покраснеть*. Идентичная черта прослеживается и в русскоязычном примере 33.

33. *Удивленный Кругляш покраснел на минуту, перестав разлагаться дальше, а потом единственным своим глазом, находящимся сзади, подмигнул* [Мамлеев Ю. Кругляш, или Богиня трупов, 1975 – 1999].

Переживание эмоции страха, в противоположность удивлению, как в русском, так и в английском языках сопровождается потерей румянца, естественной окраски цвета лица; утратой силы, решительности (побледнеть – становиться бледным; *перен.*: потерять свою силу, яркость, выразительность). Подобная сема получает актуализацию посредством комбинаторной модели: имя прилагательное / причастие со значением выражения эмоционального состояния страха + и (соединительный союз) + имя прилагательное со значением бледности / причастие (Adjective / Participle and Adjective / Participle).

34. *Когда же через некоторое время мы сели обедать, в комнату вбежал перепуганный Михайла, весь бледный, руки его тряслись* [Шишкин М. «Всех ожидает одна ночь, 2010】.

35. *Но, по-видимому, этот перепуганный и побледневший лейтенант не возбуждал в адмирале ярости и желания растерзать его* [Станюкович К.М. Беспокойный адмирал, 1973】.

36. *She'd been so panicky, looked so pale* [Bawden N. Tortoise by candlelight, 1963] (Она была так напугана, выглядела такой бледной).

37. *He looked pale and alarmed, even frightened* [Burne J. My enemy, my love, 1993] (Он выглядел бледным и встревоженным, даже напуганным).

Контекстуализированные имена прилагательные и причастия со значением выражения эмоционального состояния интереса включают в свой семантический комплекс потенциальную сему «внешнее проявление». Однако пребывание в подобном состоянии не связано с изменениями цвета лица. Переживание состояния заинтересованности в английском языке сопровождается либо неподвижностью (пример 30), либо изменениями положения частей тела и манерой зрительного восприятия (пример 38). Контекстуальное сближение имен прилагательных и причастий с семантикой выражения состояния интереса и глагола *to gaze*, значение которого (*to look fixedly for a long time with the eyes wide open; пристально смотреть, вглядываться, не сводить глаз*), позволяет в качестве лексического репрезентанта потенциальной семы «внешнее проявление состояния» представить «широко открытые глаза». Подобное наблюдение также может охарактеризовать внешний признак состояния, источником которого послужила эмоция страха (см. пример 11).

38. *Edward was enthralled: he leaned his head on his hands and gazed* [P. Lively. Passing on, 1990] (Эдвард был увлечен: он положил голову на ладони и уставился).

В русском языке состояние заинтересованности прямым образом влияет на зрительную деятельность субъекта, а именно согласно ситуации 39 лексическим репрезентантом потенциального компонента «внешнее проявление эмоционального состояния» служит «обращение / направленность взгляда (в перен.: внимания) на кого-л., что-л.».

39. Лязгов, **заинтересованный**, взглянул на жену: – Почему она должна была солгать? [Аверченко А.Т. Ложь, 1910 – 1911].

В русском языке, также как и в английском, наблюдается перемещение тела (всего, тогда как в английском языке – отдельных его частей) как внешний признак переживаемой эмоции интереса (пример 40).

40. **Заинтересованный**, Франгейт подошёл ближе [Грин А.С. Ива, 1923].

Следует указать еще на одну закономерность, установленную в ходе анализа русскоязычных и англоязычных имен прилагательных и причастий со значением выражения эмоционального состояния удивления, страха и интереса. Она сводится к тому, что актуализированная потенциальная сема «результат / последствия пребывания в эмоциональном состоянии» выводит на первый план обстоятельства того, что переживаемые эмоциональные состояния в целом, или отдельно взятый эмоциональный процесс имеют, скорее, отрицательное воздействие на субъект, его поведение, отношение к действительности. Перечень нижепредставленных контекстов-ситуаций свидетельствует о том, что человек, находящийся в состоянии удивления, страха, не способен говорить:

41. *She was so **shocked** she was struck speechless* [Fox N. Love or nothing, 1993] (Она была так шокирована, что потеряла дар речи).

42. *Too **frightened** to speak, the man nodded vigorously* [McIntee D. White darkness, 1993] (Слишком испуганный, чтобы говорить, мужчина решительно кивал).

43. *Старик, **изумлённый** таким неожиданным оборотом, молчал. Он вовсе сбился с налаженного было снисходительного тона и не находил, что отвечать этому обормоту* [Шукшин В. Калина красная, 1973].

44. *Он прибежал к машине, запыхавшись, без удочек, **перепуганный**, и долго не мог произнести ни одного слова* [Сергеев М. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы, 1971].

Как в русском, так и в английском языке результатом пребывания в эмоциональном состоянии заинтересованности становятся процессы приглушения восприятия внешнего мира (24, 25, 26, 45, 46), ухудшение памяти (47), снижение внимания (48), слуха (26, 49), понимания (50).

45. ***Поглощенный** приятными мыслями, Адамсон не замечает натянутого молчания друзей* [С. Гандлевский. Знамя, 2002].

46. *Но, **поглощенный** идеей фикс придумать что-нибудь для «Советского спорта», я их не замечал* [Е. Рубин. Пан или пропал, 2000].

47. ***Поглощенный** собственными заботами, я о ее присутствии забываю* [Е. Рубин. Пан или пропал, 2000].

48. *Фарсейкин, **поглощенный** своими манипуляциями, явно пропустил эти слова мимо ушей* [В. Пелевин. Generation «П», 1999].

49. *But the other girl, engrossed in her search, didn't seem to hear her* [E. Rees. Hunter's harem, 1992] (Другая девочка, поглощенная поиском, казалось не слышит ее).

50. *Но Борис Александрович, занятый текущими делами, не мог уразуметь, чего от него, собственно, хочет Бурков* [Рязанов Э. Подведенные итоги, 2000].

Суммируя все вышесказанное, подчеркнем, что актуализированные потенциальные компоненты в семантических структурах русскоязычных и англоязычных имен прилагательных и причастий, выражающих эмоциональное состояние удивления, страха и интереса, реализуются именно в речевой семантике. Контекстуальное окружение позволяет детерминировать потенциальные семы и вписать их в семантические структуры имен прилагательных и причастий, что, в свою очередь, дополняет лексикографическую информацию с учетом функционирования языка в контексте. Для лингвокультурологического сопоставления русского и английского языков представляется необходимым исследование подобного рода, так как корпус контекстов приводит к открытию дополнительных единиц значения, позволяет получить сведения о специфических и общих чертах семантики исследуемых прилагательных и причастий, сделать выводы о соотношении языкового и этнокультурного сознания. Данный обзор представляет примеры как различий в восприятии и переживании эмоциональных состояний носителей разных этноязыковых сообществ, так и сходств.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. Британский национальный корпус. – [Электронный ресурс]: www.natcorp.ox.ac.uk.
3. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / пер. с фр. Л. Зиминой. – М.: Академический проект, 2004.
4. Захаров В. П. Корпусная лингвистика: учебно-метод. пособие. – СПб., 2005.
5. Изард К. Э. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2008.
6. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебник. – изд. 4-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
7. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. – изд. 3-е. – М.: ЛКИ, 2007.
8. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]: www.ruscorpora.ru.
9. Плунгян В. А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов. – [Электронный ресурс]: www.polit.ru/lectures/2009/10/23/corpus.html.
10. Kennedy G. An Introduction to Corpus Linguistics. – London, 1998.
11. McEnery A., Wilson A. Corpus Linguistics. – Edinburgh, 1996.
12. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. – Oxford University Press, 1991.

Сведения об авторах

Абдулаева Индира Ахмедовна – доцент, кандидат филологических наук, Дагестанский государственный педагогический университет (г. Махачкала); indira.005@mail.ru

Авдевина Ольга Юрьевна – доцент, Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языка МПГУ (г. Саратов); rosauzb@gmail.com

Алиева Гюльнара Низамовна – профессор, Дагестанский государственный технический университет, доктор филологических наук, профессор (г. Махачкала); dagalieva@mail.ru

Антонова Ирина Валерьевна – учитель английского языка средней общеобразовательной школы № 30/38 (г. Северодвинск); treasure_island@yandex.ru

Генералова Светлана Николаевна – соискатель, Башкирский государственный университет (г. Уфа); sgeneralova@mail.ru

Герасимова Ирина Фёдоровна – старший преподаватель, Рязанский заочный институт (филиал) Московского государственного университета культуры и искусств, кандидат филологических наук (г. Рязань); gif221255@yandex.ru

Голоднов Антон Владимирович – доцент, Выборгский филиал Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, кандидат филологических наук, доцент (г. Выборг); antongo@inbox.ru

Грибкова Екатерина Ивановна – аспирант, Педагогический институт Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (г. Саратов); gribkatya@yandex.ru

Давыдова Татьяна Сергеевна – аспирант, Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Северодвинский филиал (г. Северодвинск); tatd@atnet.ru

Демидова Татьяна Дмитриевна – аспирант, Курский государственный университет (г. Курск); magistr1505@mail.ru

Зербалиева Наиля Фаиковна – старший преподаватель, Дагестанский государственный технический университет, кандидат филологических наук (г. Махачкала); dagalieva@mail.ru

Качалова Марина Павловна – соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург); mkachalova@mail.ru

Лаврова Александра Николаевна – профессор, Нижегородский государственный технический университет имени Р. Е. Алексеева, доктор филологических наук, профессор (г. Нижний Новгород); alexandralavr@mail.ru

Леонтьева Татьяна Валерьевна – доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет, кандидат филологических наук, докторант Уральского государственного университета имени А. М. Горького, доцент (Екатеринбург); leotany@mail.ru

Марцинкевич Наталья Эдуардовна – преподаватель, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (Беларусь, г. Гомель); martsynkevich@mail.ru

Метельская Елена Владимировна – аспирант, Астраханский государственный университет (г. Астрахань); metelskayaev@rambler.ru

Микрюкова Татьяна Николаевна – соискатель, Московский педагогический государственный университет (Москва); tatyandel@mail.ru

Морженкова Наталия Викторовна – доцент, Московский городской педагогический университет, кандидат филологических наук (Москва); natalia.morzhenkova@gmail.com

Нагина Ксения Алексеевна – доцент, Воронежский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Воронеж); k-nagina@yandex.ru

Никифорова Анна Николаевна – доцент, Уфимский государственный авиационный технический университет, кандидат филологических наук (г. Уфа); annie78@yandex.ru

Нуралиева Катиба Зейдуллаевна – доцент, Дагестанский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, (г. Махачкала); katiba@yandex.ru

Пестерова Наталья Владимировна – аспирант, Вологодский государственный педагогический университет (г. Вологда); nata26071980@mail.ru

Петренко Денис Иванович – докторант, Ставропольский государственный университет, кандидат филологических наук (г. Ставрополь); textus@mail.ru

Погребняк Юлия Владимировна – доцент, Волгоградский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Волгоград); ruyma@yandex.ru

Смирнова Светлана Анатольевна – доцент, Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Северодвинский филиал, кандидат филологических наук, доцент (г. Северодвинск); saa29@mail.ru

Сорокина Татьяна Евгеньевна – доцент, Педагогический институт Южного федерального университета, кандидат философских наук (г. Ростов–на–Дону); tasor74@yandex.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна – профессор, Северодвинский филиал Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук (г. Северодвинск); taniafed@atnet.ru

Фролова Любовь Васильевна – аспирант, Липецкий государственный педагогический университет (г. Липецк); frolovalv@rambler.ru

Шарычева Любовь Олеговна – аспирант, Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург); L_sharycheva@mail.ru.

Шустова Светлана Викторовна – профессор, Некоммерческое партнерство высшего профессионального образования «Прикамский социальный институт», кандидат филологических наук (г. Пермь); lana_schust@bk.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра литературы и русского языка, каб. 316.
- отправить по электронной почте: E-mail: vestnikfilol@yandex.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Санкт-Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 479-90-34

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

Для заметок

Научный журнал

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 2

Том 1. Филология

Оригинал-макет *Н.П. Никитиной*

Подписано в печать 15.06.2011
Бумага офсетная. Формат 60x90 1/16
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 14,5
Тираж 500 экз.
Заказ 656